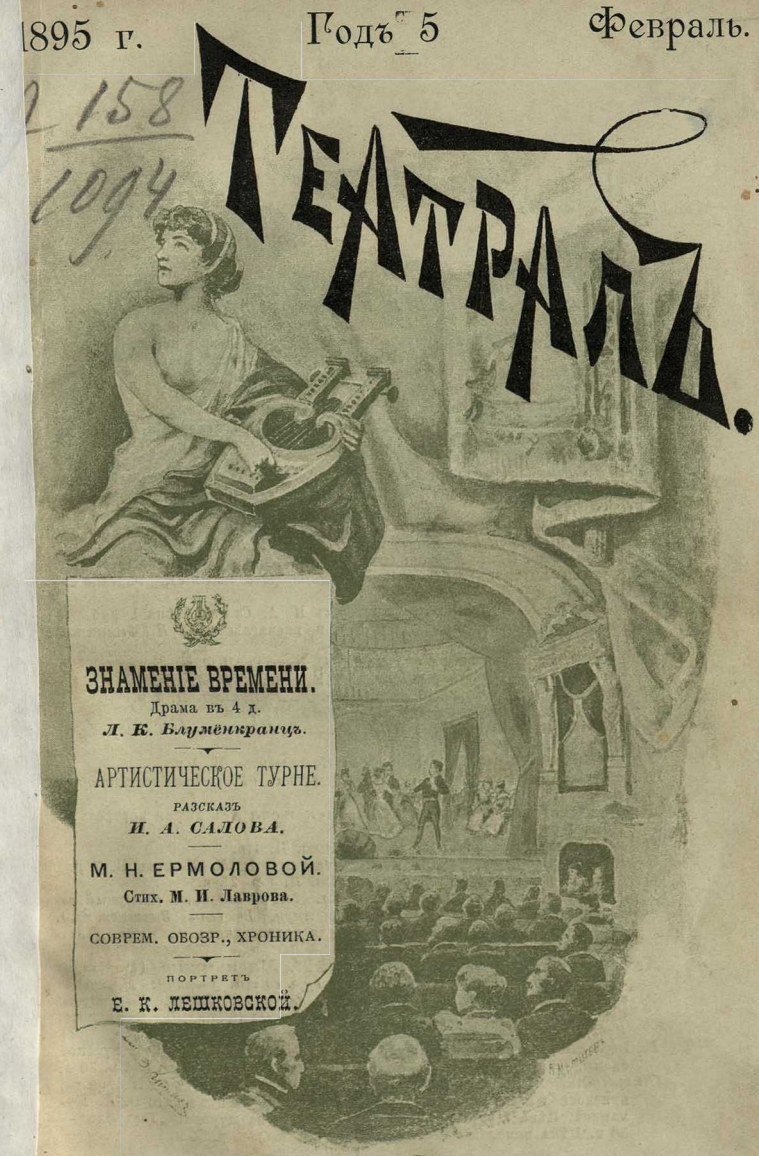
A 158
1094
1895 T. 2 № 8-10

2015595181

1895 г. Годъ 5 Февраль.

2 158
1094

ТЕАТРЪ.



ЗНАМЕНІЕ ВРЕМЕНИ.
Драма въ 4 д.
Л. К. Блуменкранцъ.

АРТИСТИЧЕСКОЕ ТУРНЕ.
РАЗСКАЗЪ
И. А. САЛОВА.

М. Н. ЕРМОЛОВОЙ.
Стих. М. И. Лаврова.

СОВРЕМ. ОБОЗР., ХРОНИКА.

ПОРТРЕТЪ
Е. К. ЛЕШКОВСКОЙ.

Томъ II. № 8. Книга 3.

Изданія Ѳ. А. Куманина:

Для домашнихъ и любительскихъ спектаклей. Сборникъ пьесъ *Е. М. Бабецкаго, В. В. Билибина, П. П. Гнѣдича, Г. Н. Грессера, Вл. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, А. П. Чехова, А. М. Шмидтгофа, Й. Л. Щеглова, Т. Л. Щепкиной-Куперникъ* и др. („Медвѣдь", „Предложеніе", „Елка", „Букетъ", „Молчаніе", „Школьная пара", „Женская чепуха", „Лѣтняя картинка", „Наединѣ", „Иронъ", „Жоржинька", „Въ слѣдующій разъ", „Наканунѣ золотой свадьбы", „Женя", „Волшебный вальсъ"). Ц. 2 р., для подписч. на „Театралъ"—1 р. 50 к.

Указатель 953 пьесъ для любительскихъ спектаклей, съ обозначеніемъ ролей по амплуа и нужныхъ декорацій, составленъ *Н. Г. Леонтьевымъ.* Цѣна 50 к., для подписчиковъ на „Театралъ" — 25 коп.

Устройство сцены для любительскихъ спектаклей съ чертежами, *К. Н. Кузьминскаго.* Цѣна 50 к., для подписчиковъ на „Театралъ"—25 коп.

Между прочимъ, сборникъ разсказовъ *А. П. Чехова, П. П. Гнѣдича, Т. Л. Щепкиной-Куперникъ, И. Л. Щеглова, И. Н. Потапенко, Е. П. Гославскаго, В. М. Михеева* (**съ фототипическими виньетками и портретами авторовъ**). *(Роскошное миніатюрное изданіе).* **Изданіе 2-е.** Цѣна 80 к.

Суета мірская. Сборникъ разсказовъ *И. А. Салова.* Цѣна 1 руб.

Подъ лѣтнимъ небомъ, встрѣчи и впечатлѣнія. *С. Н. Филиппова.* Цѣна 1 руб.

Художники, очерки и разсказы *В. М. Михеева.* Ц. 1 р.

Убылъ дни.—Около истины. Двѣ повѣсти. *И. Л. Щеглова.* Ц. 1 р.

Сквозь дымку слезъ. 10 разсказовъ *И. Л. Щеглова.* Ц. 1 р.

Вопросъ о цвѣтномъ слухѣ. *А. Бине.* Ц. 50 к.

Уютный уголокъ, повѣсть *И. А. Салова. (Роскошное миніатюрное изданіе).* Ц. 80 к.

Будни. Очерки и разсказы *Вячеслава Подкольскаго.* Ц. 1 р.

Влюбленный дьяволъ, новелла *Кизотта. (Роскошное миніатюрное изданіе).* Ц. 80 к.

Воспоминанія актера А. А. Алексѣева (съ двумя портретами) Цѣна 1 руб.

Съ натуры. 13 разсказовъ. *И. А. Салова.* Ц. 1 р.

Золотыя розсыпи, романъ въ 2-хъ частяхъ. *В. М. Михеева.* Ц. 2 р.

Сиренъ. 15 разсказовъ *С. Н. Филиппова.* Ц. 1 р. 25 к.

Драматическія произведенія Вл. Александрова *(Спорный вопросъ. Пѣснь горя. На жизненномъ пиру. Въ семь Знаменскомъ.),* съ портретомъ автора. Цѣна 2 р., для подписчиковъ на журн. „Театралъ"—1 р. 50 к.

Драматическія произведенія И. И. Мясницкаго. *(Страшная месть. Дядюшкина квартира. Какъ куръ во щи. Горячка. Маленькая война. Крахъ банка. Чья эта шляпа, сударыня? Заяцъ. Ни минуты покоя. Тещу выкуриваютъ! Она одна. Женихъ пріятный. Затмились. Зубъ).* Цѣна 3 р., для подписчиковъ на „Театралъ" 2 р.

Ради милой сердцу, ком. вод. въ 4 д. *Хакландера,* перед. для русской сцены. Цѣна 50 к. Цѣна комплекта по числу ролей (10 экз.) 2 р. 50 к.

Сильнодѣйствующее средство (Doktor Klaus) ком. въ 4 д. *Л'Аронжа,* приспособленный для русской сцены переводъ съ нѣмецкаго Ѳ. А. Куманина. Цѣна 1 р. 50 к., для подписчиковъ на журналъ „Театралъ"—50 к. Цѣна комплекта по числу ролей (16 экз.)—2 р. 50 к.

„ТЕАТРАЛЪ“

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Годъ 5-й. Книга 8-я. **№ 8.** Томъ II-й. Книга 3-я.

Февраль 1895 года.

МОСКВА.

Типо-лит. Высочайше утвер. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, собственный домъ.

1895.

СОДЕРЖАНІЕ:

1) **„ЗНАМЕНІЕ ВРЕМЕНИ“**, драма въ 4 д. **Л. К. Блуменкранцъ** 1

2) **Артистическое турне**, разсказъ **И. А. Салова** . . 69

3) **М. Н. Ермоловой**, стихотв. **М. И. Лаврова** 84

4) **Современное обозрѣніе**. (Москва, Малый театръ: Чествованіе памяти И. А. Крылова, ст. **В. И. Марова**. Возобновленіе ком. *„Невольницы“* и *„Стряпчій подъ столомъ“*. Никитскій театръ: *„Знаменіе времени“* и *„Женская чепуха“*, ст. **Х.** Театръ г. Корша: *„Графиня ди Шалланъ“*, ст. **В. Марова**) . . 86

Корреспонденціи изъ Харькова и Царицына . . . 94

5) **Хроника** 95

6) Справочный отдѣлъ.

Объявленія.

Приложеніе.

7) **Портретъ Е. К. Лешковской.** (Фототипія К. А. Фишеръ въ Москвѣ).

Въ слѣдующихъ книжкахъ будутъ между прочимъ напечатаны новыя пьесы: *„Главный выигрышъ“* (*„Двѣсти тысячъ“*), ком. въ 3 д. **И. И. Мясницкаго**, *„Крестная мамаша“*, фарсъ въ 3 д. **И. И. Мясницкаго**, *„Лѣсная глушь“*, ком. въ 4 д. **М. И. Лаврова**, *„Сезонъ“*, ком. въ 5 д. **М. И. Разсудова**, *„Старые счеты“*, драм. этюдъ въ 4 д. **И. А. Салова**, *„Черная лебедь“*, ком. въ 2 д. **В. Л. Лашкова** и *„Право любить“*, ком., въ 4 д. **М. Нордау**.

Слѣдующій № 9 „Театрала“ выйдетъ 24 февраля.

Дозволено цензурою. Москва, 8 февраля 1895 года.

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	200 г.
	3	~1-19					241	

Контора журнала «Театралъ» покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, по возможности ***заблаговременно,*** сообщать о

ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

При этомъ гг. подписчики благоволятъ сообщать какъ новый, такъ и старый адресъ и прилагать

25 коп. почтовыми марками.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

„СПРАВОЧНЫЙ ЛИСТОКЪ
для сценическихъ дѣятелей“

(годъ 2-й).

ПРОГРАММА.

I. Адресы сценическихъ дѣятелей какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ.

Адресы, доставляемые сценическими дѣятелями, помѣщаются въ „Листкѣ“ **безплатно.** Независимо отъ этого редакція принимаетъ всѣ зависящія отъ нея мѣры къ пополненію доставленныхъ адресныхъ свѣдѣній изъ другихъ источниковъ.

Желающіе могутъ при этомъ доставлять данныя объ ихъ дѣятельности, въ видѣ контрактовъ, афишъ и проч., на основаніи которыхъ помѣщаются свѣдѣнія о дѣятельности того или иного лица.

II. Адресы антрепренеровъ и представителей товариществъ и другихъ лицъ, отъ которыхъ зависятъ ангажементы сценическихъ дѣятелей.

Здѣсь кромѣ адресныхъ свѣдѣній помѣщаются свѣдѣнія о томъ, кому изъ этихъ лицъ и какіе именно (по роду занятій) требуются сценическіе дѣятели. Свѣдѣнія эти принимаются также безплатно.

III. Театральныя новости.

IV. Списки театровъ свободныхъ отъ аренды, а также и занятыхъ и кѣмъ именно. Планы театровъ, свѣдѣнія о сборахъ за прежніе сезоны.

V. Объявленія.

☞ **Редакція покорнѣйше проситъ гг. артистовъ и антрепренеровъ сообщать ей свои адреса и другія свѣдѣнія, упомянутыя въ программѣ.**

Главнымъ результатомъ доставленія этихъ справочныхъ свѣдѣній должно быть содѣйствіе въ предложеніи услугъ со стороны сценическихъ дѣятелей, въ отысканіи по этимъ свѣдѣніямъ ангажементовъ и вообще облегченіе въ сношеніяхъ между представителями спроса и предложенія въ области театра.

„**Справочный Листокъ**“ является связующимъ звеномъ между интересами этихъ дѣятелей. При этомъ, однако, „**Листокъ**“ *исключительно* даетъ справочныя свѣдѣнія, но не принимаетъ на себя никакого другого посредничества между своими читателями, въ смыслѣ рекомендацій и вообще устройства ихъ дѣлъ.

Выходъ въ свѣтъ „**Справочнаго Листка**“ пріурочивается къ великопостному сезону, когда по преимуществу заключаются ангажементы.

„Справочный Листокъ“ будетъ выходить въ теченіе Великаго поста по два раза въ недѣлю, а по мѣрѣ надобности и чаще.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА безъ доставки **1** р., съ доставкой и пересылкой—**1** р. **50** к., а для подписчиковъ на журналъ „Театралъ“ безъ доставки—**50** к., съ доставкой и пересылкой **1** р.

Частныя объявленія принимаются съ платою по 20 к. за строку петита.

Подписка принимается въ книжномъ магазинѣ журнала „ТЕАТРАЛЪ“ въ Москвѣ, Страстной бульв., д. Адельгеймъ.

Знаменіе времени.

Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

Л. К. Блюменкранцъ *).

Къ представленію дозволено 23 ноября 1894 г. № 6861.

Разрѣшеніе постановки піесы на сценѣ зависитъ отъ мѣстнаго агента Общ. Рус. Драм. Писателей.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Николай Михайловичъ Панаевъ — директоръ гимназіи, лѣтъ 50.
Вѣра Николаевна, его жена, 25 л.
Ваня, ихъ сынъ.
Глафира Николаевна, 23 л. } Сестры Вѣры Ни-
Соня, 16 л. } колаевны, Якунины.
Марья Петровна, ихъ мать.
Александръ Павловичъ Вронскій, учитель гимназіи, 23 л.
Князь Анатолій Львовичъ Мерцаловъ, лѣтъ 40, петербургскій левъ.
Старенькій графъ.
1-я и 2-я дамы: пожилая и старуха.
Барышня.
Кавалеръ.
Ефремъ Лукьянычъ, приказчикъ въ имѣніи Якуниныхъ.

*) Сюжетъ 1-го акта заимствованъ изъ романа гр. Толстой „Неугомонное сердце“.

Даша, горничная въ домѣ Панаевыхъ.
Нянька—Якуниныхъ.
Лакей у Мерцалова.

I-е дѣйствіе происходитъ въ домѣ Панаева. II-е — въ имѣніи Якуниныхъ. III-е—въ Петербургѣ у Мерцалова. IV-е—въ домѣ Вронскаго.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Небогато, но изящно обставленная гостиная въ квартирѣ Панаева.

1) ПАНАЕВЪ И ВРОНСКІЙ.

Панаевъ. Стыдно! Стыдно!

Вронскій. Бросьте, Николай Михайловичъ! Охота вамъ изъ-за меня волноваться! Я сознаю свою вину и искренно прошу извиненія.

Панаевъ. Нѣтъ, нѣтъ, Александръ, такъ не можетъ продолжаться. Я слишкомъ долго терпѣлъ. (*Вронскій хочетъ говорить, но Панаевъ затыкаетъ уши.*) Нѣтъ, нѣтъ, и не говори мнѣ лучше ничего: я и слушать не буду.

Вронскій. Добрѣйшій Николай Михайловичъ! Повторяю вамъ: я виноватъ, я вполнѣ сознаю свое легкомысліе и малодушіе, но неужели же мнѣ нѣтъ оправданія? Неужели вы въ молодости не поддавались тѣмъ искушеніямъ, которыя манятъ меня со всѣхъ сторонъ? Да, по правдѣ сказать, что я такое сдѣлалъ? Пропустилъ два-три урока, такъ вѣдь за меня занимались, (*Умоляюще.*) Не браните же меня такъ сильно, не то я воображу себя Богъ вѣсть какимъ преступникомъ.

Панаевъ. Не мѣшало бы вамъ это думать, а то вы слишкомъ снисходительны къ себѣ. (*Мягче.*) Ну, послушай, Саша, зачѣмъ ты ведешь такую безалаберную жизнь: бѣгаешь по ночамъ, играешь въ карты, манкируешь своими обязанностями? Ну, какъ тебѣ не стыд-

но? Я вѣдь отвѣчаю за тебя: твой отецъ поручилъ тебя мнѣ и на мнѣ лежитъ нравственная обязанность остановить тебя, пока не поздно. Ты только что покинулъ университетъ и вышелъ на дорогу. Ну что же дальше то будетъ? Ну будь другой директоромъ, вѣдь ты лишился бы мѣста.

Вронскій (*перебивая*). Не буду! Не буду больше, дорогой Николай Михайловичъ! Вы знаете мою безхарактерность! Но теперь даю вамъ честнѣйшее слово, что моей вѣтрености конецъ: я собираюсь жениться.

Панаевъ (*изумленно*). Жениться?! На комъ?

Вронскій. На Софьѣ Николаевнѣ.

Панаевъ. Ты сумасшедшій! Вѣдь она еще не окончила курса гимназіи—это во-первыхъ, а во-вторыхъ врядъ ли ее отдадутъ за такого повѣсу, какъ ты. (*Шутливо.*) Да, наконецъ, мужъ долженъ всегда быть нѣсколько старше жены, а вѣдь вы почти ровесники.

Вронскій (*съ укоромъ*). Николай Михайловичъ! Что вы?! Мнѣ двадцать три года, а Софьѣ Николаевнѣ шестнадцать. (*Панаевъ добродушно смѣется*.) Нѣтъ, вы на менн нападаете сегодня какъ никогда. Я лучше отправлюсь въ вашу дѣтскую, и пусть поцѣлуй младенца смоетъ всѣ мои преступленія. (*Уходитъ въ двери налѣво.*)

Панаевъ (*смотря ему во слѣдъ*). Эхъ, молодость, малодость! (*Уходитъ въ кабинетъ.*)

---

2) КН. МЕРЦАЛОВЪ и ГОРНИЧНАЯ.

Горничная. Потрудитесь подождать здѣсь, пока я доложу барину. (*Уходитъ.*)

Мерцаловъ (*одинъ*). Вотъ не ожидалъ увидѣть подобную красавицу въ такой глуши. Совсѣмъ королева. Эта плавная походка, этотъ стройный станъ, что то

величественное сквозитъ во всей ея фигурѣ. Нѣтъ, я положительно ею увлеченъ... Жаль, что я не успѣлъ представиться ей у предводителя, но все равно, не опоздаю... Интересно знать, какъ они живутъ? (*Оглядываясь.*) Здѣсь роскошью въ глаза не бьетъ, а вѣдь при жизни ея отца они жили довольно широко. Какъ-то теперь она мирится со своею обстановкой? Зачѣмъ она вышла замужъ за старика? Все это немного странно и требуетъ разъясненій. (*Пауза.*) Однако, что же я здѣсь долго осужденъ стоять на часахъ?

3) ГОРНИЧНАЯ.

Горничная. Пожалуйте (*Отворяетъ дверь кабинета.*)
Князь (*уходитъ туда.*)

---

4) ВѢРА НИКОЛАЕВНА.

Вѣра Николаевна. Кто пришелъ?
Горничная. Князь Мерцаловъ у барина въ кабинетѣ.
Вѣра. Хорошо, ступай.
Горничная. (*уходитъ*).

Вѣра Николаевна (*садится къ піанино, беретъ нѣсколько аккордовъ, потомъ порывисто встаетъ.*) Ахъ, какая тоска!.. И вотъ вся жизнь! Сегодня, какъ вчера, завтра – какъ сегодня, и это нескончаемо! Хотьбы одинъ свѣтлый лучъ!.. Сумерки, вѣчныя сумерки!.. Вѣдь это ужасно! Превратиться въ какую то кастеляншу при богадѣльнѣ, въ экономку, которая должна напрягать свой мозгъ для вспоминаній о забытой копѣйкѣ, истраченной на соль и не записанной въ расходную книгу. Какъ все это опротивѣло мнѣ! Вѣдь, масса людей живетъ такъ, но я... я не могу! Обладать красотой и прожить весь вѣкъ въ темномъ углу! Видѣть какъ она увядаетъ, не веселя ничьего взора. Вѣдь это преступленіе ни чѣмъ не меньше чѣмъ зарывать

талантъ въ землю. (*Съ досадой.*) Но что же я могу сдѣлать? Я существо связанное на всю жизнь?! Это ужасно! (*Закрываетъ лицо руками.*)

5) ВРОНСКІЙ.

Вронскій (*тихо подкрадывается къ Вѣрѣ Николаевнѣ. При первыхъ его словахъ, она вздрагиваетъ*). Вѣра Николаевна! Сегодня мы еще не слыхали вашего голоса, скажите, что сдѣлать, чтобы вывести васъ изъ состоянія, близкаго къ летаргіи?

Вѣра Николаевна (*взглянувъ на него, молчитъ*).

Вронскій. Да что же вы молчите? Право, такое молчаніе можетъ сдѣлать честь факиру, но не такому существу какъ вы.

Вѣра Николаевна. Какому же это «такому», Сашенька?

Вронскій. Ого! Значитъ, вы въ духѣ, если пошло на Сашеньку?

Вѣра Николаевна. Ну, не совсѣмъ такъ... Скажите лучше, бѣглецъ, гдѣ вы были?

Вронскій. Во многихъ мѣстахъ. Всѣхъ и не вспомнишь.

Вѣра Николаевна. И вамъ не стыдно? Вы измучили Николая Михайловича: онъ о васъ страшно безпокоится.

Вронскій (*затыкая уши*). О, Боже мой! Хоть вы то меня пощадите! Я сегодня столько разъ сгоралъ отъ стыда, что отъ меня останется въ концѣ концовъ одинъ пепелъ. Николай Михайловичъ до слезъ довелъ.

Вѣра Николаевна (*весело*). Да? Ну, такъ я пощажу васъ. Я думала, что вамъ ваше бѣгство прошло безнаказанно. А я добрая и вознагражу васъ за всѣ горести такъ, что вы, какъ фениксъ, возродитесь изъ пепла.

Вронскій. За что же на меня свалилось такое счастіе?

Вѣра Николаевна. Успокойтесь, заслужили не вы. Благодарите мужа: онъ даетъ мнѣ денегъ на костюмъ для губернаторскаго костюмированнаго бала, а такъ какъ денегъ очень не много и платья на нихъ сдѣлать нельзя,—то я сдѣлаю какой нибудь костюмъ. Вы вѣдь по недоразумѣнію учитель математики, художникъ къ вамъ больше бы шелъ, поэтому я беру васъ въ сотрудники: извольте мнѣ выбрать такой костюмъ, который былъ бы и оригиналенъ и шелъ ко мнѣ. За это я васъ награжу.

Вронскій. Наградите?

Вѣра Николаевна. Ну, да! Я не буду васъ бранить и буду сквозь пальцы смотрѣть на ваши дурачества.

Вронскій (*радостно*). Да?! И все простите, что бы я ни говорилъ и чтобы я ни дѣлалъ?

Вѣра Николаевна (*смѣясь*). Ну, да! До извѣстной степени.

Вронскій (*умоляюще*). Прошу васъ безъ «извѣстной степени». Ну хоть разъ въ жизни сбросьте вашу ледяную кору и будьте вполнѣ, вполнѣ добры ко мнѣ! Вѣдь для этого такъ мало нужно.

Вѣра Николаевна. Хорошо! Будь по вашему. Вѣдь вы балованное дитятко. Несите сюда поскорѣе со стола журналы и будемъ вмѣстѣ выбирать костюмъ.

Вронскій (*быстро исполняя приказаніе*). Неужели перспектива бала привела васъ въ это чудное настроеніе.

Вѣра Николаевиа (*грустно*). Вы удивляетесь, Сашенька? Это происходитъ оттого, что вы совсѣмъ меня не знаете. Вы не знаете, сколько подъ моей, какъ вы говорите, ледяной корой, таится огня, грѣшныхъ мыслей и... знаете, бываютъ минуты, Сашенька, когда я задыхаюсь...

Вронскій (*съ изумленіемъ смотритъ на нее*).

Вѣра Николаевна (*смѣясь*). Ну, да! что вы на меня такъ смотрите? Не ожидали? Пустяки! я просто соскучилась... засидѣлась дома. Мнѣ нужно разсѣяться.

Ну, а пока давайте лучше смотрѣть картинки. (*Перелистываетъ журналы.*)

Вронскій (*очень близко садится около Вѣры Николаевны.*)

Вѣра Николаевна. Вамъ нравится сидѣть такъ близко?

Вронскій. Мнѣ прекрасно. Не забывайте, что мнѣ сегодня позволены дурачества.

Вѣра Николаевна. Да, дѣйствительно, сегодня для васъ счастливый день.

Вронскій. Какого же цвѣта вы хотите дѣлать костюмъ и въ какомъ родѣ?

Вѣра Николаевна. Только не шелковый,— въ остальномъ полагаюсь на васъ.

Вронскій. Эврика!

Вѣра Николаевна. Что вы кричите?

Вронскій. Смотрите—статуя! Вотъ что къ вамъ пойдетъ: греческая прическа, туника изъ бѣлаго кашемира, на головѣ жемчугъ Просто, оригинально и красиво! Вы будете похожи на богиню и сами боги сойдутъ съ Олимпа поклониться вамъ. Строгая прическа, и эти мелкіе вьюнчики около лба и висковъ. Такихъ дивныхъ волосъ, какъ у васъ, я ни у кого не видалъ.

Вѣра Николаевна (*смѣясь*). Какъ жаль, что вы не Аполлонъ!

Вронскій (*притворно вздыхая*). Родители сплоховали именемъ.

Вѣра Николаевна. Но такъ и быть, за вашу любезность богиня снизойдетъ къ простому смертному и, если будетъ танцовать, протанцуетъ съ нимъ кадриль.

Вронскій. Третью кадриль.

Вѣра Николаевна. Нѣтъ, вторую.

Вронскій. Прошу! Умоляю васъ, третью! Сегодня вы обѣщали быть вполнѣ ко мнѣ добры.

Вѣра Николаевна. Ну, хорошо! Садитесь и будемъ думать. Не придумаемъ ли чего-нибудь еще? (*Видя,*

что Вронскій придвигается къ ней черезчуръ близко). Только не такъ близко.

Вронскій (*придвигаясь еще ближе*). Извините, сегодня мой праздникъ. Мнѣ нужно призвать на помощь все мое вдохновеніе, чтобы придумать еще что-нибудь достойное васъ. Вы должны быть и будете царицей бала, а мы, ваши послушные рабы, будемъ издали восторгаться.

Вѣра Николаевна. Опять глупости?

Вронскій (*приближая къ ней голову*). Вы не должны упрекать меня, вы забыли, что я въ своемъ правѣ.

Вѣра Николаевна. Послушайте, несносный Сашенька, наклоняетесь такъ близко ко мнѣ, что невольно является желаніе запустить руки въ вашу косматую гриву.

Вронскій (*наклоняя голову*). Пожалуйста!

Вѣра Николаевна (*беретъ его за волосы*). Больно?

Вронскій (*страстно*). Нѣтъ, хорошо! Тяните больнѣе!

Вѣра Николаевна (*быстро отстраняясь*). Довольно!

Вронскій (*страстно цѣлуя ея руку*). Дорогая!

Вѣра Николаевна. Пустите!

Вронскій (*быстро*). Нѣтъ, вѣдь вы сегодня все должны принимать въ шутку, а на шутку умные люди не сердятся. Я знаю, что вы никогда не взглянете на меня серьезно и не позволите говорить о томъ, что я чувствую, иначе, какъ въ шутку.. Ну, вотъ видите, я шучу, когда говорю, что люблю васъ!..

Вѣра Николаевна (*строго*). Сашенька! Александръ Павловичъ!..

Вронскій. Я шучу и ради шутки цѣлую васъ. (*Цѣлуетъ въ губы.*)

Вѣра Николаевна (*быстро встаетъ и проводитъ рукой по губамъ*). Негодный мальчишка!

Вронскій (*взволнованно отходитъ къ окну*).

Вѣра Николаевна. Вотъ вы всегда такъ! Вы сумасшедшій, несносный мальчишка, которому ничего нельзя позволить. Не позволю вамъ больше ни малѣйшей вольности. (*Пауза.*) Что же вы тамъ стоите, уткнувшись въ окно? Я увѣрена, что вамъ стыдно за вашу глупую... шутку и вы раскаиваетесь въ ней.

Вронскій (*не двигается.*)

Вѣра Николаевна (*повелительно*). Александръ Павловичъ! Сашенька! Идите же сюда! (*Подходитъ къ нему и кладетъ ему на плечо руку.*)

Вронскій (*быстро оборачиваясь*). Простите меня! Простите! Я былъ грубымъ дикаремъ и оскорбилъ васъ.

Вѣра Николаевна. Полноте! Будетъ! Я не сержусь! Прощаю! Я знаю, вы не желали меня оскорбить: вы, просто, начали шуткой и не удержались.

Вронскій. Вы прощаете меня?

Вѣра Николаевна. Вполнѣ. Тѣмъ болѣе, что я сама еще больше виновата. Но довольно! Забудемъ объ этомъ. Садитесь и начнемъ говорить серьезно. (*Садятся*). Вамъ, Александръ Павловичъ, надо отрезвиться отъ той жизни, которую вы ведете: мой совѣтъ – жениться.

Вронскій. На комъ прикажете?

Вѣра Николаевна. Прикажете?! Точно это можно приказывать. Могу совѣтовать только жениться на Алѣ.

Вронскій. Это въ видѣ отрезвляющаго средства?

Вѣра Николаевна. Моя Аля—отрезвляющее средство?! Вы положительно дерзки сегодня, мой другъ! Моя кроткая, добрая Аля—отрезвляющее средство? Право, я говорю серьезно,—я такъ люблю васъ обоихъ, что мнѣ бы хотѣлось васъ соединить.

Вронскій. Я очень люблю и уважаю Глафиру Николаевну, но, откровенно говоря, никогда бы на ней не женился.

Вѣра Николаевна. Отчего же это, скажите пожалуйста?

Вронскій. Она слишкомъ прозаична.

Вѣра Николаевна. Ничего вы не понимаете! Вотъ что! Дѣйствительно, выбирая подвѣнечное платье, Аля скорѣе обратитъ вниманіе на его прочность, чѣмъ на красоту, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней есть и поэзія— это надо умѣть чувствовать.

Вронскій. Если ужъ жениться, такъ я скорѣе женился бы на....

Вѣра Николаевна *(перебивая).* На комъ?

Вронскій. Вы опять разсердитесь?

Вѣра Николаевна. Нѣтъ... На комъ?

Вронскій. На Софьѣ Николаевнѣ?

Вѣра Николаевна. На Сонѣ? Ну, это не для васъ. Я не рѣшилась бы довѣрить ее такому вѣтренику, какъ вы... Вспомните вашъ сегодняшній поступокъ.

Вронскій *(съ укоромъ).* Вѣра Николаевна! Вспомните слова Пушкина: «то кровь кипитъ, то силъ избытокъ.»

Вѣра Николаевна *(смѣясь).* Хорошо! Хорошо! Посмотримъ.

6) МАРЬЯ ПЕТРОВНА И ГЛАФИРА НИКОЛАЕВНА.

Марья Петровна. Здравствуй, Вѣра. Мы къ тебѣ на цѣлый день.

Вѣра Николаевна. Вотъ это мило! *(Цѣлуетъ мать и сестру.)* А гдѣ же моя шалунья?

Глафира Николаевна. Развѣ ты ее не знаешь? Она на улицѣ, какъ дома, напѣваетъ, останавливается около каждаго магазина, заводитъ разговоры съ проходящими.

Марья Петровна. Я просто не знаю, что мнѣ дѣлать съ ней? У меня отъ ея проказъ голова идетъ кругомъ.

7) *При послѣднихъ словахъ въ дверяхъ показывается* СОНЯ.

Соня. Мамочка! Это вы про меня? Самое лучшее не обращайте на меня никакого вниманія. *(Бросаясь къ Вѣрѣ.)* Вѣрушка! Душка! *(Цѣлуетъ сестру. Уви-*

давъ на столъ журналы.) Это у тебя что? Зачѣмъ?

Вѣра Николаевна. Два вопроса сразу. На какой прикажете отвѣчать?

Соня *(нетерпѣливо).* Какая это книга? *(Посмотрѣвъ.)* Не надо,—вижу. Зачѣмъ?

Вѣра Николаевна. А зачѣмъ нужна мнѣ она,—не скажу, чтобы помучить твое любопытство.

Соня. Ради Бога! Ангелъ Вѣра! Скажи, не мучь меня.

Вѣра Николаевна. Ну, хорошо! Я взяла эту книгу, чтобы выбрать себѣ костюмъ для губернаторскаго бала.

Соня *(въ восторгѣ).* Ахъ, какой восторгъ! Что же ты будешь изображать изъ себя?

Вѣра Николаевна. Греческую статую—Галатею.

Соня. Ты будешь Галатеей!? О, если бы Пигмаліонъ слышалъ это, онъ воскресъ бы и вторично влюбился бы въ тебя! *(Всплеснувъ руками.)* Боже мой, какъ это будетъ хорошо! О, я непремѣнно пойду на хоры и буду смотрѣть какъ ты будешь ходить тамъ, какъ древняя богиня. Знаешь что? Всѣ барыни лопнуть съ досады при видѣ тебя, а мужчины отъ любви къ тебѣ перестрѣляются и передерутся, какъ воробьи.

Вѣра Николаевна *(смѣясь).* Бѣдный городъ! Онъ лишится своего лучшаго украшенія. Что будутъ дѣлать барыни безъ мужчинъ? Аля, я на тебя также имѣю виды: хочу тебя взять на балъ. Вѣдь тебѣ было приглашеніе?

Глафира Николаевна. Нѣтъ, не поѣду ни за что.

Соня. Ну, ужъ это ты шутишь! Какъ ты ни отговаривайся, а мы потащимъ тебя. Отказываться отъ бала, да еще отъ губернаторскаго! Слыхали ли вы, господа, такую несобразность? Да знаете, что я бы согласилась получить сразу 6 единицъ и 3 дня не ѣсть третьяго кушанія, чтобы только позволили мнѣ тамъ потанцовать... хотя... хотя одной ножкой.

Глафира Николаевна. Нѣтъ, нѣтъ, не поѣду!

Соня. Ты поѣдешь, чего бы это мнѣ ни стоило.

(трагически) даже жизни! Постыдитесь, сударыня, вѣдь вамъ за 20 годковъ перевалило, надо жениховъ искать. Будетъ тебѣ сидѣть на моей шеѣ! *(Съ комическою важностью.)* Я уже одну выдала; теперь твой чередъ. Наконецъ, въ этомъ году я должна и о себѣ подумать.

Вѣра Николаевна *(смѣясь)*. Уймись ты стрекоза! Полно вздоръ городить.

Соня. Нисколько не вздоръ. Что же мнѣ дѣлать, когда я такая положительная, благоразумная, предусмотрительная. Вотъ ужъ могу съ гордостью сказать, что не въ моихъ сестрицъ. Одна не послушалась моего совѣта выйти замужъ за столѣтняго старика, который умеръ бы сейчасъ же послѣ свадьбы, а другой, извольте видѣть, угодно оставаться въ старыхъ дѣвицахъ, чтобы на томъ свѣтѣ обезьянъ гонять.

Вѣра Николаевна. Да угомонись, шалунья! Аля! Ты непремѣнно должна ѣхать. Подумай, вѣдь ты молода. Тебѣ нужны развлеченія. Ты не можешь съ этихъ лѣтъ зарыться въ мелкія хозяйственныя заботы. *(Вздыхая.)* Не забудь, что молодость должна взять свое.

Вронскій *(выходя изъ глубины)*. Я нахожу, что Вѣра Николаевна говоритъ золотыя истины. Вы мнѣ позвольте пригласить васъ на вторую кадриль?

Соня *(вскрикнувъ)*. Ахъ, Боже мой! Что я надѣлала? Да я себѣ просто языкъ откушу: въ комнатѣ сидитъ молодой человѣкъ, а я такъ откровенничаю. *(Отводитъ Алю въ сторону, и говоритъ такъ, чтобы другіе слышали.)* Вотъ видишь, теперь ты отказываться не смѣешь: у тебя есть красивый кавалеръ. Подумай, вѣдь онъ мой «мучитель» математики. Самое страшное изъ всѣхъ педагогическихъ чудовищъ. Отъ него, такъ сказать, зависитъ вся моя будущность *(Умоляюще.)* Согласись! За мои хлопоты о женихахъ, согласись принести эту жертву.

Вронскій. Ну-съ, Глафира Николаевна, что вы имѣете сказать противъ такого аргумента?

Глафира Николаевна *(улыбаясь)*. Только то, что мнѣ не въ чемъ ѣхать: у меня нѣтъ платья подходящаго.

Вѣра Николаевна. Мы найдемъ: я тебѣ, въ крайнемъ случаѣ, передѣлаю свое.

Соня. Вотъ видишь! Вотъ и отлично! Только ради Бога, во время второй кадрили береги платье, потому что тебѣ угрожаетъ въ этомъ случаѣ большая опасность отъ медвѣжьей ловкости кавалера.

Вронскій. Заступитесь, Вѣра Николаевна.

Вѣра Николаевна. Ну ты бы ужъ молчала! Онъ для платья гораздо менѣе опасенъ, чѣмъ для сердца.

Соня *(въ притворномъ изумленіи)*. Онъ? Ай, ай, ай! Какъ въ нашъ вѣкъ испорчены вкусы. Ну, да Богъ съ нимъ. Ты, Вѣрочка, пожалуйста, получше наряди ее: вѣдь она должна жениховъ ловить! *(Быстро зажимая ротъ рукою.)* Опять, опять проболталась! Ну что же это такое?!

Вѣра Николаевна. Будетъ тебѣ дурачиться! Посадить бы тебя вмѣстѣ съ Александромъ Павловичемъ, вотъ бы надурачились.

Соня *(радостно)*. Развѣ онъ когда нибудь дурачится?

Вѣра Николаевна *(улыбаясь смотритъ на Алекс. Павл)*. Иногда случается!

Соня. Когда же это бываетъ?

Вронскій. Стыдно сознаться, Софья Николаевна, что это именно случается тогда, когда бы мнѣ слѣдовало вести себя какъ можно лучше.

Соня. Ну, что же это такое?! Что вы говорите загадками? Вѣдь вы еще не сфинксъ, хотя и учитель математики. *(Смотритъ то на него, то на Вѣру.)*

Вѣра Николаевна. Оставь его, Соня. Ты отъ него ничего не добьешся. Онъ чувствуетъ свою вину и это уже шагъ къ исправленію.

Соня *(Вронскому)*. Послушайте! Если вы иногда дурачитесь,—подурачьтесь со мной. Сейчасъ мы ус-

троимъ вамъ первый дебютъ: извольте вмѣстѣ со мной отправляться въ дѣтскую къ Ванѣ; мы примемъ его въ свою компанію. Только чуръ идти не обыкновеннымъ порядкомъ, а въ перегонки: кто первый попадетъ туда. Ну... разъ... два... три... Маршъ за мной! *(Убѣгаетъ въ дѣтскую. За нею* **Вронскій.***)*

Вѣра Николаевна *(по уходѣ Сони)*. Какой у Сони счастливый характеръ!

Марья Петровна. Ужъ и не говори! Я просто не знаю, что мнѣ съ ней дѣлать? Никого не слушаетъ! Хоть ты бы, Вѣра, на нее повліяла, а то у меня черезъ нее каждый день мигрени. Пока она спитъ,—только и вижу покой, но какъ только проснулась,—начинаетъ во все горло гаммы орать. И откуда это она отыскала у себя голосъ. Еще утверждаетъ, что знаменитой пѣвицей будетъ.

Вѣра Николаевна. Вы, мама, не особенно журите ее! Вѣдь такіе характеры рѣдки. Несмотря на ея шалости, она очень умная дѣвочка.

Марья Петровна. Да Богъ съ ней! Всѣ вы какія-то странныя у меня. Ни одна въ меня не вышла. Ты еще, Вѣра, имѣешь больше общаго со мной, а онѣ на мать рукой махнули. Вотъ теперь Аля,—выдумала сама имѣньемъ управлять. Ну, куда ей! Развѣ мыслимо ей справиться съ мужиками?! Тутъ нужна сила!

Глафира Николаевна. Ахъ, мама! Сила не при чемъ! Драться съ ними я не собираюсь. Здѣсь опытъ нуженъ, а чѣмъ раньше я начну пріобрѣтать его, тѣмъ лучше будутъ послѣдствія.

Вѣра Николаевна. Значитъ, это ты, Аля, серьезно задумала? Положимъ, это хорошо. Карлъ Карловичъ довольно мило и съ нѣмецкой аккуратностью обираетъ насъ, но не будетъ ли для тебя это черезчуръ тяжело; ты вѣдь въ сельскомъ хозяйствѣ ничего не понимаешь.

Глафира Николаевна. Поучусь и пойму, а первое время мнѣ приказчикъ поможетъ.

Вѣра Николаевна. И прекрасно! Вы, мама, не удерживайте ее! Я вѣрю, что если Аля за что нибудь берется, то доведетъ дѣло до успѣшнаго конца.

Марья Петровна. А, да Богъ съ вами... А гдѣ же, Вѣра, Николай Михайловичъ?

Вѣра Николаевна. У себя въ кабинетѣ: тамъ у него гость. Кстати, вы кажется съ нимъ знакомы: князь Мерцаловъ; мужъ познакомился съ нимъ у предводителя. Онъ говорилъ Николаю Михайловичу, что былъ знакомъ съ папой. Вы не помните его?

Марья Петровна. Мерцаловъ... Мерцаловъ... Фамилія какъ будто знакома.

Вѣра Николаевна. Онъ здѣшній помѣщикъ. Говорятъ, онъ богатый человѣкъ. Постоянно ѣздитъ заграницу, но считается петербургскимъ жителемъ. Онъ уже давно сидитъ у мужа.

8) ПАНАЕВЪ И КНЯЗЬ.

Панаевъ. Вѣра! Я веду къ тебѣ гостя, который зналъ тебя еще маленькой: князь Анатолій Львовичъ Мерцаловъ.

Вѣра Николаевна *(идя на встрѣчу).* Очень рада. Такъ вы, конечно, знаете и мамашу? *(Представляя.)* Мама... сестра.

Мерцаловъ *(подходя къ Маріи Петровнѣ).* Какъ я счастливъ, что опять вижу васъ! Хотя я съ вами лично былъ знакомъ мало, но съ вашемъ мужемъ мы были друзья. У васъ, кажется, было 3 дочери?

Марья Петровна. Двѣ передъ вами. Вѣра и Глафира, а третья, вѣроятно, сейчасъ придетъ.

Мерцаловъ. Прошу простить за истину: у васъ очень красивыя дѣти, и если третья ваша дочь оправдаетъ мои ожиданія,—то я могу сказать, что вы счастливѣйшая изъ матерей.

9) **СОНЯ** *вбѣгаетъ, напѣвая вальсъ, и увидѣвъ князя, сразу останавливается и комически дѣлаетъ реверансъ; за ней*—**ВРОНСКІЙ.**

Марья Петровна. Моя третья дочь—Софья. Какъ видите, большая шалунья.

Князь. Я не ошибся: и ваша третья дочь дѣйствительно прелестна.

Соня *(съ укоромъ).* Мама!

Вѣра Николаевна *(представляя Вронскаго).* Александръ Павловичъ Вронскій, сослуживецъ мужа. Кн. Анатолій Львовичъ Мерцаловъ.

Николай Михайловичъ. Вы, князь, хотѣли осмотрѣть классы? Пойдемте; а ты Вѣра распорядись на счетъ кофе.

Мерцаловъ. Простите, я уже такъ давно у васъ, что боюсь наскучить.

Панаевъ. Что вы, князь! Помилуйте, мы васъ не отпустимъ.

Вѣра Николаевна. Конечно!

Панаевъ. Пожалуйте, князь! *(Идетъ въ среднюю дверь. Мерцаловъ слѣдуетъ за нимъ.)*

Мерцаловъ *(Вернъ съ поклономъ).* Съ удовольствіемъ надѣваю цѣпи вашего покорнѣйшаго раба. *(Уходитъ.)*

Соня *(по уходѣ ихъ).* Поздравляю! Удаченъ же мой первый дебютъ! Въ первый разъ познакомились съ человѣкомъ, который сказалъ мнѣ вѣскій комплиментъ, хотя по совѣсти этотъ комплиментъ задѣлъ меня рикошетомъ, и тутъ не удалось поддержать своего достоинства. Если судить по началу,—хорошъ же будетъ мой успѣхъ въ свѣтѣ, нечего сказать! И этотъ проклятый реверансъ. *(Присѣдаетъ.)* Это, что называется у насъ въ гимназіи свѣчку махнула.

Глафира Николаевна. Вотъ тебѣ и урокъ! Не врывайся вихремъ въ гостинную.

Соня. Кто же зналъ, что здѣсь князь.

Вѣра Николаевна *(улыбаясь)*. А я еще тебѣ прочила его въ женихи.

Соня. Онъ холостой!... Все пропало. *(Трагично.)* Все кромѣ чести! Нѣтъ, и честь со всѣмъ вмѣстѣ! Что онъ подумаетъ обо мнѣ?! Теперь скажетъ, что на рукахъ меня нянчилъ, а затѣмъ начнетъ цѣловать своими старческими губами... О, это ужасно!.. Аля! Голубочка! Поддержи свою злополучную сестру: ей дурно, дурно! *(Отыскиваетъ кресло и падаетъ въ него.)*

Марья Петровна *(съ досадой)*. Перестань, Соня! Я не могу видѣть, какъ ты закатываешь глаза... Ну, что, Вѣра, какъ тебѣ нравится князь?

Вѣра Николаевна. Лицо очень симпатичное.

Марья Петровна. А тебѣ, Аля?

Глафира Николаевна. Не знаю, мама; я еще ничего не могу сказать о немъ. *(Вѣрно.)* Меня только удивляетъ, зачѣмъ ему было возобновлять знакомство съ нами.

Вѣра Николаевна. Мнѣ, кажется, это просто долгъ вѣжливости: князь былъ другъ папы... *(Звонитъ.)*

10) *Входитъ* ГОРНИЧНАЯ.

Вѣра Николаевна. Приготовьте кофе!

Соня. Нѣтъ, не то! Все это очень просто! Ничего тутъ нѣтъ удивительнаго! Увидѣлъ Вѣру, влюбился и пожелалъ познакомиться. *(Съ притворной грустью.)* И вотъ что я вамъ скажу, мамочка: пока Вѣра молода, другимъ вашимъ дочерямъ нѣтъ никакой надежды на то, чтобы въ нихъ влюблялись.

Вѣра Николаевна. Соня! Я могу подумать, что ты мнѣ завидуешь.

Соня. Я? Завидую моей Вѣрѣ?! Да знаешь ли ты, что я готова цѣлый вѣкъ возиться съ кошками и носить коротенькое платье, чтобы только ты была счастлива.

11) МЕРЦАЛОВЪ и ПАНАЕВЪ.

Мерцаловъ *(входя)*. Порядокъ у васъ дѣйствительной образцовый!

Вѣра Николаевна. Осмотрѣли? И отлично! Садитесь, князь.

Мерцаловъ. Позвольте мнѣ занять мѣсто около васъ.

Вѣра Николаевна *(садясь)*. Пожалуйста.

(Мерцаловъ около Вѣры; съ лѣвой стороны Марья Петровна и Аля; съ правой—Вронскій, Панаевъ и Соня. Горничная разноситъ ❁ *Кофе* ❁*).*

Вѣра Николаевна. Надолго вы пріѣхали, князь?

Мерцаловъ. Я не думалъ пробыть долго, но непредвидѣнныя дѣла по имѣнію задержали меня на неопредѣленный срокъ, и благодарю судьбу за то, что эта задержка доставила мнѣ возможность познакомиться съ вами.

Вѣра Николаевна. Мнѣ кажется, что вы здѣсь скоро соскучитесь: у насъ порядочная глушь и одно развлеченіе - театръ.

Мерцаловъ. Хорошая труппа?

Вѣра Николаевна. Какъ вамъ сказать? Для насъ—хороша, а вамъ, вѣроятно, покажется слабой, такъ какъ вы привыкли къ лучшему. Я слышала, что вы большею частью, живете заграницей?

Мерцаловъ. Да, дѣйствительно! Но хотя я видѣлъ много хорошаго и умѣю цѣнить искусство во всѣхъ его появленіяхъ, но могу сказать, что никогда неоставрялъ безъ вниманія провинціальныхъ театровъ. Иногдал въ провинціи случалось видѣть такіе самородные таланты, о существованіи которыхъ столичная публика и не подозрѣваетъ.

Вѣра Николаевна. Мнѣ очень нравится, князь, что у васъ нѣтъ въ данномъ случаѣ предразсудковъ и вы не презираете всего, что исходитъ изъ провинціи, только потому, что оно провинціальное.

Мерцаловъ. О, я никогда не имѣлъ такихъ предразсудковъ! Тѣмъ болѣе, что въ моей жизни мнѣ часто приходилось встрѣчать въ глуши истинно-прекрасное. Но, правду сказать, мнѣ было всегда жаль, что красота, проявляется ли она въ искусствѣ, или въ женщинѣ, глохнетъ въ глуши, непризнанная и не оцѣненная.

Вронскій. Почему же вы думаете, что въ глуши она не оцѣненная?

Мерцаловъ. О, непремѣнно! Красотѣ должна быть дана соотвѣтствующая обстановка, чтобы она могла бросаться въ глаза и вызвать достойное ея поклоненіе.

Панаевъ. Ого, князь! Какъ вы воспѣваете красоту?

Мерцаловъ. Я знаю, что мои слова—утопія, не выполнимая въ дѣйствительности. Мы часто видимъ погибающую въ бѣдности, безъ пользы и радости—красоту и въ богатствѣ и почестяхъ преуспѣвающую—дурнушку, которую я съ наслажденіемъ отдалъ бы за какого-нибудь коровьяго пастуха. Но, тѣмъ не менѣе, такое положеніе вещей заставляетъ меня негодовать на людей, губящихъ свою красоту, потому что, повторяю, mesdames, для каждой вещи, для каждаго существа есть назначеніе, и Богъ создалъ красоту женщины для того, чтобы она восхищала взоры и своимъ чарующимъ вліяніемъ смягчала грубые нравы людей.

Глафира Николаевна. Я рада, что я не красавица: ея назначеніе очень трудно. Шутка ли, всю свою молодость быть чѣмъ-то вродѣ одушевленной картины?! На что обречены эти красавицы, когда пройдетъ молодость, а съ нею и красота?

Мерцаловъ. Вы смѣетесь, Глафира Николаевна, но если потрудитесь вникнуть въ мои слова, найдете въ нихъ много правды.

Вронскій. Если такъ, князь, то вы допускаете, что и Фрина выполнила свое назначеніе?

Мерцаловъ. Да, Фрина выполнила свое назначеніе.

Вронскій. Парадоксъ.

Мерцаловъ. Нѣтъ, истина! Какъ многія женщины не умѣютъ, то-есть, вѣрнѣе, не хотятъ пользоваться той громадной силой, которой обладаютъ?! Для этого не нужно быть непремѣнно такой неподражаемой красавицей, какъ Фрина, нужно захотѣть только воспользоваться тѣми преимуществами, которыми ихъ наградила природа. А какъ легко управлять нами, и какъ сладко сознавать свое могущество! Если я *(смотритъ на Вѣру)* вижу женщину красавицу, не желающую ничего знать о своей красотѣ,—я возмущаюсь до глубины души! Когда бы только знала она, что она есть истинная царица міра, всемогущая повелительница страстей! Что въ ея рукахъ мужчины превращаются въ маріонетокъ, которыхъ она переставляетъ по произволу. О, тогда бы она, навѣрное, не захотѣла игнорировать ту силу, которой обладаетъ. Впрочемъ, я не допускаю, чтобы красавица могла бы быть не честолюбива.

Вѣра Николаевна *(загадочно)*. Вы такъ думаете, князь?

Мерцаловъ. Я въ этомъ убѣжденъ. Красивая и не апатичная женщина, непремѣнно должна быть и честолюбива, потому что блескъ, роскошь, поклоненіе, — составляютъ ея сферу, и если она лишена этой сферы, она должна томиться, и жизнь ея уже не жизнь, а прозябаніе.

Вѣра Николаевна *(въ сторону)*. Да, вотъ онъ чувствуетъ, что красота—сила.

Панаевъ. И какъ же по вашему, князь, это честолюбіе не есть недостатокъ?

Мерцаловъ. Нисколько! Чѣмъ же виновата женщина, что она красива, а слѣдовательно, честолюбива.

Соня *(Вронскому)*. Какъ по вашему, онъ умно говоритъ?

Вронскій. А по вашему?

Соня. Не знаю. Что-то ужъ очень красиво и гладко, какъ ледъ.

Вронскій. Такъ что вашъ собственный умъ скользитъ по этимъ фразамъ, какъ салазки по ледяной горѣ?

Соня. Дерзость?... Хорошо!... Однако, это не отвѣтъ на вопросъ.

Вронскій. Онъ говоритъ глупо.

Соня. Что же вы не опровергнете?

Вронскій. Не хочу метать бисеръ передъ...

Соня *(быстро зажимаетъ ему ротъ рукою)*.

Панаевъ. Какъ ты думаешь, Вѣра: не пора ли обѣдать? Въ праздничные дни, князь, мы обѣдаемъ раньше, чѣмъ у насъ принято. *(Идетъ въ столовую.)*

Вѣра Николаевна. Вы, князь, я думаю, не привыкли къ такому раннему обѣду?

Мерцаловъ. Обо мнѣ не безпокойтесь. Я, дѣйствительно, обѣдаю поздно.

Вѣра Николаевна. Нѣтъ, князь, сегодня я попрошу васъ нарушить свои правила и отобѣдать съ нами.

Князь *(кланяется въ знакъ согласія)*.

12) ПАНАЕВЪ.

Панаевъ. Обѣдъ готовъ. Пожалуйте, господа. Князь, милости просимъ.

Вѣра Николаевна *(князю)*. Вашу руку.

Князь *(беретъ Вѣру Николаевну подъ руку и уходитъ. За ними остальные, кромѣ Сони и Вронскаго)*.

Соня *(Вронскому)*. А какъ вы думаете, Александръ Павловичъ, могу я быть умнѣе, чѣмъ я есть?

Вронскій. При большомъ стараніи, пожалуй, и можете.

Соня. Ну, за то, что я подаю такія большія надежды, предложите мнѣ руку такъ же торжественно, какъ князь Вѣрѣ, и ведите въ столовую.

Вронскій *(предлагая съ комической важностью руку)*. Съ большимъ удовольствіемъ.

Соня *(подводя его къ зеркалу и оглядывая со смѣхомъ)*. А славная, Александръ Павловичъ, изъ насъ вышла бы парочка. *(Уходятъ.)*

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Имѣніе Якупиныхъ. Садъ. Налѣво крыльцо изъ барскаго дома, направо, на авансценѣ, бесѣдка; посрединѣ подъ деревомъ столъ, сервированный для чая.

1) ГЛАФИРА НИКОЛАЕВНА и ЕФРЕМЪ ЛУКЬЯНЫЧЪ.

Глафира Николаевна. Ахъ, какъ къ тебѣ нейдетъ, Ефремъ Лукьянычъ, когда ты сердишься!

Ефремъ Лукьянычъ. Да мнѣ што сердиться-то?! Кто вотъ только въ вашу школу пойдетъ-то? Ну, какая баба старшаго мальченку изъ избы отпуститъ? Онъ въ полѣ за мѣсто мужика; а кой послабѣе дома: на емъ все хозяйство.

Глафира Николаевна. Да въ рабочее-то время мы ихъ отпустимъ, такъ что и тутъ тебѣ горевать нечего. Да ужъ ты строй только школу-то, а тамъ самъ увидишь, какое это хорошее дѣло. Жаль вотъ, что у тебя дѣтишекъ нѣтъ, а то посмотрѣла бы я какъ ты не отдалъ бы ихъ мнѣ въ науку! *(Ефремъ машетъ рукой.)* Теперь нельзя не учиться, Лукьянычъ. Стыдно! Посмотри, сколько теперь изъ крестьянъ поступаютъ въ университетъ, кончаютъ курсъ, дѣлаются видными общественными дѣятелями. Развѣ это не радуетъ твоего сердца?

Ефремъ Лукьянычъ. Знамо, кого Богъ взыщетъ, тотъ достукается всякаго чина, да только трата вотъ теперь. Деньги-то не сами куете, а имѣніе не Богъ знаетъ какое золотое дно.

Глафира Николаевна. И это пустяки! Намъ земство и добрые люди помогутъ. На пожертвованныя деньги мы накупимъ книгъ и разныхъ учебныхъ принадлежностей, а на нашу долю—остаются изба, столы да скамьи.

Ефремъ Лукьянычъ. А учителя либу учительшу? Даромъ учить охотниковъ-то не найдется!

Глафира Николаевна Что ты, Лукьянычъ! А я-то на что? Я сама учить буду.

Ефремъ Лукьянычъ. Ну, вотъ, опять все вы же! И на гумно вы, и на сѣнокосъ вы, и на молотьбу вы. Это и нашего брата не хватитъ.

Глафира Николаевна. Хватитъ! Хорошее дѣло бодритъ человѣка. Ну, да что тамъ толковать, давай-ка лучше поскорѣе къ дѣлу приступимъ.

Ефремъ Лукьянычъ Воля ваша. Какъ прикажете.

Глафира Николаевна. Вотъ и ладно! Я приказываю поскорѣе кончать съ рабочими и начинать постройку. А какъ только кончится уборка хлѣба, мы поѣдемъ съ тобой въ городъ и накупимъ книгъ, бумаги, грифелей, досокъ. Глобусъ купимъ, Лукьянычъ.

Ефремъ Лукьянычъ. А что это за штука такая?

Глафира Николаевна. Важная штука, Лукьянычъ. Слышалъ ты, что земля наша на подобье шара?

Ефремъ Лукьянычъ. Слыхать-то слыхалъ.

Глафира Николаевна. Ну, вотъ, глобусъ и есть шаръ, на которомъ наша земля нарисована. Море захотѣлъ посмотрѣть—повернулъ — вотъ тебѣ и море, захотѣлъ увидѣть гдѣ губернія, въ которой родился — она тутъ какъ тутъ и какъ изъ нея въ другія земли проѣхать—все такъ и проставлено. Да вотъ, я по вечерамъ буду устраивать чтеніе для взрослыхъ и не разъ, Лукьянычъ, придешь ты послушать.

Ефремъ Лукьянычъ. Что и говорить—любопытно, а

только куда намъ въ чужія земли ѣздить? Въ губернію-то свою въ кои вѣки попадешь!

Глафира Николаевна. Сама съ вами со всѣми не справлюсь, Ивана Степановича попрошу помочь.

Ефремъ Лукьянычъ. Эхъ, славный баринъ! Вотъ бы вамъ, барышня, съ нимъ породниться-то! Имѣніе — межа съ межой... Какъ есть настоящая линія для васъ.

Глафира Николаевна. То-есть, какъ это настоящая линія?

Ефремъ Лукьянычъ. Да такъ, по закону! Честнымъ бы пиркомъ да за свадебку.

Глафира Николаевна. Э, Лукьянычъ! Да ты, никакъ въ сваты записался? Ай-ай!

Лукьянычъ. Оно, конечно, можетъ, по глупому своему разуму и не такъ что молвилъ, а по мнѣ ладно бы, и подмога была бы. По мнѣ, баба безъ мужика, что амбаръ безъ зерна.

Глафира Николаевна. Хорошо! хорошо! Это мы тамъ увидимъ.

2) **ДАША** *(съ простыней).*

Глафира Николаевна. Что, Даша, скоро Вѣра Николаевна выйдетъ къ чаю?

Даша. Онѣ сейчасъ съ барышней идутъ купаться. *(Проходитъ направо.)*

Глафира Николаевна. Ну такъ какже, Лукьянычъ, будемъ учиться?

Лукьянычъ. Эхъ, барышня, мнѣ что? Конечно, учиться ладно! Не даромъ говорится: «Ученье свѣтъ, а не ученье тьма». Да вотъ что: а ну, какъ научившись грамотѣ, да на счетахъ считать, обиралами, кулаками станутъ? Вонъ у насъ цѣловальникъ грамотный, всю деревню вотъ гдѣ держитъ. *(Показываетъ кулакъ.)* Не мало зипуновъ послѣднихъ съ плечъ къ нему перетаскано, не мало хорошими людьми черезъ него слезъ пролито! Вотъ что боязно, барышня!

Глафира Николаевна. Лукьянычъ! Стыдись! Неужели ты думаешь, что, благодаря своей грамотности, цѣловальникъ вашъ сталъ кулакомъ. Значитъ, отъ природы онъ былъ злой человѣкъ! А ужъ тутъ ничего не подѣлаешь и все равно, грамотный онъ былъ бы, или не грамотный, а въ чемъ нибудь да проявилъ бы свои наклонности. И тебѣ, Лукьянычъ, больше чѣмъ кому-нибудь стыдно такъ говорить: ты мужикъ умный! Наоборотъ, другимъ ты долженъ внушать, какъ необходима наука, а не поддерживать въ нихъ эти нелѣпые взгляды. Стыдно!

Лукьянычъ *(устыдившись).* Да я что?.. Я ничего!..

Глафира Николаевна. Ну, иди съ Богомъ! Только смотри, чтобы изба была хорошая, свѣтлая, чистая, теплая. Пусть дѣти ходятъ въ нее съ охотой и отдыхаютъ отъ того ужаснаго воздуха, какой у нихъ въ избахъ.

Лукьянычъ. Пойду благословясь... Охъ грѣхи!.. Грѣхи! *(Уходитъ.)*

Глафира Николаевна *(одна).* Славный старикъ, умный, а не понимаетъ, что можетъ дать наука. Да, первое время трудно мнѣ будетъ бороться съ этимъ недовѣріемъ, но за то потомъ, когда они поймутъ всю пользу школы, какимъ героемъ буду я чувствовать себя. Да, мои милыя дѣтишки! Все, что знаю и чувствую хорошаго, — все, все это я постараюсь передать вамъ.

3) НЯНЬКА *(съ кувшиномъ молока).*

Глафира Николаевна. Няня! Ваня всталъ?

Нянька *(ставитъ молоко на столъ).* Да мнѣ почемъ знать-то? Тамъ другая нянька есть.

Глафира Николаевна. А тебя завидки берутъ, что не ты ходишь за Ваней? Такъ всѣхъ дѣтей и забрала бы!

4) СОНЯ *(изъ дома, на шеѣ простыня).*

Соня. Нянька, пойдемъ купаться!

Нянька *(передразнивая).* Пойдемъ купаться? Ты вотъ поживи съ мое, а потомъ и смѣйся! Егоза!

Соня. Нянька! Не груби!

Нянька. Ишь Милитриса Кирбитьевна какая выискалась, не груби! Выняньчила, выростила, да не груби!

Соня. Ой, не груби лучше! Вотъ погоди, замужъ скоро выйду и прощай.

Нянька. Куда же ты денешься? Все тутъ же и будешь.

Соня. На другую квартиру отъ васъ уйду.

Нянька. Не за море! И прійти можно.

Соня. А я не пущу.

Нянька *(разсердясь).* Ахъ ты батюшки мои! Не пущу! Да смѣешь ли ты меня не пустить?! Да я сама войду, когда захочу, а то—«не пущу!»

Глафира Николаевна. Да будетъ вамъ!

Соня. Ты лучше не груби! Вотъ я скоро выйду замужъ—у меня непремѣнно будутъ дѣти. Я тебя возьму ихъ няньчить,—будешь грубить—не возьму.

Нянька *(съ яростью).* Тьфу ты, срамница! Еще замужъ не вышла, а о дѣтяхъ заговорила! Тьфу! *(Уходитъ.)*

Глафира Николаевна. Охота тебѣ сердить ее?

Соня *(кричитъ въ домъ).* Вѣра! да иди же скорѣе!

5) ВѢРА *(изъ дома).*

Соня. И то Александръ Павловичъ проходу не даетъ, утенкомъ дразнитъ. *(Уходитъ направо.)*

Вѣра Николаевна. Мнѣ, Аля, хочется сегодня поговорить и посовѣтоваться съ тобою,—останься здѣсь послѣ чая. *(Уходитъ за Соней.)*

Глафира Николаевна *(одна)*. О чемъ мы будемъ говорить? Странная стала ты, Вѣра, особенно съ тѣхъ поръ, какъ появился у насъ этотъ краснобай-князь. Видѣть я не могу его!.. Отъ Вѣры не отходитъ... Вездѣ съ ней, и что печальнѣе всего — она повидимому благосклонно относиться къ этому назойливому ухаживанью. Теперь вотъ къ намъ повадился каждый день, и посѣщенія его, кажется, не особенно по душѣ Николаю Михайловичу, по крайней мѣрѣ, онъ тоже какъ будто перемѣнился за это время. Съ Вѣрой почти не разговариваетъ, а съ княземъ преувеличенно любезенъ. Вотъ эта-то любезность и подозрительна мнѣ. Ахъ, поскорѣе бы убирался отсюда этотъ старый хлыщъ!.. Впрочемъ, что я глуплю?!. Развѣ Вѣра допуститъ себя до поступка, который могъ бы серьезно обезпокоить Николая Михайловича? Просто, она избалованная женщина и ей льститъ вниманіе и ухаживанье человѣка, «видѣвшаго виды». Да, да, навѣрное такъ! *(Размышляя, садится за чайный столъ.)*

6) ПАНАЕВЪ и ВРОНСКІЙ *(изъ дома)*.

Панаевъ *(цѣлуетъ въ лобъ Алю)*. Здравствуй, хозяйка!

Вронскій. Съ добрымъ утромъ, Глафира Николаевна

Глафира Николаевна. Здравствуйте! Давайте скорѣе чай пить. Страшно пить хочется.

Панаевъ. Ты я думаю, давно уже встала и побывала въ полѣ?

Аля. Все было. *(Наливаетъ чай.)*

Панаевъ. Ну, какъ твои дѣла со школой? Подрядила рабочихъ для постройки?

Аля. Лукьянычъ пошелъ съ ними кончать.

Вронскій. Вы, Глафира Николаевна, я думаю, не дождетесь дня, когда можно будетъ начать занятія.

Глафира Николаевна. И не говорите! Просто, сгораю отъ нетерпѣнья. А вы, Николай Михайловичъ,

будете руководить мною? Укажете, какъ надо вести дѣло?

Панаевъ. Все, голубчикъ, что могу, сдѣлаю. Дай тебѣ Богъ успѣха! Главное, чтобы дѣтишки тебя полюбили, тогда съ большей охотой учиться будутъ, а тебя полюбятъ: дѣти инстинктомъ угадываютъ добраго человѣка.

Глафира Николаевна. Дай то Богъ, чтобы ваши слова оправдались.

7) МАРЬЯ ПЕТРОВНА *(съ флакономъ).*

Марья Петровна. Опять ночь плохо спала! Опять мигрень! Ахъ, здравствуйте, господа! *(Цѣлуя Алю.)* Здравствуй, дѣтка.

Глафира Николаевна. Вы бы, мамочка, побольше гуляли, а то васъ никакими силами изъ комнаты не вытащишь на воздухъ, вѣдь въ вашей комнатѣ дышать нельзя отъ всеможныхъ лѣкарствъ. Я умерла бы отъ такой жизни.

Марья Петровна. Умру! Ахъ, я скоро умру отъ головной боли и тоски. Тоска, тоска у тебя здѣсь.

Глафира Николаевна. Погодите, мамочка. Вотъ скоро у насъ будетъ весело: школа откроется, заниматься будемъ. Вы будете у насъ преподавать рукодѣліе.

Марья Петровна *(въ ужасѣ).* Что ты?! Что ты, милая?! Оставаться здѣсь на зиму и съ мужичьемъ возиться!? Богъ съ тобой, возись съ ними, а ужъ меня избавь.

Глафира Николаевна. Я, мама, шучу.

8) ВѢРА *и* СОНЯ *со всѣми здороваются. Соня умышленно пропускаетъ Вронскаго.*

Панаевъ. Съ добрымъ утромъ Вѣра. Какъ спала?

Вѣра Николаевна. Хорошо. *(Садится къ столу.)*

Вронскій. Софья Николаевна, я здѣсь. Что же вы

на меня никакого вниманія не обращаете? Наединѣ ласковы, а при всѣхъ прячете свою симпатію въ карманъ и даже руки не хотите подать.

Соня. Это совсѣмъ не умно *(Уходитъ съ чашкой чая въ бесѣдку.)*

Вѣра Николаевна. Ну что же, идите просить прощеніе.

Вронскій. Иду, иду! *(Идетъ въ бесѣдку. Между ними завязывается горячій споръ.)*

Марья Петровна. Что, Вѣра, пріѣдетъ сегодня князь?

Вѣра Николаевна *(съ досадой).* Но почему же я знаю, мама?

Николай Михайловичъ *(удивленно взглядываетъ на нее.)*

Марья Петровна. Какой онъ милый и симпатичный человѣкъ! Съ нимъ такъ хорошо я чувствую себя! Вотъ что значитъ человѣкъ благовоспитанный! Въ его присутствіи я даже забываю о мигрени. Если бы не онъ, я бы съ ума сошла отъ скуки.

Соня *(изъ бесѣдки).* Возьмите отъ меня этого негоднаго учителишку. Чего онъ ко мнѣ пристаетъ! *(Хохотъ.)*

Вронскій. Когда вы, несносная дѣвченка, перестанете такъ непочтительно обращаться со мной и скажете мнѣ при всѣхъ, что вы меня любите.

Соня. Прежде всего, не смѣйте называть меня дѣвченкой, да еще несносной?

Вронскій. Ну просто дѣвченка.

Соня *(топнувъ ногой).* Не дѣвченка я вамъ! слышите! Если вы будете со мною такъ разговаривать, я скорѣе признаюсь въ любви Лукьянычу, козлу Васькѣ, только не вамъ.

Вронскій. А если не буду, значитъ признаетесь мнѣ?

Соня. Опять!

Вронскій. Не буду! не буду! *(Встаетъ и говоритъ оффиціальнымъ тономъ.)* Будьте любезны, несравненная Софья Николаевна, соблаговолите отвѣтить вашему покорному слугѣ: любите вы меня или нѣтъ?

Соня *(смѣясь)*. Давно бы такъ! *(Оглядываясь.)* Я вамъ скажу, только не здѣсь Пойдемте въ рощу грибы собирать; тамъ я вамъ скажу что-то, но только такъ тихо, что даже птички не услышатъ. *(Быстро идетъ, за нею Вронскій.)*

Вѣра Николаевна. Куда это вы?

Вронскій. Въ рощу. Софья Николаевна въ любви мнѣ будетъ объясняться.

Соня *(останавливаясь)*. Не вѣрьте! Вретъ! *(Ему.)* Ни за что теперь не пойду.

Вронскій *(всѣмъ)*. Вру! Я шучу! Какъ можно! Грибы собирать.

Соня. У, противный! То-то же!.. А то я вамъ такой грибъ преподнесу, что не обрадуетесь. Ну... теперь попробуйте поймать вѣтра въ полѣ· *(Стремилавъ убѣгаетъ.)*

Вронскій. Стойте! Вѣтеръ! Погодите! Носъ разобьете. *(Смѣясь, убѣгаетъ за нею.)*

Марья Петровна. Что за сумасшедшая дѣвченка! Она въ могилу сведетъ меня.

Глафира Николаевна. Пошли бы вы, мамочка, прогулялись.

Марья Петровна *(Вѣрѣ)*. А ты не пойдешь со мною?

Вѣра Николаевна. Нѣтъ, я здѣсь останусь.

Марья Петровна. А ты, Аля?

Аля. Мнѣ, мама, нужно кое чѣмъ распорядиться.

Марья Петровна. Ну, какже я одна-то пойду?

Панаевъ. Пойдемте со мною, Марья Петровна. Посмотримъ какъ скирды складываютъ.

Марья Петровна. Пойдемте. Можетъ быть прогулка дѣйствительно успокоитъ мигрень. *(Нюхаетъ спиртъ. Уходятъ на право.)*

Глафира Николаевна. Ты со мною хотѣла говорить?

Я сію минуту распоряжусь, чтобы убрали со стола. *(Идетъ въ домъ.)*

Вѣра Николаевна *(одна)*. Что мнѣ дѣлать? Открыть ей все или нѣтъ? Уѣхать такъ, а потомъ написать? Нѣтъ, такъ не хорошо! Лучше сказать прямо, по крайней мѣрѣ меньше презирать будутъ... А если мужъ не дастъ развода? А все равно, скажу, а потомъ увидимъ.

9) ГЛАФИРА НИКОЛАЕВНА и НЯНЬКА.

Глафира Николаевна. Няня, убери все здѣсь.
Няня *(убираетъ и уходитъ)*.

Глафира Николаевна. Теперь, Вѣра, распоряжайся мною какъ хочешь.

Вѣра Николаевна *(послѣ минутной борьбы)*. Я знаю, Аля, что ты не ребенокъ, и потому я буду говорить прямо. Ты меня поймешь.

Глафира Николаевна. Ты меня пугаешь, Вѣра. Что за странное вступленіе?... И этотъ тонъ...

Вѣра Николаевна. Ты сама помнишь, при какихъ обстоятельствахъ я вышла замужъ. Мы разорились... Имѣніе было заложено и нашему семейству грозила нищета. Въ это время ко мнѣ посватался Николай Михайловичъ. Я не любила его, но знала за человѣка хорошаго, честнаго и достойнаго уваженія. Но, что главное, онъ занималъ видное положеніе въ обществѣ имѣлъ небольшія средства. Колебаться въ рѣшеніи своей участи и участи нашей семьи я не могла. Я приняла его предложеніе. Сознаюсь откровенно, я надѣялась или, вѣрнѣе, обманывала себя надеждой, что со временемъ полюблю его; но вотъ прошло уже два года, я полюбить его не могла и не могу, несмотря уже на то, что у насъ есть ребенокъ. Ну, а одного уваженія между мужемъ и женою по моему мало.

Глафира Николаевна. Что ты говоришь, Вѣра? Къ чему?

Вѣра Николаевна. Постой!... Я знаю, что я существо избалованное, испорченное, тщеславное, все, что хочешь, но измѣнить себѣ не въ силахъ, я не могу примириться съ этими вѣчными буднями, въ которыя попала по своей волѣ... Если бы я любила его, тогда, можетъ быть, эта жизнь не такъ бы тяготила меня, но любви нѣтъ и нѣтъ силъ совладать съ собой. Я чувствую, что каждый день отрываетъ и уноситъ у меня изъ сердца то, что при другихъ условіяхъ дало бы моей жизни смыслъ и цѣну... Мнѣ хочется жить, потому что я имѣю право на жизнь; наслаждаться и любить, потому что я имѣю право на любовь и наслажденіе; блистать и быть кумиромъ, потому что я имѣю право на блескъ и поклоненіе. Объ этомъ правѣ мнѣ говоритъ все мое существо. Я чувствую, что бороться съ этими влеченіями болѣе не въ силахъ, и если я не измѣню своей жизни,—я съ ума сойду! Я убью себя!.. Такъ жить дальше я не въ состояніи! *(Закрываетъ лицо руками.)*

Глафира Николевна. Боже мой! Что ты говоришь? Опомнись! Вѣдь измѣнить этого нельзя. Николай Михайловичъ не можетъ достать средствъ болѣе, чѣмъ онъ доставалъ до сихъ поръ. Что же ты будешь дѣлать? *(Подходитъ къ Вѣрѣ и обнимаетъ ее.)* Я увѣрена, дорогая моя Вѣруся, что ты больна, разстроена, иначе тебѣ въ голову не могли бы придти подобныя мысли.

Вѣра Николаевна *(съ болью)*. Ахъ, нѣтъ! Нѣтъ!

Глафира Николаевна *(твердо)*. А я увѣрена, что да!... Я догадываюсь, что отчасти на твою впечатлительную душу повліяли разглагольствованія князя, но я увѣрена, что какъ только онъ уѣдетъ, ты примиришься съ твоею жизнью, которая, Богъ вѣсть почему, кажется тебѣ невыносимой, между тѣмъ, какъ ей можно позавидовать. Наконецъ, у тебя есть ребенокъ. Развѣ

можетъ жизнь казаться женщинѣ тяжелой и скучной, когда она мать?!

Вѣра Николаевна. Ахъ, знаю, знаю все это, и все таки не могу совладать съ собою!

Глафира Николаевна. Да, и, наконецъ, къ чему этотъ разговоръ? Николай Михайловичъ не можетъ удовлетворить требованій твоей, какъ ты говоришь, натуры, а по моему каприза, стало быть объ этомъ и толковать нечего.

Вѣра Николаевна. Вотъ именно потому-то мы и должны разстаться. Николай Михайловичъ не 18-ти-лѣтній юноша и долженъ понять, что разлука эта необходима и неизбѣжна.

Глафира Николаевна *(испуганно)*. Что ты говоришь, Вѣра? Опомнись! Да нѣтъ, все это должно быть не такъ! Скажи, Вѣра: между тобою и мужемъ произошло какое-нибудь недоразумѣніе? Но вѣдь это поправимо! Ну, говори, изъ-за чего вы поссорились? Вѣдь поссорились? Не такъ ли?... Да отвѣчай же, не мучь меня! Что же ты молчишь?

Вѣра Николаевна *(не глядя на нее)*. Я выхожу замужъ за князя.

Глафира Николаевна. Что за глупая шутка? Ты замужемъ.

Вѣра Николаевна. Я попрошу мужа дать разводъ и вину взять на себя.

Глафира Николаевна. Да-а!? Такъ вотъ оно что! Значитъ, у васъ съ княземъ все это рѣшено и обдумано? Похвально! *(Рѣзко.)* Какой же негодяй этотъ .. господинъ Мерцаловъ! Втереться въ чужую семью и разбить ее! Это такъ подло! Такъ гадко!

Вѣра Николаевна *(перебивая)*. Послушай, Аля. Не забывай, что ты говоришь о моемъ будущемъ мужѣ.

Глафира Николаевна. Не слишкомъ ли рано приготовляешься ты справлять свою свадьбу. Николай Михайловичъ долженъ опозорить свою честь, принявъ на себя несуществующую, но грязную вину. Не думаю, чтобы онъ согласился на это.

Вѣра Николаевна. Онъ долженъ согласиться! Это ни болѣе, ни менѣе, какъ простая формальность. Николай Михайловичъ настолько незапятнанный человѣкъ, что никто не позволитъ себѣ сомнѣваться въ его безупречности. Наконецъ, какъ мнѣ ни тяжело, — я оставлю ему Ваню.

Глафира Николаевна. И ты можешь разстаться съ ребенкомъ? Да неужели ты такъ слѣпо увлечена этимъ старымъ фатомъ, что рѣшаешься на поступокъ, которому трудно подыскать даже приличное названіе?

Вѣра Николаевна. Нѣтъ, увлеченія здѣсь нѣтъ, но я повторяю тебѣ, что не могу жить въ прежней обстановкѣ! Не могу и не хочу!

Глафира Николаевна *(перебивая)*. Продать себя князю? Преспектива блестящая!

Вѣра Николаевна *(вспыхнувъ)*. Аля! Я хотѣла говорить съ тобой не съ тѣмъ, чтобы выслушивать подобныя рѣзкости. Но если такъ, — какъ же ты назовешь тотъ поступокъ, который я сдѣлала, чтобы спасти отъ нищеты и разоренія семью? Тебѣ извѣстно, что я вышла за Николая Михайловича тоже не по любви. Отчего же ты тогда не говорила мнѣ ничего подобнаго? Или оттого, что это касалось васъ, было сдѣлано для васъ?

Глафира Николаевна. Ты ошибаешься и ошибаешься грубо. Подобныхъ жертвъ не захотѣли бы принять ни сестра, ни мама. Я ужъ не говорю о себѣ. У меня, славу Богу, здоровыя руки и искреннее и честное желаніе трудиться, а потому ни въ чьей помощи не нуждаюсь, и ни отъ кого не приму лично для себя ни жертвъ, ни милостей. Конечно, этотъ трудъ не дастъ мнѣ ни славы, ни поклоненія, ни блеска, за которыми гонишься ты, но я съ гордостью сознаю, что этотъ трудъ святой и благородный и безыскусственная благодарность бѣдняковъ, которымъ я могу принести своимъ трудомъ пользу, эта благодарность для меня дороже, безконечно дороже громкихъ, напыщенныхъ фразъ,

расточаемыхъ красотѣ! Но не во мнѣ дѣло! Еслибы даже ты, дѣйствительно, принесла для семьи эту жертву, такъ развѣ можно этотъ поступокъ сравнить съ тѣмъ, который ты дѣлаешь теперь? Неужели тебѣ нужно объяснять разницу? Я думаю, что нѣтъ! Мало того, послѣ всего, что я услышала сію минуту отъ тебя, я не вѣрю въ твое великодушіе! Я убѣждена, что ты вышла замужъ за Николая Михайловича не потому, что боялась за семью, которой грозила нищета, а потому, что сама боялась этой нищеты... Да и, наконецъ, если бы ты была способна на великодушный поступокъ, ты бы никогда не стала упрекать имъ.

Вѣра Николаевна. Ты сама вызвала меня на это своею рѣзкостью.

Глафира Николаевна. А какъ же иначе? Женщина, которая ради денегъ, ради ожидающей ее впереди роскоши и глупаго постыднаго тщеславія, и только ради этого, бросаетъ честнаго, всѣми уважаемаго труженика - мужа, бросаетъ своего ребенка и идетъ за человѣка, котораго не любитъ, едва ли даже знаетъ хорошо, чтобы только удивить свѣтъ своею красотой и удовлетворить свои мелкія, честолюбивыя стремленія, такая женщина продаетъ себя, продаетъ пошло, грязно, отвратительно и не заслуживаетъ никакого оправданія! Такая женщина стоитъ безгранично ниже тѣхъ несчастныхъ созданій, которыхъ вы же станете клеймить презрѣніемъ. *(Повышая тонъ.)* Да, ниже, ниже! Тѣ несчастныя дѣлаютъ это по роковой необходимости, по неопытности, невѣдѣнію и отсутствію нравственной опоры, и врядъ ли рѣшатся многіе изъ нихъ перешагнуть черезъ тѣ препятствія и жертвы, чрезъ которыя вы, Вѣра Николаевна, переступаете безъ всякаго колебанія. Извините! Я мягче говорить не могу и вы поступили слишкомъ опрометчиво, рѣшаясь совѣтоваться со мной. Да и какіе здѣсь могутъ быть совѣты?! Какой женѣ и матери нужно разъяснять, что нѣтъ выше преступленія, какъ бросить мужа и бросить безъ

всякой серьезной причины! Здѣсь всѣ совѣты лишніе! Одно только скажу: если ты такъ поступаешь,—самое искреннее мое желаніе позабыть о томъ, что ты моя сестра, и никогда, никогда съ тобою не встрѣчаться!.. *(Быстро уходитъ.)*

Вѣра Николаевна *(одна. Сидитъ нѣкоторое время задумавшись).* Боже мой! Боже мой! Какъ все это тяжело! А впрочемъ, чего же я могла еще ждать? Не даромъ князь говоритъ, что эта мѣщанская мораль въѣлась въ нихъ... Нѣтъ, нѣтъ, это все не такъ... не такъ... Ахъ, какъ мутится въ головѣ, но не возвращаться же назадъ? А почему бы нѣтъ? *(Сидитъ, закрывъ лицо руками.)*

10) МЕРЦАЛОВЪ.

Мерцаловъ *(быстро направляясь къ Вѣрѣ Николаевнѣ).* Что съ вами, дорогая? Вы плачете?

Вѣра Николаевна *(протягивая ему руку).* Нѣтъ... ничего...

Мерцаловъ. Но вы разстроены? Можетъ быть, больны? Скажите мнѣ: я сейчасъ съѣзжу за докторомъ. Вѣдь вы знаете, несравненная Вѣра Николаевна, какъ мнѣ дорого ваше здоровье...

Вѣра Николаевна. Я здорова. Сейчасъ у меня былъ разговоръ съ сестрою. Я сказала, что бросаю мужа.

Мерцаловъ. И что же она? Какъ она отнеслась къ этому?

Вѣра Николаевна. Съ презрѣніемъ... Да и какъ могло быть иначе?

Мерцаловъ. Какъ это несовременно!

Вѣра Николаевна. Подумайте. Вы понимаете, какой я совершаю поступокъ: я бросаю мужа, который меня безгранично, горячо любитъ. Какъ перенесетъ онъ разлуку со мной и перенесетъ ли? Я бросаю ребенка, разрываю со всѣми близкими, дорогими мнѣ людьми, те-

ряю ихъ любовь и уваженіе, потому что они мнѣ никогда не простятъ этого проступка. Всѣмъ этимъ я жертвую. Что дастъ мнѣ эта новая жизнь? Замѣнитъ ли она мнѣ дорогихъ людей? Стоитъ ли она этихъ жертвъ? Удовлетворитъ ли она меня? Разубѣдите меня, вразумите меня... Я теряю голову.

Мерцаловъ. Ну, вотъ, вотъ, я такъ и ожидалъ. Опять колебанія... Зачѣмъ? Я люблю васъ, люблю глубоко и страстно и дамъ вамъ то счастье, какого никто изъ этихъ близкихъ вамъ людей дать вамъ не можетъ Я повезу васъ въ Петербургъ, заграницу, въ Италію, въ Парижъ... Я окружу васъ роскошью и нѣгой, о которой вы и не мечтали! Вы рождены для этой жизни... этого требуетъ ваша природа... Такъ не оскорбляйте ея требованіе. Помните, что она жестоко мститъ тѣмъ, кто идетъ наперекоръ ея законамъ. Будьте увѣрены, что та полная блеска жизнь, то поклоненіе, которымъ вы будете окружены, замѣнитъ вамъ все и навсегда исцѣлитъ васъ отъ мученій, навѣянныхъ на васъ другими. Развѣ они могутъ понять васъ, дорогая? Ваша жажда жизни, а не прозябанія, ваши благородныя стремленія имъ чужды и не понятны. Это насѣдки, которыя сидятъ на своихъ гнѣздахъ надъ своими птенцами, и довольны своимъ жребіемъ и атмосферой, въ которой дышатъ. Но вы не то... Вы должны парить высоко надъ всѣми. Вы задохнетесь здѣсь. Нѣтъ, я вырву, вырву васъ отсюда и унесу туда, гдѣ нѣтъ ни горя, ни заботъ. *(Цѣлуя ея руки.)* Не надо, дорогая! Предоставьте терзаться имъ. Они для этого созданы, это ихъ удѣлъ.

Вѣра Николаевна. Но вѣдь поймите, что страдать они будутъ изъ-за меня! Это мучительно!

Мерцаловъ. Ну, успокойтесь, дорогая! Стоитъ ли обращать вниманія на эти мелочи? Съ этимъ нужно примириться, какъ съ неизбѣжнымъ закономъ; счастье одного зиждется, до извѣстной степени, на несчастіи другого... Да и, наконецъ, что могутъ значитъ ихъ

страданія въ сравненіи съ тѣми, на которыя вы обречете себя, отказавшись отъ моего предложенія. Ахъ, скорѣе бы рѣшился этотъ щекотливый вопросъ, а я ручаюсь, что заставлю васъ скоро забыть всѣ эти непріятности. *(Цѣлуя ея руки.)* Божество мое, когда же вы будете говорить съ мужемъ?

Вѣра Николаевна. Я не могу. Или переговорите вы или уѣдемъ тихо.

Мерцаловъ. Нѣтъ, зачѣмъ же дѣлать скандалъ? Онъ человѣкъ благоразумный и пойметъ, долженъ понять, что не можете вы жить съ нимъ, да еще не любя его, въ этой сѣрой мѣщанской обстановкѣ... Не прикуетъ же онъ васъ къ себѣ цѣпями. Я люблю васъ и добьюсь вашей свободы и обоюднаго счастья. *(Цѣлуетъ ея руки.)* Царица моя!

11) *Въ глубинѣ показывается* **ПАНАЕВЪ** *и останавливается пораженный.*

Вѣра Николаевна. Идите же! Я не могу больше мириться съ этимъ неопредѣленнымъ положеніемъ...

Мерцаловъ. Ну, полно, успокойтесь... Нѣтъ никакого сомнѣнія, что исходъ дѣла будетъ благопріятный, тѣмъ болѣе, что вы ребенка оставляете ему. Довольно того, что вы, такая красавица, цѣлыхъ два года составляли его счастье. Онъ долженъ это цѣнить и, конечно, дастъ разводъ. Успокойтесь! Сегодня все будетъ улажено. Сейчасъ пойду и все устрою. *(Идетъ къ дому и встрѣчаетъ Панаева.)*

Панаевъ. Не трудитесь... Я невольно слышалъ конецъ вашей бесѣды.

Мерцаловъ *(слегка смутившись).* Тѣмъ лучше. Вы облегчили мнѣ мое нѣсколько затруднительное положеніе.

Панаевъ. Что же вамъ угодно?

Мерцаловъ. Я люблю Вѣру Николаевну и беру на себя смѣлость заявить, что она мнѣ отвѣчаетъ вза-

имностью. Я былъ бы очень счастливъ назвать Вѣру Николаевну своей женой.

Панаевъ *(съ усиліемъ)*. Что скажешь ты, Вѣра?

Вѣра Николаевна. Анатолій Львовичъ правъ.. Я хочу быть его женой и прошу мнѣ дать разводъ.

Мерцаловъ. Формальности, конечно, вамъ извѣстны: вину придется взять вамъ на себя. Подобный поступокъ, конечно, нисколько не скомпрометируетъ васъ, наоборотъ...

Панаевъ. А Ваня?

Вѣра Николаевна. Я оставляю его вамъ.

Панаевъ *(чуть слышно)*. Хорошо.

Мерцаловъ. Согласны?

Панаевъ *(утвердительно киваетъ головой.)*

Мерцаловъ. Я такъ и предполагалъ. Вы умный и благородный человѣкъ и, слѣдовательно, не могли поступить иначе. Позвольте пожать вамъ руку.

Панаевъ *(автоматически подаетъ руку.)*

Мерцаловъ. Теперь, дорогая Вѣра Николаевна, вы должны быть спокойны. *(Панаеву оффиціальнымъ тономъ.)* Завтра я заѣду къ вамъ для необходимыхъ переговоровъ. *(Кланяется и идетъ въ сторону.)* Однако, это вышло легче, чѣмъ я предполагалъ! *(Уходитъ.)*

Вѣра Николаевна *(послѣ паузы)*. Какой вы хорошій! Простите меня! *(Уходитъ въ домъ.)*

Панаевъ *(одинъ. Подходитъ къ столу, въ безсиліи опускается на скамью.)* Что это — сонъ? *(Горько.)* Нѣтъ, нѣтъ, какой сонъ! Сама Вѣра, жена моя, стояла здѣсь и просила развода... Такъ вотъ она развязка!... Дуракъ я старый! Какъ я могъ надѣяться! Какъ я могъ предполагать, что она со мною будетъ счастлива?!.. Какъ смѣлъ я два года держать ее въ этой тюрьмѣ!? Да, да, онъ правъ! И за эти два года счастья я долженъ ее благодарить, и благодарю! Милая

моя! Я вѣрилъ въ то, что ты меня любишь. О, глупый! Глупый! Утѣшала ты меня, стараго дурака, когда говорила, что любишь. И я Богъ вѣсть куда занесся, а твоей тоски, твоего горя не замѣтилъ... Прости меня! Прости! Поѣзжай съ нимъ, люби его. Онъ вѣрно стоитъ, если ты выбрала его. Люби и будь счастлива. *(Послѣ паузы.)* Одинъ, опять одинъ! А Ваня!.. За что же ты Ваню оставляешь сиротою? Ваня, дорогой мой, одни мы съ тобой! Одни! Нѣтъ у тебя мамы!... Подростешь ты, спросишь меня: «Гдѣ мама?» Что я скажу тебѣ?—«Умерла твоя мама! Умерла!..» *(Рыдая, опускаетъ голову на руки.)*

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

У Мерцаловыхъ. Роскошно обставленная гостиная. При открытіи занавѣса, слышна музыка. Всѣ въ бальныхъ туалетахъ.

1) БАРЫШНЯ и КАВАЛЕРЪ.

Барышня. Какая тамъ невыносимая духота! Неправда ли, здѣсь, кажется, прохладнѣе?

Кавалеръ. О, да, конечно! Пріютимся здѣсь. Это самая уютная гостиная. *(Садятся.)* Вы сегодня восхитительны!

Барышня. А Вѣра Николаевна?

Кавалеръ. Справедливость требуетъ признать, что она—божественна.

Барышня. Вотъ это мило! Сидите со мною наединѣ и восхваляете красоту другой.

Кавалеръ. Я только отдаю должное.

Барышня. Не понимаю, что въ ней находятъ необыкновеннаго? Вовсе она не такъ удивительно хороша, какъ о ней говорятъ. И вовсе не такъ умна.

Кавалеръ. Ай, ай! Вы начинаете злословить. Нельзя

отнять отъ Вѣры Николаевны, что она восхитительна. Объ этомъ говоритъ весь Петербургъ.

Барышня. Хорошо! Пускай восхищается весь Петербургъ, а я вовсе не желаю посвящать вниманіе на выслушиваніе гимновъ, которые вы ей поете.

Кавалеръ. Смолкаю, и больше не пророню объ этомъ ни слова.

Барышня. А ея сестра, этотъ провинціальный юнкеръ въ женскомъ платьѣ?! Ее тоже находятъ восхитительной. Что за манеры! Право, у моей горничной гораздо сдержаннѣе.

Кавалеръ. Да, ея манеры, дѣйствительно, немного диковаты, но она недурна, и въ этой дикости есть много граціи и привлекательности.

Барышня. Не хотите ли осудить меня на выслушиваніе гимновъ этой новой красотѣ съ зеландскихъ острововъ?

Кавалеръ. О, женская логика! Зачѣмъ же вы сами вызываете меня на этотъ разговоръ?

Барышня. И прошу васъ продолжать въ этомъ духѣ, только извините,—меня навѣрное разыскиваетъ мой кавалеръ на котильонъ. Въ другое время мой слухъ къ вашимъ услугамъ! *(Смѣясь убѣгаетъ.)*

Кавалеръ *(слѣдуя за ней).* Одну минуту! Я... право... Убѣжала. *(Къ публикѣ.)* Вотъ вамъ образецъ женской справедливости! Для нихъ истинно и справедливо только то, что не противорѣчитъ ихъ вкусамъ и желаніямъ. Тутъ невольно воскликнешь! О, женщины, женщины! *(Быстро уходитъ вслѣдъ.)*

---

2) *Двѣ дамы:* **ПОЖИЛАЯ и СТАРУХА.**

Пожилая. Откуда этотъ сорванецъ къ намъ препожаловалъ? Ведетъ себя невозможно! Толпа мужчинъ окружила ее и она съ ними такъ громко разговари-

ваетъ и хохочетъ, что по всему дому разносится ея голосокъ.

Старуха. Она пріѣхала изъ какой-то глухой провинціи. Какая то сестра княгини... чуть ли не родная. Entre nous soit dіsent, происхожденіе княгини довольно темное. Разсказываютъ, что князь ее не то купилъ, не то въ карты выигралъ у какого то заштатнаго чиновника.

Пожилая. Ахъ, какъ это любопытно! Сядемте здѣсь и разскажите мнѣ пожалуйста, поподробнѣе. *(Садятся въ глубинѣ. За сценой слышенъ смѣхъ Сони.)* Слышите, это голосокъ ея сестрицы. Она, кажется, идетъ сюда.

Старуха *(ей)*. Тс... *(Смолкаютъ.)*

3) *Вбѣгаетъ* **СОНЯ.** *За ней ковыляетъ старенькій* **ГРАФЪ.**

Соня *(въ простенькомъ дорожномъ платьѣ)*. Ха-ха-ха! Вотъ такъ исторія!

Графъ. M-elle! M-elle! Вы безчеловѣчны... Я едва за вами поспѣваю!

Соня. А все таки поспѣли.

Графъ. Поспѣлъ.

Соня. И даже переспѣли.

Графъ *(не понявъ)*. О, да! Я не жалѣлъ себя, чтобы поспѣть!

Соня. Ха-ха, какой вы смѣшной! Что вы на меня такъ странно смотрите? Ха-ха-ха!

Графъ. Вы обворожительны.

Соня *(смѣясь)*. Вы черезчуръ любезны.

Графъ. Только справедливъ. *(Довольный собой, смѣется. Въ сторону.)* Повидимому, я ей нравлюсь. *(Ей.)* Скажите, кто этотъ господинъ, который пріѣхалъ къ вамъ изъ... изъ... Какъ этотъ городъ... У васъ одна фамилія.

Соня *(въ сторону)*. Изъ географіи—единицу!.. Подурачу его! *(Ему.)* Это... Это братъ мой.

Графъ (*радостно*). Братъ?

Соня. Да, и мы носимъ поэтому общую фамилію— Вронскіе.

Графъ. Ну, слава Богу, а я думалъ, что это вашъ мужъ.

Соня. А если бы и былъ мужъ?

Графъ. О, это было бы ужасно!

Соня (*наивно*). Но почему?

Графъ. Потому... потому что вы мнѣ нравитесь... потому что... я... я.

Соня (*быстро подхватывая*). Вы любите меня?

Графъ (*въ сторону*). Какая рѣшительная дѣвица! (*Ей.*) Этого не говорятъ такъ скоро, но вы... вы угадали.

Соня (*въ сторону*). Ахъ ты... орангутанъ. (*Ему.*) Отчего же не говорятъ? Пламенная любовь загорается мгновенно. Вспомните Ромео. Отчего же вамъ не быть похожимъ на него!... Знаете... у васъ есть очень много общаго съ Ромео.

Графъ. О, какъ счастливъ былъ бы я найти въ васъ Джульету!

Соня (*про себя*). Ой, умру отъ смѣха! (*Ему, грустно.*) Ахъ, нѣтъ, я чувствую, какъ далеко отъ меня это счастіе.

Графъ. Но почему же? Почему?

Соня. Я бѣдная дѣвушка.

Графъ. О, вы обогатите меня счастіемъ!

Соня (*въ сторону*). Растаялъ. (*Ему.*) И вы способны назвать меня своею женой? О, ваше великодушіе трогаетъ меня.

Графъ (*увлекаясь*). Я былъ бы безконечно счастливъ!

Соня (*хохочетъ*).

Графъ (*въ недоумѣніи.*)

Пожилая. Но она вѣдь замужемъ.

Старуха. Такой сорванецъ способенъ на двумужество. Уйдемъ! Уйдемъ! А то того и гляди попадешь въ свидѣтели.

Старая. Пошла по стопамъ сестрицы! Уйдемъ! (*Испуганно озираясь, уходятъ.*)

Соня (*серьезно, переставъ хохотать*). Послушайте графъ: а сколько вамъ лѣтъ?

Графъ (*замявшись*). Мнѣ... мнѣ... О, плутовка!.. А какъ вы думаете?

Соня (*окинувъ его взоромъ, серьезно*). Лѣтъ... сто.

Графъ (*смѣясь*). Что вы! Что вы... Меньше, гораздо меньше!

Соня. Да вы, графъ, не смущайтесь... Моя мечта выйти замужъ за старика, котораго можно няньчить какъ младенца, и играть съ нимъ въ лошадки. *(Заливается смѣхомъ.)*

Графъ (*вторя ей*). Дитя!. Дитя! Прелестное, наивное дитя! (*Оба смѣются.*)

4) ВРОНСКІЙ.

Вронскій. А вотъ ты гдѣ, Соня! Тебя Вѣра зоветъ.

Соня *(переставая смѣяться).* Ты очень кстати Графъ! Позвольте вамъ представить моего мужа.

Графъ *(стоитъ ошеломленный.)*

Вронскій (*протягивая ему руку*). Очень пріятно.

Графъ (*не подавая руки. Зло*). Мнѣ тоже! (*Уходя.*) Что за глупая исторія!

Вронскій *(смотря ему вслѣдъ).* Невѣжа! Охота тебѣ возиться съ этими идіотами.

Соня. Неужели тебѣ не нравится этотъ переспѣлый Ромео? Нѣтъ, я отъ него въ восторгѣ.

Вронскій. Какъ тебѣ не стыдно, Соня, такъ говорить? Мнѣ это очень не по душѣ.—Да и, вообще, я нахожу для себя мало пріятнаго видѣть тебя, окруженную цѣлой толпой мужчинъ. Ты съ ними точно вѣкъ жила: такъ свободно себя держишь, шутишь, смѣешься...

Остаешься наединѣ съ этой развалиной... Ну, о чемъ ты могла говорить съ нимъ?

Соня. Сашка! Милый! Да ты ревнуешь! Мавръ ты мой черниговскій!.. О чемъ я здѣсь съ нимъ говорила? (*Трагически.*) Если ты этого требуешь,—изволь скажу. Ха-ха-ха! вспомнить не могу—ха-ха-ха! Вотъ могу искренно пожалѣть, что я не свободна! Ха-ха-ха!...

Вронскій. Брось, пожалуйста, смѣяться... Что за шутки.

Соня. Ха-ха-ха! На дуэль его скорѣе! На дуэль! Боюсь только, что онъ отъ одного звука пистолетнаго выстрѣла разлетится какъ пепелъ.. Ха-ха-ха! Онъ, эта мумія, эта археологическая рѣдкость, сдѣлалъ мнѣ предложеніе! Ха-ха-ха!..

Вронскій. Что за глупости! Какое предложеніе?

Соня. Настоящее предложеніе руки и сердца и графскаго титула! Онъ повѣрилъ, что я... барышня.

Вронскій. Ну, это изъ рукъ вонъ! Что за школьничество! Я принужденъ буду сейчасъ же увезти тебя отсюда.

Соня (*умоляюще*). Голубчикъ, Саша! Бога ради, не лишай меня этого удовольствія! Подумай, вѣдь я больше никогда не увижу такихъ уродовъ? Ты обрати только вниманіе на то, что тутъ дѣлается? Барышни, поглядывая косо на мой костюмъ, ехидно улыбаются.—Старцы льнутъ ко мнѣ, молодые не отстаютъ отъ нихъ, а старухи-то, старухи! Ха-ха-ха!.. Кажется еще моментъ и глаза ихъ, выскочившіе отъ злости, будутъ раздавлены какой-нибудь танцующей парой. (*Бросаясь на шею мужу.*) Саша! милый мой! Да вѣдь это кунсткамера! Это восторгъ!

5) КАВАЛЕРЪ.

Кавалеръ. М-ше, позвольте васъ просить на туръ вальса.

Соня. Merçi. (*Беретъ руку, Вронскому тихо.*)

Вотъ удержись отъ искушенія. (*Быстро уходитъ въ среднюю дверь.*)

Вронскій. Ребенокъ ты мой дорогой! На тебя и сердится-то нельзя!

6) ВѢРА НИКОЛАЕВНА.

Вѣра Николаевна. Такъ-то вы, Сашенька, прислали мнѣ Соню?

Вронскій. Ее сію минуту увлекъ какой-то кавалеръ.

Вѣра Николаевна. Я рада за нее. Ей, повидимому, очень весело.

Вронскій. Ей-то весело, да мнѣ-то каково!

Вѣра Николаевна. Что такое?

Вронскій (*улыбаясь*). Да какже! Помилуйте! Она, бѣсенокъ, выдала себя за барышню и ей какой-то отжившій графъ съ дрыгающими отъ подагры ногами сдѣлалъ предложеніе.

Вѣра Николаевна (*смѣясь*). А, догадываюсь кто! Это хроническій женихъ. Но, Соня моя! Узнаю ее, шалунью. Да, дѣйствительно, она произвела здѣсь цѣлую сенсацію! Прежде всего, всѣхъ поразилъ ея костюмъ.

Вронскій. Мы, вѣдь, никакъ не ожидали, что у васъ балъ. Прямо съ дороги. Забросили только вещи въ гостиницу. Если бы знали, конечно, отложили бы свиданіе до завтра.

Вѣра Николаевна. Что вы, Сашенька, на долго къ намъ въ Петербургъ?

Вронскій. Предполагаемъ остаться до конца святокъ. Надо было бы, какъ водится, въ медовый мѣсяцъ пуститься въ путешествіе, да куда тутъ?! Занятія! А тамъ появился маленькій Вронскій, такъ все и откладывали! Теперь сынишку можно оставить на время у няньки на рукахъ; вотъ мы съ Соней и заявились въ Питеръ. Признаться сказать, я думаю, ей не такъ петербургскія диковины хотѣлось повидать, какъ васъ.

Вѣра Николаевна. Я такъ счастлива, что вижу васъ. Вотъ уже четыре года, какъ я чувствую себя страшно одинокой.

Вронскій. Ну, кажется, сегодня-то, Вѣра Николаевна, вы не можете пожаловаться на одиночество; дышать невозможно: такая масса народа у васъ.

Вѣра Николаевна. Ахъ, всѣ они мнѣ болѣе, чѣмъ чужіе! Но оставимъ о нихъ. Разскажите лучше: какъ вы поживаете? Здѣсь намъ никто не помѣшаетъ: это самая отдаленная гостиная. Садитесь и разсказывайте.

Вронскій. Не отложить ли намъ до завтра: вы можете быть тамъ нужны.

Вѣра Николаевна. Нѣтъ, кому я нужна... Тамъ теперь идетъ котильонъ. Да это все равно! У меня нѣтъ терпѣнія дождаться завтра, итакъ, садитесь же и разсказывайте все и обо всѣхъ подробно. Вѣдь я о васъ ничего не знаю! Еще въ первый годъ, пока была жива мама, я получала отъ нея письма, но умерла она и я четыре года не имѣла о васъ никакихъ свѣдѣній. *(Беретъ его за руку и сажаетъ около себя.)* Говорите, милый! Скорѣй говорите все!

Вронскій. Съ кого же начать?

Вѣра Николаевна. Все равно! Вы всѣ мнѣ одинаково дороги! Ну, начинайте хоть съ Али. Какъ она? Здорова?

Вронскій. Здорова! Такой молодецъ! Восторгъ! Вѣдь вы знаете она вышла замужъ?

Вѣра Николаевна. Неужели? За кого?

Вронскій. А помните сосѣда по имѣнію—Ивана Степановича Рукавишникова?

Вѣра Николаевна. Помню, помню. Дикарь такой! Онъ мнѣ былъ очень симпатиченъ! Да, они созданы другъ для друга и, конечно, счастливы?

Вронскій. О, да! У нихъ бракъ построенъ на самыхъ раціональныхъ началахъ: каждый изъ нихъ совершенно самостоятеленъ: Рукавишниковъ управляетъ своимъ имѣніемъ, а Глафира Николаевна своимъ.

Вѣра Николаевна. А что ея школа?

Вронскій. Школа процвѣтаетъ. Да у нея помимо школы есть еще занятія: изучила акушерство и такъ ловко принимаетъ у бабъ! Сама же и креститъ всѣхъ ребятъ. Скоро, вѣроятно, со всей деревней покумится! Мужики на нее просто молятся.

Вѣра Николаевна. Я такъ и ожидала! Какая это славная, здоровая и неиспорченная натура! Какой свѣтлый умъ! Скажите, что она на меня до сихъ поръ сердита? Вѣдь мы разстались почти врагами

Вронскій. Да, немножко, кажется, есть. Она, вѣдь, у насъ не даромъ пуританкой слыветъ!

Вѣра Николаевна *(грустно).* Она права! *(Мѣняя тонъ.)* Ну, о васъ спрашивать нечего: вы, конечно, счастливы?

Вронскій. Безгранично! Вѣдь вы сами видите, какой умный, хорошій и чистый ребенокъ Соня! Шалунья немного, ну, да это признакъ здоровой, свѣжей породы. А если бы вы видѣли, какъ она и бережетъ и лелѣетъ нашего сынишку! Когда она подлѣ него, это совершенно взрослый человѣкъ; надо видѣть, какъ она важно исполняетъ материнскія обязанности! Но едва только она перешагнетъ порогъ дѣтской, какъ сама превращается въ ребенка. Вотъ я три года женатъ, и до сихъ поръ влюбленъ въ нее, какъ мальчишка.

Вѣра Николаевна. Очень рада! За всѣхъ васъ рада, дорогіе мои!

Вронскій. Да что про насъ-то толковать? Вотъ вы о себѣ-то поразскажите,

Вѣра Николаевна. Что разсказывать? Видите вы эту праздную толпу, которая такъ забавляетъ Соню? Смотрѣть на нее со стороны интересно, но жить съ нею вѣчно надоѣстъ. Впрочемъ, можетъ быть, опять это только мнѣ? Меня когда то манила эта жизнь; я рвалась къ ней, но прошелъ первый годъ увлеченія и опять мнѣ все это противно; такая ужъ, видно, у ме-

ня натура. Теперь я и желать-то чего-нибудь и стремиться-то къ чему-нибудь боюсь, мнѣ кажется, что чего бы я ни добилась, мнѣ все это также скоро надоѣстъ, какъ и эта жизнь... Умереть бы!

Вронскій. Что вы, что вы, дорогая! Что за грустный выводъ? Глядя на васъ, я бы никогда не подумалъ, что вы несчастны. У васъ есть все для счастья: любовь князя.

Вѣра Николаевна. Ахъ, эта любовь можетъ только тяготить, но не сдѣлать счастливой, да и любовь ли это? Я его не люблю и никогда не любила! Я думала заполнить душевную пустоту удовлетвореніемъ тщеславныхъ стремленій, хотѣла, какъ говорила Аля, свѣтъ удивить своей красотой,—добилась, а все чего-то мнѣ не достаетъ. Вижу, что все это не то и не то. Мало того, что я не люблю князя — я ненавижу его! Тщеславіе настолько затемнило мой разсудокъ, что я тогда не замѣтила его недостатковъ; онъ мнѣ даже нравился, но теперь, когда я его узнала, когда я увидѣла всю его пошлость и цинизмъ, — онъ, опротивѣлъ мнѣ. И я могла оставить для него Николая Михайловича! Ваню?! Все, что теперь мнѣ кажется такимъ дорогимъ и привлекательнымъ. (*Съ горечью.*) И опять, вѣрно, только кажется! Противна я себѣ! У всякаго человѣка есть любовь, есть привязанности, у меня же—ничего. Какой то нравственный уродъ! Ни себя не люблю, ни другихъ. Бѣжала бы куда-нибудь! А куда убѣжишь отъ себя самой? (*Закрываетъ лицо руками.*)

Вронскій. Перестаньте, дорогая! Попробовали бы вы путешествовать: путешествія замѣчательно благотворно дѣйствуютъ на душу.

Вѣра Николаевна. Путешествовала.

Вронскій. Ну, и что же?

Вѣра Николаевна. Также скоро надоѣло, какъ и все.

Вронскій. Странная вы!

Вѣра Николаевна. Правда, Сашенька! Больше чѣмъ странная! Искалѣченная, изломанная, а что меня сдѣ-

лало такою—не знаю. Взвалить вину на воспитаніе? Но вѣдь и Аля и Соня росли при тѣхъ же условіяхъ. Почему же онѣ не такія какъ я? У каждой изъ нихъ есть свой домъ, своя семья; у меня же—ничего... Все то я разбила сама своими собственными руками. Отчего же это? объясните—отчего? *(Рыдаетъ.)*

Вронскій. Я вамъ скажу правду: оттого, что вы всегда гнались за декораціею жизни, за формою ея, а не за содержаніемъ. Но полно, родная моя! Успокойтесь! Все это можно исправить! Теперь у васъ пробудилось сознаніе, что это погоня ложная, что она можетъ насытить глаза, а не душу. Отъ васъ зависитъ выбрать другой путь. Бросайте вы вашъ несносный Петербургъ, поѣдемте къ намъ, въ нашу глушь. Вѣдь Николай Михайловичъ до сихъ поръ горячо васъ любитъ, а гдѣ любовь, тамъ и прощеніе! Какъ счастливъ будетъ онъ!

Вѣра Николаевна. Что вы, Сашенька, говорите! Опять вернуться къ нему! Это невозможно, да и незачѣмъ!

Вронскій. Какъ незачѣмъ? А о сынѣ вы забыли?

Вѣра Николаевна. Не забыла! Нѣтъ! Бываютъ минуты, когда мнѣ болѣзненно, неудержимо хочется прижать его къ сердцу... заплакать! Мнѣ кажется иногда, что я вижу его протянутыя ко мнѣ ручонки! Слышу его голосъ! и невольно думаю: «Господи! Какъ счастливы должны быть матери!»

Вронскій. Но что же вамъ мѣшаетъ воспользоваться этимъ счастьемъ?

Вѣра Николаевна. Что мнѣ мѣшаетъ? Ахъ, Сашенька! Мои ошибки, мои заблужденія изломали меня, и что ужасно, вырвали у меня изъ души самое дорогое сокровище: довѣріе къ самой себѣ. Чѣмъ могу я поручиться, что это не капризъ, не порывъ утопающаго, который хватается за соломенку?! Вѣдь могла же я бросить семью, ребенка и промѣнять на... *(Съ болью.)* Ахъ, больно! Больно и страшно за себя! А главное, тяжело, невыносимо тяжело... *(Плачетъ.)*

Вронскій. Полно, полно, успокойтесь! Что вы, голубушка! Здѣсь же не форма, а сущность и вамъ нечего бояться разочарованія. Вы пріѣдете къ намъ и .. и если нѣтъ возврата къ прежнему семейному счастью, то счастье матери, возможность быть около сына и слѣдить за его развитіемъ можетъ снова возвратить вамъ покой, а жизни—смыслъ и содержаніе.

Вѣра Николаевна. Можетъ быть вы и правы, но я все же боюсь повѣрить этому влеченію: вѣдь если оно окажется ошибкой, у меня не останется ни одной свѣтлой точки въ жизни, никакого утѣшенія.

7) ЛАКЕЙ.

Лакей *(во фракѣ, въ перчаткахъ).* Ваше сіятельство, ихъ сіятельство приказали доложить—гости изволятъ разъѣзжаться.

Вѣра Николаевна. Хорошо!

Лакей *(уходитъ.)*

Вронскій. Такъ подумайте, подумайте надъ этимъ серьезно, дорогая Вѣра Николаевна. А я сейчасъ пойду отыщу своего сорванца и домой.

Вѣра Николаевна. Тамъ трудно будетъ въ толпѣ ее разыскать. Я вамъ пришлю ее сюда. *(Уходитъ въ середину.)*

Вронскій *(одинъ).* Такъ вотъ что изъ нее выработала эта полная блеска жизнь, къ которой она такъ стремилась. Что же, и это къ лучшему. Теперь она должна иначе относиться къ людямъ и къ своимъ нравственнымъ обязанностямъ. Въ ней пробудилась сознательная любовь къ сыну и это вполнѣ обезпечиваетъ воспитаніе Вани. Видно что ужъ теперь она отдастъ ему всю свою жизнь, всю свою душу. Но кто повѣрилъ бы, что это та Вѣра, та гордая, тщеславная Вѣра, которой казалось, что всѣ люди созданы только для

того, чтобы восхищаться ею и поклоняться ей, которая все куда то рвалась, къ чему-то стремилась, что-то искала. И вотъ теперь все разбито, все разрушено. И она смиренно вымаливаетъ себѣ прощеніе. Какой громадный переворотъ въ характерѣ. И весь этотъ переворотъ къ лучшему, самъ не подозрѣвая, сдѣлалъ князь, это существо вѣжливое по формѣ и грубое по сути. Всегда я питалъ къ нему непріязненное чувство, но за это я ему благодаренъ.

8) СОНЯ.

Соня *(запыхавшись, бросается въ кресло)*. Фу, устала!

Вронскій. Наконецъ-то! Ну, сорванецъ, ѣдемъ домой.

Соня. Охъ, Сашенька, этотъ переспѣлый Ромео, кажется, на меня нажаловался князю. И тотъ сердито такъ на меня смотрѣлъ.

Вронскій. Что струсила?

Соня. Вотъ нисколько. Воображаю, Сашка, какъ много обо мнѣ будутъ говорить въ Петербургѣ. Вотъ такъ я!..

Вронскій. Ну поѣдемъ, поѣдемъ домой, пока тебя отсюда съ полиціей не вывели.

Соня *(смѣясь)*. Ее сюда не впустятъ. Поѣдемъ тиранъ. А все таки, Сашка, они восхитительны. (*Уходитъ съ Вронскимъ.*)

---

9) КНЯЗЬ *и* ВѢРА.

Князь. Извините, что мнѣ пришлось напомнить вамъ объ обязанностяхъ хозяйки быть съ гостями, а не тѣшить себя болтовней съ милыми родственниками. Я надѣюсь, что этого больше не повторится. Своимъ поведеніемъ они компрометируютъ насъ: явились на балъ въ какихъ-то допотопныхъ костюмахъ! Ну и сидѣли бы гдѣ-нибудь въ углу, знали свое мѣсто. Нѣтъ, вообразили себя въ обществѣ своихъ захолустныхъ

друзей и съ мѣщанской развязностью позволяютъ себѣ спорить, издѣваться надъ людьми, которые являются представителями нашего круга, нашего общества.

Вѣра Николаевна. А что такое — ваше общество? Сборище несчастныхъ, жалкихъ калѣкъ, обезличенныхъ шаблономъ аристократическаго этикета, и, во имя законовъ этого общества, вы требуете удаленія моихъ родныхъ. Не слишкомъ ли это князь?! Я всего могла ожидать отъ васъ, но не думала, чтобы вы когда-нибудь позволили оскорбить меня въ лицѣ моихъ родственниковъ. Стыдитесь, что мнѣ приходиться напоминать вамъ о правилахъ обыденной вѣжливости и деликатности.

Князь *(сдержанно)*. У васъ, мой другъ, разстроены нервы.

Вѣра Николаевна. Ахъ, это для меня не новость! Все, что вырывается непосредственно изъ души, вы, обыкновенно приписываете разстроеннымъ нервамъ. Вы никакъ не хотите и не можете допустить, что есть мученія, вызванныя не однимъ только разстройствомъ нервовъ. У васъ внѣшность, безсмысленная внѣшность, совершенно исключаетъ душу. Вы пугаетесь, осуждаете и возмущаетесь всѣмъ, что только идетъ наперекоръ вашимъ шаблоннымъ, нелѣпымъ традиціямъ.

Князь. Мнѣ кажется здѣсь не мѣсто для подобныхъ объясненій. Каждую минуту можетъ войти прислуга.

Вѣра Николаевна. Успокойтесь, я не скомпрометирую васъ въ глазахъ прислуги. Я только хочу вамъ высказать то, что давно накипѣло у меня на душѣ, что гнететъ и давитъ меня до боли.

Князь. Право, въ этомъ мало интереснаго.

Вѣра Николаевна. Но вѣдь вы... мужъ мой.

Князь. Я не понимаю, что вамъ угодно. Я вамъ далъ все, что могъ,— роскошь, положеніе въ обществѣ. Нравится оно вамъ, или нѣтъ, это до меня не касается.

Вѣра Николаевна. Вы прежде такъ не говорили.

Мерцаловъ *(иронически)*. Мнѣ очень жаль, что

ваши мѣщанскіе предразсудки не выдохлись изъ васъ въ новой атмосферѣ... я полагалъ...

Вѣра Николаевна *(перебивая)*. Вы полагали, что убили у меня въ душѣ все искреннее и хорошее, что дала мнѣ природа и эта «мѣщанская» среда? Къ счастью, вы ошибаетесь! Мнѣ стыдно за себя, стыдно, что я могла нѣсколько мѣсяцевъ тѣшить себя надеждою на счастіе, которое мечтала найти здѣсь, въ вашемъ обществѣ. Вы въ эти пять лѣтъ всѣми силами старались развратить и обезличить меня. По счастью, это не удалось вамъ и результаты явились самые противуположные. Мнѣ отвратительна эта праздная, безсмысленная жизнь! Мнѣ душно въ вашей атмосферѣ и я не могу, не хочу больше выносить ее!

Князь. Но чего же вы хотите? Не могу же и я разорвать свои связи съ обществомъ, въ которомъ я родился и прожилъ всю жизнь, да это было бы черезчуръ нелѣпо. Наконецъ, вы сами стремились къ нему и, я полагаю, что исполнилъ всѣ свои обѣщанія, такъ что было бы странно упрекать меня въ чемъ бы то ни было!

Вѣра Николаевна. О, конечно, вы правы, вы безусловно правы, но только мы съ вами говоримъ на разныхъ языкахъ. Я то васъ понимаю прекрасно, но вы меня не поймете никогда. Вы спрашиваете чего я хочу? На вашъ вопросъ вамъ я отвѣчу иначе: я не хочу и не могу больше жить съ вами!

Князь *(иронически)*. Что же, вы избрали профессію мѣнять чуть ли не ежегодно мужей?

Вѣра Николаевна. Теперь вы меня этимъ не оскорбите.

Князь. Интересно все-таки знать, почему вы не хотите жить со мной?

Вѣра Николаевна. Почему? Неужели же вамъ мало того, что я уже сказала? Такъ слушайте: потому, что я никогда не любила васъ; вы увлекли меня потокомъ пышныхъ фразъ, но всѣ онѣ оказались ложью, наглой,

безсмысленной ложью. Хотя, къ сожалѣнію, нѣсколько поздно, но я сознала всю вашу мелочность, эгоизмъ и развращенность, которую вы драпировали въ пышныя фразы, и — послѣднее звено, которое сковывало меня съ вами, уваженіе — рушилось.

Князь *(зло)*. Вы начинаете разговарить непозволительно грубо. *(Хочетъ уйти.)*

Вѣра Николаевна. Постойте! Рано или поздно, мы должны вернуться къ этому разговору, — такъ лучше кончить сейчасъ, сразу.

Князь *(останавливаясь)*. Что же вамъ угодно?

Вѣра Николаевна. Мнѣ угодно порвать съ вами всякія сношенія и не видѣть васъ никогда.

Князь. Однако, какъ благотворно на васъ подѣйствовали ваши милые родственники. Но вы очень наивны. Порвать со мною не такъ легко, какъ вамъ кажется и какъ вамъ удалось это съ первымъ мужемъ. Я не такъ глупъ, чтобы добровольно отдать свое имя на осужденіе общества. Меня ли, васъ ли будутъ обвинять,—это безразлично. Скандала я не хочу. Да, наконецъ, что за странности? Вы просто разстроены и капризничаете, какъ всякая хорошенькая женщина. Ну, положимъ, я нѣсколько рѣзко выразился о вашихъ родныхъ, хотя вы и должны понять меня. *(Беретъ ея руку.)* Ну полно! Успокойтесь!

Вѣра Николаевна *(вырывая руку, съ презрѣніемъ)*. Уйдите! Ради Бога уйдите, я ненавижу васъ, вы противны мнѣ. Я презираю васъ. Уйдите!.. Или я не ручаюсь за себя.

Князь *(пожимая плечами)*. Какъ это глупо! *(Уходитъ.)*

Вѣра Николаевна *(одна)*. Боже мой! Боже мой, что же мнѣ дѣлать? Что мнѣ дѣлать? *(Съ рыданіемъ опускается въ кресло.)*

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ 4-е.

Квартира Вронскихъ. Уютная гостиная... Безпорядокъ.

1) СОНЯ

Соня *(изъ дѣтской)*. Няня! Нянька! Гдѣ ты? Что же ты не отвѣчаешь?

2) НЯНЯ.

Голосъ няни *(за сценой)*. Сейчасъ иду.

Соня. Боже ты мой! Что дѣлается! Что дѣлается! И это при мнѣ. Воображаю, что было, когда я была въ Петербургѣ. *(Подходитъ къ средней двери и кричитъ.)* Нянька!

Няня *(входитъ)*. Да что ты такъ кричишь-то?

Соня. Помилуй! Ты Володю съ голоду уморишь! Ему еще десять минутъ назадъ нужно было завтракать! Почему ты его не кормишь?

Няня. Котлетку-то кошки сожрали. Ишь вы развели ихъ здѣсь цѣлую араву! Чуть зазѣваешься—анъ слопали.

Соня *(передразнивая)*. Слопали... Слопали! А ты не зѣвай! Теперь опять дожидаться нужно. Это не на что не похоже. Это ни на что не похоже!

Няня. Чего сердишься понапрасну. Ну, не велика важность, если подождетъ—аппетитъ лучше будетъ.

Соня. Не возражай! Распустились вы здѣсь безъ меня очень. Я васъ приберу къ рукамъ. Подождите! Ну, что же ты стоишь, вытаращивъ глаза-то! Иди, а то и новую котлетку слопаютъ.

Няня *(убѣжденно)*. И слопаютъ. Чисто лѣшіе, прости Господи! Такъ съ горячей сковороды и цапаютъ. Носа утереть не успѣешь—слопали!

Соня. Такъ иди-жъ! Иди скорѣе! Чего же ты языкъто здѣсь чешешь?

Няня. На што-жъ и языкъ, чтобы не чесать?! *(Уходитъ въ среднюю дверь.)*

Соня *(одна)*. Бѣдный Володя! Я думаю, какъ проголодался-то! Ей хорошо разговаривать, а каково ему это переносить?!

3) ГЛАФИРА НИКОЛАЕВНА.

Глафира Николаевна *(цѣлуя сестру)*. Здравствуй, Соня! Ты все воюешь?

Соня. Да какъ же! Володя до сихъ еще не завтракалъ.

Глафира Николаевна. Ты смотри не обкорми его.

Соня. Ну, что ты, Аля! Точно не знаю! Нѣтъ, можешь ты себѣ представить: котлетку Володи кошки слопали, а онъ долженъ ждать. Нянька, да что же ты? Неси скорѣе!

4) *Входитъ* НЯНЬКА *(съ завтракомъ)*.

Нянька. Несу, ужъ несу! Здравствуй, Глафира Николаевна. *(Кланяется въ поясъ, держа въ обѣихъ рукахъ сковороду.)*

Глафира Николаевна *(нянѣ)*. Твои кланяются тебѣ! Велѣли спросить.

Соня *(быстро)*. Аля! Ты ее задерживаешь! Иди, иди няня: я за тебя отвѣчу. *(Выпроваживаетъ няньку въ дѣтскую.)*

Глафира Николаевна. Чудачка! Ну развѣ Володя не успѣетъ?

Соня. Ахъ, Аля! У тебя нѣтъ дѣтей и ты ничего въ этомъ дѣлѣ не понимаешь.

Глафира Николаевна. Ну, конечно! Какъ Володя?

Соня *(весело)*. Прекрасно! Веселый такой! А какъ много говоритъ!

Глафира Николаевна *(шутя)*. Въ тебя значитъ! Пойду къ нему. *(Направляется къ двери.)*

Соня *(не пуская)*. Голубушка, Аля! Не ходи! Сейчасъ онъ завтракаетъ, а послѣ завтрака тотчасъ же ложиться спать: ты развлечешь его.

Глафира Николаевна. Ну, ладно ужъ, не пойду! А гдѣ Александръ Павловичъ?

Соня. У себя въ кабинетѣ. Съ тетрадками возится. *(Грустно.)* Вѣришь ли, Аля, въ праздники и то отдыха нѣтъ.

Глафира Николаевна. Ты бы ему помогла!

Соня. Бралась нѣсколько разъ, да онъ надо мной смѣется: говоритъ, у меня такое важное лицо, когда я берусь за исправленіе тетрадокъ, что безъ смѣха смотрѣть нельзя. Я разозлилась и бросила. А отчего ты такъ давно не пріѣзжала? Работы много?

Глафира Николаевна. Ну, меня моя работа не тяготитъ. Если и еще прибавится—не бѣда. За то отдыхъ такъ пріятенъ!

Соня. А что, Аля, хорошенкія дѣтишки родяться у тебя въ деревнѣ?

Глафира Николаевна. Какъ придется! Бываютъ и хорошенкія.

Соня. Ахъ, Аля! какая ты несчастная, что у тебя нѣтъ дѣтей!

Глафира Николаевна. У меня ихъ много: цѣлая деревня.

Соня. Нѣтъ, это не то, что родные.

Глафира Николаевна. Можетъ быть это и къ лучшему. Если бы у меня были родныя дѣти, я бы не въ состояніи была такъ ухаживать за чужими, а они въ этомъ очень нуждаются.

5) ВРОНСКІЙ *(съ письмомъ въ рукахъ)*.

Вронскій. Радость, Соня! Смотри: письмо отъ Вѣры, пишетъ, что собирается пріѣхать къ намъ.

Соня *(выхватываетъ письмо)*.

Вронскій *(Глафирѣ Николаевнѣ)*. Наконецъ-то вы пріѣхали изъ своей противной деревни. На долго?

Глафира Николаевна. Нѣтъ, сегодня же обратно!.. Вы говорите, что Вѣра хочетъ пріѣхать? Зачѣмъ это?

Соня *(весело)*. Пріѣдетъ! Вѣрушка моя пріѣдетъ! Какъ я рада!

Глафира Николаевна. Странная фантазія! Для чего же ей сюда ѣхать?

Вронскій. А вы все сердитесь! Если бы вы знали, какою она себя чувствуетъ несчастною? Какъ дорого она заплатила за свою ошибку!

Глафира Николаевна. Вольно же ей! Она сама создаетъ себѣ несчастія! Вѣдь чувствовала же она себя несчастною здѣсь, когда другая на ея мѣстѣ считала бы себя счастливѣйшей!? Не вѣрю я ей.

Вронскій. Ну, что у васъ за странная холодность? Нужно, вообще, быть снисходительнѣй къ людямъ, а вѣдь здѣсь—сестра! Вы думаете разскаяніе не смущаетъ ее?

Глафира Николаевна. Не понимаю! Это было ея желаніе, котораго она добилась. Чего же ей еще?

Вронскій. Да будетъ вамъ!

Соня. Въ самомъ дѣлѣ, Аля, какъ тебѣ не стыдно нападать на Вѣру.

Глафира Николаевна. Тутъ не можетъ быть и рѣчи о какихъ-то нападкахъ. Ты, Соня, дитя и привыкла смотрѣть на жизнь, какъ ребенокъ, а я не могу легко относиться къ подобнымъ фактамъ: я не допускаю такого отношенія къ людямъ: взять и хладнокровно разбить чужую жизнь, изломать у человѣка душу, въ доброе, довѣрчивое сердце вселить подозрительность и недовѣріе къ людямъ; наконецъ, навсегда лишить своего единственнаго ребенка материнской ласки, забыть все это изъ-за пустой прихоти, гдѣ даже и любви нѣтъ: это возмутительно! Я никогда не примирюсь съ этимъ! Теперь вотъ она ѣдетъ сюда. Для чего это? Чтобы еще болѣе разбередить рану Николая Михайловича?

Вронскій. Вы очень строги къ ней! А я увѣренъ, что Николай Михайловичъ проститъ и забудетъ все, едва ее увидитъ.

Глафира Николаевна. Ахъ, Александръ Павловичъ! У меня сердце сжимается отъ боли. Неужели вы думаете, мнѣ не жаль ее? Жаль! Вѣдь она ничто иное, какъ жертва времени. Но еще болѣе обидно и больно за Николая Михайловича. Посмотрите, что съ нимъ сталось?! Осунулся, съ каждымъ днемъ все угрюмѣе и угрюмѣе. Не долго онъ протянетъ. Я это чувствую.

Вронскій. Мнѣ кажется, вы все преувеличиваете, я пока еще не вижу такой опасности.

Глафира Николаевна. Дай Богъ, чтобы это было такъ! *(Вставая.)* А все-таки я не могу ей простить этого. До свиданья! Я сейчасъ зайду къ Николаю Михайловичу. *(Идутъ къ двери.)*

6) *Въ дверяхъ появляется* **ВѢРА НИКОЛАЕВНА** *(блѣдная).*

Глафира Николаевна *(сначала пораженная, смотритъ на сестру, потомъ съ крикомъ бросается въ ея объятія)* Вѣра! *(Обѣ плачутъ.)*

Соня. Вѣра! Милая! *(Бросается также къ ней.)*

Вронскій. Вотъ неожиданность! Отчего же вы не прислали телеграммы? Мы бы васъ встрѣтили.

Вѣра Николаевна *(приходя въ себя).* Сюрпризъ хотѣла сдѣлать. Послала вамъ письмо, а вслѣдъ за письмомъ сама выѣхала. *(Смотритъ на Глафиру Николаевну.)* Аля! Простила? Да?...

Глафира Николаевна. Полно! Не говори объ этомъ! Ты передо мной не виновата! Не видя тебя, я могла еще ворчать, а увидѣла и все исчезло.

Вѣра Николаевна. Спасибо тебѣ, дорогая моя! *(Сонѣ.)* Что ты, моя дѣвочка, такъ грустно на меня смотришь?

Соня. Какая ты блѣдная, Вѣра! Ты не больна?

Вѣра Николаевна. Нѣтъ, ничего... здорова... Это, вѣрно, съ дороги.

Соня. Раздѣвайся скорѣе и отдохни! *(Снимаетъ съ нея шляпу.)*

Вѣра Николаевна *(съ волненіемъ).* Гдѣ сынъ?

Вронскій. Дома.

Вѣра Николаевна. Я хочу его видѣть. Приведите ко мнѣ Ваню, но только такъ, чтобы... Николай Михайловичъ не зналъ о моемъ присутствіи здѣсь. Послѣ... когда нибудь... скажите, но только не сейчасъ.

Глафира Николаевна. Но какъ же это сдѣлать? Сегодня праздникъ и Николай Михайловичъ навѣрное съ нимъ: онъ, какъ только свободенъ, всегда около Вани и никому не довѣряетъ.

Вѣра Николаевна *(умоляюще).* Ахъ! Александръ Павловичъ! Устройте какъ-нибудь. Я уѣхала изъ Петербурга съ одною мечтою видѣть Ваню около себя. Я жить безъ него не могу больше. Привезите же мнѣ его! Я хочу его видѣть сейчасъ, сію минуту!

Вронскій. Хорошо! Я поѣду и подъ какимъ-нибудь предлогомъ привезу его сюда. *(Быстро уходитъ.)*

Соня. Вѣра! Милая! Право, тебѣ лучше лечь! Ты выглядишь совсѣмъ измученной.

Вѣра Николаевна. Пустяки!... Много волновалась въ послѣднее время. Отъѣздъ изъ Петербурга, свиданіе съ вами, все это, конечно, не могло не отозваться на мнѣ. Но теперь всему этому конецъ: я больше не вернусь туда.

Соня. Значитъ, ты къ намъ совсѣмъ?

Глафира Николаевна. Онъ тебя отпустилъ?

Вѣра Николаевна. Нѣтъ, я уѣхала сама... Но онъ, боясь скандала, не станетъ преслѣдовать меня. Если же и потребуетъ моего возвращенія,—я не вернусь ни за что, ни за что!

Соня. Вотъ это хорошо! Теперь ты, значитъ, наша! Опять наша!

Вѣра Николаевна *(Алѣ)*. Ты мнѣ дашь у себя комнатку... Я выпрошу у мужа... у Николая Михайловича Ваню и всю себя отдамъ моему сыну! Вѣдь Николай Михайловичъ отдастъ мнѣ его? Да?

Соня. Конечно, да!

Глафира Николаевна. Ты бы повидалась съ нимъ!

Вѣра Николаевна. Не теперь только... Но что же они такъ долго не ѣдутъ... Вѣдь это, кажется, близко.

Соня *(увидя въ окно)*. Везутъ! Ваню везутъ! *(Вѣра Николаевна бросается къ двери.)*

7) ВРОНСКІЙ *съ* ВАНЕЙ *(на рукахъ.)*

Вѣра Николаевна *(вырываетъ Ваню у Вронскаго и, рыдая, страстно цѣлуетъ его.)* Ваня? Милый мой Ваня!

Ваня *(дико озираясь)*. Папа!

Вѣра Николаевна *(опустивъ его. На колѣняхъ передъ нимъ)*. Ваня! Милый мой! Дорогой мой мальчикъ! Вѣдь я твоя мама!... Посмотри на меня! Обними меня своими рученками! Ну не бойся меня! Видишь около тебя твоя мама!

Ваня *(насупившись)*. Мамы нѣтъ... Мама умерла.

Вѣра Николаевна *(съ испугомъ)*. Что онъ говоритъ?

Глафира Николаевна *(смущенно)*. Видишь ли... Николай Михайловичъ не зналъ, какъ объяснить ему твое отсутствіе и сказалъ... что ты умерла.

Вѣра Николаевна *(послѣ борьбы)*. Да, конечно! Какъ же могъ сказать иначе?! *(Вставая, со вздохомъ)* Ну, чтожъ... Умерла, такъ умерла!

Вронскій. Да вы, Вѣра Николаевна, не придавайте этому особеннаго значенія... Николай Михайловичъ не ждалъ, что вы возвратитесь и поэтому такимъ образомъ объяснилъ ваше отсутствіе. Но теперь другое дѣло... Вы здѣсь! Ваши ласки, ваши заботы привяжутъ ребенка къ вамъ и потомъ можно будетъ осторожно ему объяснить все это.

8) НЯНЯ.

Няня *(изъ двери)*. Барыня! Николай Михайловичъ пріѣхалъ.

Вѣра Николаевна (*тревожно*). Я уйду! Я не могу съ нимъ сейчасъ встрѣтиться. *(Быстро уходитъ въ кабинетъ.)*

---

9) НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Ваня *(бросаясь къ нему)*. Папа! Папа! Возьми меня домой!

Николай Михайловичъ. Хорошо! Хорошо, милый. *(Всѣмъ.)* Что съ нимъ? Отчего онъ такъ взволнованъ?

Глафира Николаевна. Такъ... пустяки... дѣтскій капризъ.

Ваня. Папа! У меня нѣтъ мамы?

Николай Михайловичъ *(грустно)*. Нѣтъ, милый мальчикъ, нѣтъ! *(Вронскому.)* Зачѣмъ вы его привезли безъ моего вѣдома?

Вронскій *(смущенно)*. Глафира Николаевна хотѣла съ него фотографію снять.

Ваня. Домой!

Николай Михайловичъ. Сейчасъ, мой дорогой!

Глафира Николаевна. Постойте, Николай Михайловичъ!.. Вѣра прислала письмо. Пишетъ, что собирается пріѣхать сюда, чтобы повидаться съ Ваней, побыть съ нимъ вмѣстѣ. Она больше не въ состояніи выносить разлуку съ нимъ. Она страшно страдаетъ. Вы, конечно, не откажете ей?.. Тѣмъ болѣе, что она теперь перемѣнилась и иначе смотритъ на жизнь. Если бы вы знали, какъ она любитъ его!

Николай Михайловичъ. Какъ же это такъ? Любитъ его, жить безъ него не можетъ, а бросила?

Глафира Николаевна. Это было заблужденіе? Болѣзненный порывъ!

Николай Михайловичъ. Да, и этотъ порывъ тянется

пять лѣтъ! Пять лѣтъ она могла жить безъ сына, такъ проживетъ и больше.

Вронскій. Послушайте, Николай Михайловичъ, не ужели же вы въ состояніи такъ безжалостно отнестись къ ней за одинъ легкомысленный поступокъ?

Николай Михайловичъ. Эхъ, господа! Зачѣмъ вы бередите у меня ту рану, которой давно бы слѣдовало зажить?! Я люблю Вѣру, любилъ и люблю до сихъ поръ, а вѣдь любовь и жалость почти одно и то же! Какъ же я могу быть къ ней безжалостнымъ? Но любовь не ослѣпитъ меня настолько, чтобы я могъ погубить сына.. Да, это будетъ для него гибелью! Выходя за меня замужъ, она совершила легкомысленный поступокъ, разрывъ съ семьей и со мной—легкомысленный поступокъ; бракъ съ княземъ—легкомысленный поступокъ! Кто-же мнѣ поручится, что этихъ легкомысленныхъ поступковъ не будетъ еще цѣлый рядъ? И все это будетъ на глазахъ моего сына! Нѣтъ, никогда, никогда не отдамъ я его никому. *(Прижимая Ваню къ себѣ.)* Не отдамъ я тебя, милый мой мальчикъ, никому не отдамъ!

Ваня. И чужой мамѣ не отдашь?

Николай Михайловичъ *(изумленный)*. Что онъ говоритъ? Какой чужой мамѣ?

Ваня. Туда ушла... *(Указываетъ на дверь кабинета.)*

Николай Михайловичъ. Что это значитъ?

Глафира Николаевна. Видите ли... Скрывать теперь нечего... все равно вы должны узнать... Вѣра здѣсь.

Николай Михайловичъ (*пораженный*). Здѣсь! А! вотъ оно что! (*Быстро схватываетъ за руку Ваню.*) Пойдемъ.

Глафира Николаевна. Николай Михайловичъ! Подождите! Вы поступаете черезчуръ жестоко... Поймите, что для нея любовь къ сыну единственное спасеніе. Повторяю вамъ: она не та теперь! Зачѣмъ же вы хотите убить ее своимъ отказомъ? Ради любви своей,

ради ея страданій и раскаянія вы должны все забыть и простить... Ребенку нужна мать.

Николай Михайловичъ. Аля! Аля! Зачѣмъ ты мучаешь меня? Ты понимаешь болѣе, чѣмъ кто-либо, какъ мнѣ это тяжело. Развѣ я не сознаю самъ, что мать ему нужна больше, чѣмъ я... Развѣ мнѣ не тяжело видѣть, что онъ растетъ дикаремъ? Но что же я могу сдѣлать, если я пересталъ вѣрить въ нее?!

Глафира Николаевна. Такъ повѣрьте мнѣ! Я все беру на свою отвѣтственность. Вы знаете, что одна только жалость не въ состояніи вызвать меня на такія просьбы. Наконецъ, вы сами убѣдитесь скоро, что она дѣйствительно перемѣнилась! Стоитъ только взглянуть въ ея глаза, чтобы сразу убѣдиться въ этомъ. Ну, дорогой мой! Простите! Позвольте ей снова быть матерью?

Николай Михайловичъ (*послѣ долгаго колебанія*). Нѣтъ! Пусть на сегодня Ваня остается у васъ. Я пробуду весь день въ дѣтской у Володи. Вотъ все, что я могу позволить. А совсѣмъ? Совсѣмъ не отдамъ... не отдамъ никогда.

Вронскій. Николай Михайловичъ! Это безчеловѣчно! Да, наконецъ, она имѣетъ на него такія же законныя права, какъ и вы!

Николай Михайловичъ. Только съ жизнью моею могутъ отнять его у меня! Гдѣ они, эти законныя права! Я о немъ заботился! Въ долгія ночи, когда она наслаждалась балами и театромъ, или спокойно почивала въ своей постели, я каждую минуту подходилъ къ кроваткѣ сына, чтобы прислушаться къ его дыханію. Когда онъ заболѣлъ, я жизнью готовъ былъ пожертвовать за его жизнь и, призывая на помощь Бога, вновь научился молиться, какъ въ дѣтскіе годы. Я первый съ восторгомъ услышалъ его первое слово и это слово было «*папа*», а не имя матери. При взглядѣ на него, въ его присутствіи, я становлюсь чище и свѣтлѣе, чѣмъ всегда! Въ немъ— вся радость, все утѣшеніе моей жизни; а она, она могла

бросить его. И вы говорите о законныхъ правахъ! Нѣтъ, не отдамъ я его! Не отдамъ никогда. *(Уходитъ.)*

---

10) *На порогѣ кабинета появляется, едва держась на ногахъ,* **ВѢРА НИКОЛАЕВНА.**

Вронскій *(испуганно бросается къ ней).* Вамъ дурно?

Вѣра Николаевна. Нѣтъ... ничего... пройдетъ.

Глафира Николаевна. Ты слышала?

Вѣра Николаевна. Все слышала.

Вронскій (*сажая ее*). Ну, успокойтесь. Нужно не много переждать, и тогда все устроится.

Вѣра Николаевна. Да. Онъ правду сказалъ. Я не имѣю никакихъ правъ требовать сына. Я уѣду.

Глафира Николаевна. Вздоръ! Конечно первое время тебѣ придется переждать, пока Николай Михайловичъ освоится съ этой мыслью, а затѣмъ вы помиритесь и оба будете слѣдить за воспитаніемъ Вани.

Вѣра Николаевна. Нѣтъ, теперь это невозможно! Выростетъ Ваня, узнаетъ правду, какими глазами онъ будетъ смотрѣть на меня? Будетъ допытывать почему мама съ папой живутъ врозь? Что тогда отвѣтить ему? Сказать правду? Но краснѣть передъ своимъ собственнымъ ребенкомъ, видѣть въ его глазахъ презрѣніе къ себѣ— это было бы невыносимо, ужасно! Нѣтъ, все это навсегда потеряно для меня, и все сама, сама... *(Рыдаетъ.)*

Ваня. Она плачетъ.

Вѣра Николаевна. Жалѣй, жалѣй меня... дорогой мой мальчикъ! Послушайте, оставьте насъ съ нимъ вдвоемъ.

Вронскій *(тревожно).* Зачѣмъ?

Вѣра Николаевна. Не бойтесь, я ничего ему не сдѣлаю дурного. Можетъ быть, мнѣ удастся наединѣ добиться его ласки...

Всѣ (*уходятъ.*)

Ваня. Я къ папѣ хочу!

Вѣра Николаевна. Сейчасъ уйдешь, дорогой мой, мой

милый ребенокъ! Не бойся меня... Я пошутила... Я не мама твоя! Твоя мама умерла... умерла... умерла... Ну, теперь ты меня не боишься? *(Ребенокъ отрицательно качаетъ головой.)* Поцѣлуй меня. Поцѣлуй и помолись за твою... умершую маму (*Цѣлуетъ.*) Вотъ такъ! такъ! еще, еще. Въ послѣдній разъ... Теперь иди. (*Ваня идетъ.*) Постой. *(Бросается къ нему.)* Дай мнѣ благословить тебя. Храни тебя Господь отъ всякаго зла! Пошли тебѣ счастія! Будь умницей, Ваня. Слушайся папу и молись... молись за свою умершую маму. *(Горячо цѣлуетъ его. Рыдая.)* Теперь иди.

Ваня (*убѣгаетъ*).

Вѣра Николаевна (*достаетъ изъ сумки револьверъ*). Ну, теперь скорѣй къ концу! Глупая я! Глупая! Зачѣмъ я ѣхала сюда? На что я надѣялась? Но все равно. Тамъ или здѣсь, это должно было случиться! *(Обращаясь къ двери.)* Простите, мои милые! Простите. *(Стрѣляетъ въ сердце и падаетъ.)*

11) ВРОНСКІЙ и ГЛАФИРА *быстро врываются въ комнату.*

Глафира Николаевна *(бросаясь къ Вѣрѣ).* Вѣра! Что ты сдѣлала? Доктора!

Вронскій. Вѣра! Вѣра Николаевна.

Глафира Николаевна. Да скорѣе же доктора! Скорѣе!

Вронскій (*быстро закрывъ лицо, убѣгаетъ*).

---

12) СОНЯ.

Соня. Что здѣсь случилось?! (*Увидѣвъ все, съ крикомъ.*) Вѣра! Вѣрка! *(Бросается къ ней и плачетъ.)*

13) НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ *(быстро входитъ).*

Николай Михайловичъ (*увидѣвъ Вѣру, бросается къ ней*). Вѣра! Что съ тобой? *(Увидя револьверъ.)* Зачѣмъ? Зачѣмъ ты это сдѣлала? *(Рыдаетъ.)*

Вѣра *(слабо)*. Прости.

Николай Михайловичъ *(беретъ ея голову и поддерживаетъ на рукахъ)*. Голубка моя! Ты просишь у меня прощенья?! Я... я виноватъ передъ тобою. О, только живи, живи и я заглажу вину свою.

Вѣра Николаевна *(слабо)*. Поздно! *(Беретъ руку Николая Михайловича и цѣлуетъ ее.)* Благода...рю... Бере...гите... Ваню. Про...сти...те. *(Умираетъ.)*

Николай Михайловичъ *(въ ужасѣ)*. Вѣра... Милая... Что же ты! Что съ ней?!

Соня *(хватаетъ ее за руку и вскрикиваетъ)*. Вѣра! Вѣрочка! *(Рука падаетъ какъ плеть.)*

Николай Михайловичъ. Умерла! Я, я твой убійца! Прости! Прости меня! *(Рыдая, падаетъ ей на грудь.)*

Занавѣсъ.

РЕКВИЗИТЪ.

Дѣйствіе 1-е.

На сценѣ: пьянино. На столѣ модные журналы, книга, колокольчикъ.
За сценой: *горничной*—подносъ съ чашками кофе и пр.

Дѣйствіе 2-е.

На сценѣ: чайный приборъ.
Артистамъ: *Дашѣ* - простыню. *Нянькѣ*—кувшинъ молока. *Сонѣ*—простыня. *Марьѣ Петровнѣ*—флаконъ.

Дѣйствіе 3-е.

За сценой: музыка.

Дѣйствіе 4-е.

Артистамъ: *Вронскому* — письмо. *Вѣрѣ* — сумку., въ ней заряженный револьверъ.
За сценой: *нянѣ*—сковороду.

Взамѣнъ переписыванія ролей — можно пріобрѣтать въ конторѣ нашего журнала, по удешевленной цѣнѣ, отдѣльныя книжки „Театрала“. При покупкѣ одновременно не менѣе 10 экз. одного № дѣлается скидка 40%, т.-е. каждый экземпляръ продается по 30 коп. съ пересылкой.

Артистическое турне.

РАЗСКАЗЪ.

Крошечное товарищество мелкихъ актериковъ, подъ управленіемъ опытнаго и умнаго актера Никифора Ивановича Донникова, давало свои представленія въ городскомъ саду Пыльногорска. Садъ этотъ находился въ центрѣ города, имѣлъ свой ресторанъ, отдѣльные кабинеты, тиръ, кегельбанъ и досчатое зданіе для лѣтняго театра. По вечерамъ въ саду игралъ хоръ полковой музыки, пѣли цыгане, арфистки и публика охотно посѣщала его. Въ этомъ-то самомъ саду «подвизалось» и товарищество. Оно разыгрывало веселенькіе водевильчики, маленькія опереточки и небольшія комедійки, которыя проходили гладко, весело и, забавляя публику, предоставляли голодающей братіи кусокъ хлѣба. Это была очень дружная актерская семейка, въ средѣ которой Никифоръ Иванычъ, сѣдовласый старецъ, лѣтъ шестидесяти, изображалъ изъ себя нѣчто въ родѣ отца и покровителя. Онъ училъ молодежь уму-разуму, актрисокъ своихъ называлъ «дивчатами», актериковъ «парнишками», а тѣ величали его «папашкой».

Все это была начинающая молодежь, собранная Ни-

кифоромъ Ивановичемъ съ борковъ, да сосенокъ, но за то бойкая, веселая и полная розовыхъ надеждъ и радужныхъ мечтаній. Публика полюбила эту молодежь и съ удовольствіемъ ходила въ ихъ театръ. Конечно, нельзя сказать, чтобы театръ ломился отъ напора этой публики; чтобы у кассы образовывались хвосты жаждавшихъ получить билеты; чтобы надъ крошечнымъ окошечкомъ кассы вывѣшивались анонсы о неимѣніи билетовъ, но, тѣмъ не менѣе, сборы были на столько хороши, что окупали всѣ расходы и предоставляли товариществу порядочную прибыль. Публика аплодировала этой молодежи, вызывала ее, преподносила ей дешевенькіе букетики, продававшіеся въ томъ же саду, а послѣ спектакля кормила ее ужинами. Мѣстная пресса относилась къ товариществу съ отеческою снисходительностью и даже самъ театральный рецензентъ, этотъ безпощадный и угрюмый зоилъ, и тотъ опустилъ въ ножны свой мечъ и съ улыбкой посматривалъ на забаву «этихъ ребятишекъ». Словомъ, дѣла шли превосходно и не прошло двухъ, трехъ недѣль, какъ «дивчата» пошили себѣ хорошенькія платьица, обзавелись шляпочками, перчаточками, зонтиками и не поджимали уже ногъ, чтобы скрыть отъ людей изодранную обувь. Нѣтъ, теперь, въ ожиданіи репетиціи, онѣ смѣло разгуливали по саду, развязно садились на садовыя скамьи, чертили по песку хорошенькими зонтиками вензеля и, весело болтая между собой, кокетливо пошаливали миніатюрными и щегольски обутыми ножками. Глядя на «дивчатъ», прифрантились и «парнишки». Они накупили себѣ сорочекъ, понашили пиджаковъ, жилетовъ, размахивали тросточками и начали покуривать не особенно вонючія сигары. Случалось даже и такъ, что по окончаніи репетиціи, расходившіяся «парнишки» приглашали своихъ «дивчатъ» въ ресторанъ и тамъ, на чистыя деньги (Каково? На чистыя деньги!) угощали ихъ бутербродами, чаемъ и апельсинами, а сами тѣмъ временемъ, съ апломбомъ

денежныхъ людей, подходили къ буфету и, проглотивъ по рюмкѣ водки, подсаживались къ своимъ дамамъ и заказывали себѣ пива. Торжество это становилось тѣмъ болѣе понятнымъ и естественнымъ, что прошлой зимой та же самая молодежь, забравшись «пожинать лавры» куда-то на восточныя окраины Россіи, вмѣсто лавръ такого хватила горя, что чуть было не подохла съ голода. Она обносилась, оборвалась и выбралась оттуда благодаря только какой-то устроенной въ ихъ пользу подпискѣ.

Прибодрился и самъ Никифоръ Ивановичъ и возмечталъ было давать свои представленія не въ досчатомъ балаганѣ, гдѣ путемъ и ризмахнуться-то негдѣ, а въ городскомъ театрѣ, на большой сценѣ. Но когда завѣдующіе городскимъ управленіемъ, вооружившись счетами и помусливъ пальцы, принялись щелкать костяшками, высчитывая сколько именно товарищество должно уплачивать городу за «посуду», и когда они нащелкали за каждое представленіе, помимо расходовъ на освѣщеніе, полицію и афиши, съ чѣмъ то полтораста рублей, то даже самъ сѣдовласый Никифоръ Ивановичъ разинулъ ротъ, словно мальчишка, и давай Богъ ноги!

О городскомъ театрѣ нечего было и помышлять.

Приходилось довольствоваться садомъ.

Но за то расходилась прифрантившаяся молодежь! Правда, о городскомъ театрѣ она даже и не думала, такъ какъ Никифоръ Ивановичъ о своихъ планахъ ей не сообщалъ, но за то она мечтала о томъ, чтобы показать публикѣ свои таланты во всемъ блескѣ, для чего и порѣшила поставить «Грозу» Островскаго.

— Будетъ намъ водевилятничать-то!—хорохорилась молодежь.—Что мы мальчишки что ли? Мы эту самую «Грозу», какъ свои пять пальцевъ знаемъ, видѣли, какъ разыгрывали ее въ Харьковѣ, въ Казани. Знаемъ, какъ загримироваться, какъ одѣться... Положимъ, у насъ не хватитъ персонала, нѣтъ декорацій, но это

не бѣда! Пригласимъ любителей... Они съ великимъ удовольствіемъ!.. А что касается декорацій, въ «зайчьемъ клубѣ» выпросимъ. (Такъ перековеркали извощики «Изящный клубъ», въ которомъ собирается общество любителей изящныхъ искусствъ). Наконецъ, какія же въ «Грозѣ» особенныя декораціи? Лѣсъ у насъ есть, улицу возьмемъ изъ Боккачіо, громъ имѣется, а на молнію не ахти сколько потребуется! Остается церковная паперть съ картиной страшнаго суда, такъ мы ее изъ храма Калхаса передѣлаемъ. Вы намъ Дикого раздѣлаете, Зыбина Катерину, Лядова Варвару, Горинъ Кулигину, а Кудряша Сашка Пронскій... А остальныхъ изъ любителей наберемъ... А ужь сборъ-то, сборъ-то былъ бы какой! Право, «папашка», ахнемъ-ка!.. Разыграемъ, ей ей разыграемъ! Ну, рѣшай, папашка!»

И вся эта молодежь принялась восторженно обнимать и цѣловать своего «папашку».

А «папашка» сидѣлъ и какъ-то слащаво улыбался.

По правдѣ сказать, ему и самому давно хотѣлось вспомнить старинку и сыграть Дикова. Это была его любимая роль и, когда-то, за нее очень хвалили его. Онъ игралъ Дикова въ Москвѣ, въ Харьковѣ, Одессѣ, словомъ во всѣхъ городахъ, гдѣ онъ только бывалъ, и вездѣ имѣлъ большой успѣхъ. Онъ даже сохранилъ всѣ рецензіи, когда-то писавшіяся про него въ разныхъ газетахъ, по поводу исполненія имъ этой роли; сдѣлалъ изъ такихъ рецензій изящный альбомъ и альбомъ этотъ сохранялъ, какъ святыню. Перечитывая его, онъ переживалъ свое прошлое, припоминалъ свои прежнія силы, и при сознаніи, что ему никогда уже не придется больше играть эту роль... у него навертывались слезы.

— Хоть бы разикъ, только одинъ разикъ, шепталъ онъ,—а потомъ и умереть!

И вдругъ...

И онъ не устоялъ... Онъ предчувствовалъ, что они провалятъ пьесу, что ихъ осмѣютъ, обругаютъ... Что

ни газеты, ни публика не пощадятъ ихъ... да и къ чему тутъ пощада постороннихъ, когда не пощадитъ тебя и собственное твое сознаніе! Но актерская жилка вспыхнула, обратилась въ цѣлое пламя и затушить это пламя онъ уже не могъ, не хватило силъ!

И вотъ молодежь воспрянула и засуетилась!

Она обѣгала весь городъ, набрала себѣ необходимыхъ и болѣе опытныхъ любителей и любительницъ, выпросила въ «зайчемъ клубѣ» кое-какія приставныя декораціи и, съ юношескимъ пыломъ, принялась за сшепетовку пьесы.

Спектакли шли своимъ чередомъ и попрежнему приносили товариществу обычную прибыль. Но въ головѣ у каждаго была уже не прибыль (чортъ съ ней совсѣмъ, съ этой прибылью!), а «Гроза», только «Гроза» и больше ничего! Они репетировали ее каждый Божій день. «Папашка» даже съ ногъ сбился. Онъ ни спалъ, ни пилъ, ни ѣлъ, насилу ходилъ и даже похудѣлъ и измѣнился въ лицѣ. Онъ выбился изъ силъ, «настрачивая» «парнишекъ», «дивчатъ» и «любителей». Онъ указывалъ имъ выходы, уходы, отмѣчалъ на полу мѣломъ тѣ мѣста, на которыхъ они должны были стоять, сидѣть, говорить,—начитывалъ каждому изъ нихъ маломальски серьезные монологи,—изображалъ на собственномъ своемъ лицѣ ту мимику, которая должна была сопровождать эти монологи... Говорилъ,—то меланхолическипѣвучимъ голосомъ Катерины, то бойкимъ и разухабистымъ говоромъ Варвары, то задыхающимся отъ злобы ворчаньемъ Кабанихи... То изображалъ изъ себя Кудряша съ гармоніей, то плаксиваго Бориса, то Кулибина... а когда дѣло доходило до «генеральши съ двумя лакеями», то надѣвалъ на голову какой-то колпакъ съ лампы, долженствовавшій замѣнять старомодную шляпку, вооружался клюкой и, постукивая этой клюкой по полу, изрыгалъ Катеринѣ съ Варварой такія угрозы, что тѣ не на шутку приходили въ ужасъ. А когда его «молокососы» плохо усваивали себѣ его науку,

онъ принимался орать, топать ногами, рвать на себѣ волосы и даже грозилъ кулаками!

— Вотъ какъ я вздую тебя, тогда ты и поймешь, скотина!

Но «вздуть» ему никого не пришлось, такъ какъ всѣ «скоты» лѣзли вонъ изъ кожи, чтобы выполнить въ точности всѣ его указанія.

«Папашка» выполнялъ у нихъ всѣ должности. Онъ былъ и режиссеромъ, и суфлеромъ, и реквизиторомъ, и портнымъ, и парикмахеромъ, и даже декораторомъ. Да, декораторомъ, потому что когда репетиціи кончались и когда актеры весело и шумно уходили изъ театра и разсыпались по домамъ, онъ вытаскивалъ на свѣтъ Божій храмъ Калхаса, вооружался кистями, красками и собственноручно принимался за воспроизведеніе ада. Адъ выходилъ у него на славу!.. Огненные языки отлично вылизывали колонаду храма и, испуская изъ себя цѣлыя тучи дыма и копоти, на которыя онъ не жалѣлъ сажи, отлично подкаливали тѣхъ грѣшниковъ и грѣшницъ, которыхъ ввергла въ геенну неумолимая кисть Никифора Ивановича. Пламя разжигалось снизу нѣсколькими чертями, вооруженными трезубцами и кочергами. Это были, такъ сказать, кочегары, а другіе, исполнявшіе обязанности истопниковъ, подбрасывали въ огонь дрова и подливали изъ котловъ смолу. Картина вышла потрясающая и когда ее нечаянно увидала актриса Зыбина, изображавшая Катерину, то такъ неистово вскрикнула, что у перепугавшагося «Папашки» даже кисти выпали изъ рукъ. Но онъ тотчасъ же опомнился и бросился обнимать Зыбину.

— Мамочка! кричалъ онъ восторженно, цѣлуя ее. Вотъ кабы ты во время представленія-то этакъ ахнула. Озолотилъ бы!

Не ладился только громъ. А не ладился потому, что какъ только принимались потрясать имъ, такъ одновременно съ грохотаніемъ и раскатами грома начиналъ раздаваться какой-то пронзительный свистъ. «Папашка»

никакъ не могъ понять, откуда бы могъ происходить этотъ проклятый свистъ! Нѣсколько разъ принимались за громъ и каждый разъ тотъ же свистъ. Никифоръ Ивановичъ даже оробѣлъ.

— Ужъ не настоящіе ли черти завелись? думалъ онъ. Только свяжись съ ними... мигомъ разведутся!

И онъ, каждый разъ, проходя мимо грома, невольно отворачивался, боясь увидать притаившагося подъ нимъ черта. Черти эти не давали ему покоя. Они даже тревожили его по ночамъ и пробуждали его отъ сна. Однажды ему приснилось, что, проходя мимо забора купца Синебрюхова, мимо котораго ему приходилось ходить ежедневно, онъ вдругъ увидалъ у себя на плечѣ чертенка. Онъ смахнулъ его съ себя рукой, а чертенокъ «прыгъ!» на заборъ да и усѣлся тамъ, свѣсивъ хвостъ. Никифоръ Ивановичъ бросился, да за хвостъ чертенка-то и ухватилъ. Онъ хотѣлъ стащить его на землю и растоптать ногами, но вышло совсѣмъ по иному. Чертенокъ бросился на «утекъ», а по мѣрѣ его удаленія удлинялся и хвостъ, конецъ котораго все еще оставался въ рукѣ Никифора Ивановича.

— Держи его!—крикнулъ онъ.

Но проснулся и насилу могъ придти въ себя отъ испуга.

— И дернула же меня нелегкая, прости Господи, съ этой чертовщиной связываться! — размышлялъ онъ и даже съ негодованіемъ плюнулъ.

Однако свистъ скоро разъяснился. Оказалось, что въ желѣзѣ былъ какой-то свищъ, который и производилъ всю эту кутерьму, а когда дыру замазали, — замолкъ и свистъ.

Разъ какъ-то во время репетиціи «Грозы» зашелъ въ театръ редакторъ мѣстной газеты. Вошелъ онъ неожиданно, никѣмъ не замѣченнымъ, забился куда-то въ темный уголъ и просидѣлъ такимъ образомъ пятый актъ. А когда репетиція кончилась и актеры разошлись, онъ поймалъ въ корридорѣ Никифора Ивановича.

— А знаете ли, проговорилъ онъ, поматывая золотымъ пенсэ. Вѣдь «Гроза-то» у васъ недурно идетъ.

— Голубушка, Петръ Осипычъ! вскрикнулъ Никифоръ Иванычъ, восторженно всплеснувъ руками.—Да вы не шутите?

Редакторъ даже расхохотался.

— Или можетъ, только, меня потѣшить захотѣли, мамочка?

— Нѣтъ, серьезно...

— Красавица! Да вы меня съ ума сведете.

— Къ началу я не попалъ, — продолжалъ редакторъ,—но, судя по тому, что я видѣлъ, откровенно скажу, очень, очень не дурно. Любопытно, любопытно будетъ всю пьесу просмотрѣть. Что жъ, я отъ души радъ, отъ души... Посмотримъ... У васъ когда она пойдетъ?

Никифоръ Ивановичъ сказалъ.

— Гмъ, да!.. Любопытно, посмотримъ... А тогда и статейку напишемъ... Что жъ, ничего!.. Поощрять молодыхъ людей необходимо. Это придаетъ имъ энергіи... Установившимся талантамъ—безразлично!... Ихъ хоть ругай, хоть хвали... Ну, а молодежь... Да, да, любопытно!

А на другой день въ газетѣ была помѣщена замѣтка:

«Вчера мы случайно попали въ театръ, гдѣ шла репетиція драмы Островскаго «Гроза». Откровенно сказать, мы входили въ театръ съ увѣренностью встрѣтить что-нибудь очень комичное, но, къ великому нашему удовольствію, на этотъ разъ мы ошиблись. Драма срепетована весьма старательно, идетъ съ большимъ ансамблемъ, артисты, какъ видно, вдумались и поняли свои роли и вообще усвоили характеръ пьесы. Нельзя, не отнестись сочувственно къ попыткѣ нашихъ юныхъ артистовъ попробовать свои силы на столь серьезной пьесѣ. «Гроза» пойдетъ на дняхъ, и спектакль обѣщаетъ быть вполнѣ интереснымъ. Отъ души желаемъ успѣха»!

Замѣтка надѣлала на сценѣ переполохъ ужасный. Юные таланты пришли, какъ говорится, въ телячій восторгъ и подняли такой жизнерадостный шумъ и гамъ, что «Папашкѣ» съ большимъ трудомъ удалось водворить на сценѣ тишину и порядокъ. Но это было только на сценѣ, по окончаніи же репетиціи всѣ потащили «Папашку» въ отдѣльный кабинетъ и «закатили» ему такой завтракъ, который, пожалуй, и не совсѣмъ-то соотвѣтствовалъ ихъ кошелькамъ. За завтракомъ говорились восторженныя рѣчи, провозглашались тосты и очень много трактовалось на тему о театральномъ искусствѣ, объ обязанностяхъ артиста, о театральной техникѣ и много такого, о чемъ даже не стоило и толковать! Все это кончилось тѣмъ, что принялись качать «Папашку» и закачали его до того, что тотъ какъ сумасшедшій выскочилъ вонъ изъ кабинета.

Молодежь ликовала...

Но, вдругъ... Вдругъ грянулъ громъ и убилъ наповалъ и эти ликованія, и всѣ тѣ мечты и надежды, которыми зажила было вся эта чуть оперившаяся молодежь.

Пришла телеграмма, что на дняхъ прибудетъ въ Пыльногорскъ сосьете театральныхъ знаменитостей, совершающихъ по Волгѣ свое артистическое турне, а во главѣ этого сосьете она, она, знаменитая Страхова. Какъ нарочно, прибытіе этого сосьете совпадало съ днемъ представленія «Грозы». Молодежь пріуныла, а самъ «Папашка» заболѣлъ и слегъ въ постель.—«Она, она», бормоталъ онъ, словно въ бреду, «она, эта покровительница нашей нищенствующей братіи... Она столь ревностно устраивающая въ пользу нашу подписки, лотереи... Она, заботящаяся о нашемъ существованіи... Она, членъ общества нуждающихся сценическихъ дѣятелей, этихъ бездомныхъ и странствующихъ труженниковъ... И вдругъ, она, она...»

И, вмѣсто чертей, такъ недавно грезившихся ему по ночамъ, ему начала грезится она... И онъ метался на своей постели, и не находилъ себѣ покойнаго мѣста.

Къ нему прибѣжали «дивчата», «парнишки», любители, и принялись ухаживать за нимъ, какъ дѣти за роднымъ отцомъ. Они ободряли его (извѣстно, что молодежь легче свыкается и съ горемъ, и съ радостью,) увѣряли, что ни «турнэ», ни «сосьете», ни всякіе иные «соте» и «фрикасе» нисколько имъ не помѣшаютъ, что публика любитъ ихъ, не покинетъ ихъ... что ихъ поддержитъ печать... что за нихъ замолвитъ слово самъ Петръ Осипычъ, но «Папашка» лежалъ и только стоналъ! Кудряшъ бросился за докторомъ, Кабаниха принялась прикладывать компрессы, Варвара дѣлать лимонадъ, а Катерина то и дѣло оправляла ему изголовье. Пріѣхалъ докторъ. Онъ осмотрѣлъ больного, пощупалъ пульсъ, прописалъ какую-то микстуру и, объявивъ, что все это вздоръ, пустяки, что никакой опасности не предвидится, взялъ цѣлковый, который небрежно сунулъ въ карманъ, и уѣхалъ. Молодежь вздохнула свободнѣе, понурыя лица озарились улыбкой, и всѣ они, чуть не въ припляску, удалились изъ комнаты, оставивъ ухаживать за больнымъ «генеральшу», которая кстати была фельдшерицей.

Ночь провелъ больной спокойно, а, проснувшись, чувствовалъ себя такъ хорошо, что даже отправился на репетицію. Молодежь встрѣтила его громомъ рукоплесканій и восторженными криками ура. Но это былъ уже не тотъ «Папашка», какимъ былъ вчера. Правда, физически онъ былъ совершенно здоровъ, но нравственно заболѣлъ не на шутку. Онъ уже не топалъ ногами, не кричалъ, не грозилъ кулаками, даже не надѣвалъ на голову колпака отъ лампы, а какъ то больше молчалъ, о чемъ то задумывался и словно весь ушелъ въ самого себя. Но легкомысленная молодежь ничего этого не замѣчала и, позабывъ и думать объ «артистическомъ турне», снова зажила надеждами и мечтаніями.

Такъ прошло нѣсколько дней и вотъ, наконецъ, наступилъ канунъ представленія «Грозы». Канунъ этотъ спять свалилъ «Папашку» въ постель. Молодежь опять

бросилась къ нему, опять пригласили доктора, докторъ опять объявилъ, что все вздоръ и пустяки, и опять, взявъ цѣлковый, уѣхалъ. Молодежь опять встрепенулась и опять весело разошлась, оставивъ при больномъ ту же «генеральшу».

Ночь провелъ больной опять таки отлично, только, на этотъ разъ ему почему то все снились горѣвшіе пароходы. Онъ даже видѣлъ во снѣ пожаръ «Альфонса», случившійся въ прошлымъ году, и о которомъ много читалъ въ газетахъ. Но что страннѣе всего, что на пожаръ этотъ онъ смотрѣлъ въ костюмѣ Дикова и съ того именно обрыва, на которомъ Кулигинъ предлагалъ ему устроить солнечные часы. Именно съ этого-то мѣста онъ и наблюдалъ за страшною катастрофой. Онъ видѣлъ бросавшихся въ воду пассажировъ, слышалъ раздирающіе душу вопли и стоны и даже замѣтилъ въ числѣ погибавшихъ ее, ее, Страхову, совершающую свое артистическое турне. Но онъ хоть бы глазомъ моргнулъ! Онъ только смотрѣлъ и ругался на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Помилосердуйте, ваше степенство, говорилъ ему стоявшій рядомъ Кулигинъ. Побойтесь Бога... Тутъ люди гибнутъ, а вы сквернословить изволите! Въ набатъ бы приказали ударить, людей созвать...

— Еще что?—кричитъ онъ.

— Веревокъ бы принести побольше, ваше степенство...

— Ну, а еще чего?

— Багровъ желѣзныхъ...

— Ну, какъ же ты не разбойникъ? — напускается онъ на Кулигина.—Вѣдь все это намъ въ наказаніе посылается, чтобы мы чувствовали, а ты веревками, да баграми... Что ты татаринъ что ли, прости Господи. Татаринъ? а? говори!

— Савелъ Прокофичъ, ваше степенство,—заговорилъ Кулигинъ.—Державинъ сказалъ:

Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю.
Умомъ громамъ повелѣваю.

— А вотъ за эти слова тебя къ городничему отправить,—закричалъ онъ и хотѣлъ было плюнуть, но проснулся и стремительно вскочилъ съ постели.

— Господи, что это со мной?—испуганно бормоталъ онъ. — Въ умѣ ли?.. Ужъ не спятилъ ли? Господи, прости мнѣ мои великія прегрѣшенія.

Но, увидавъ уснувшую въ креслѣ «генеральшу», а въ окнѣ сѣроватенькій проблескъ зари, онъ опомнился и пришелъ въ себя. Онъ перекрестился и, успокоившись, что все видѣнное имъ былъ лишь сонъ, хотѣлъ было прилечь, но, что-то вспомнивъ, раздумалъ. Онъ наскоро обулся, одѣлся, накинулъ на себя пальто, нахлобучилъ шляпу и чуть не бѣгомъ изчезъ изъ комнаты.

Немного погодя онъ былъ уже на пароходной конторкѣ. Утро было превосходное, ясное, тихое и чувствовалось мягкое и теплое дыханіе весны. . Вдыхая въ себя это дыханіе, Никифоръ Ивановичъ ожилъ и помолодѣлъ. Онъ даже ощущалъ какъ вливались въ него струи бодрости и свѣжести. Это его очень радовало, такъ какъ именно сегодня назначено было первое представленіе «Грозы». Передъ нимъ широко разливалась Волга... Она не успѣла еще войти въ берега и казалась теперь цѣлымъ моремъ... Громадное солнце только-что всходило. Оно золотило и воду, и землю, и воздухъ... Мимо конторки шныряли лодки, ползли бѣляны, тянулись на буксирѣ баржи. . выгружали на берегъ дрова, бочки, тюки, ящики... И повсюду, и на берегу, и на баржахъ, и на конторкѣ происходила суетня, давка и бѣготня. Какой-то носильщикъ, тащившій на спинѣ тюкъ, такъ-то толкнулъ этимъ тюкомъ Никифора Ивановича, что тотъ чуть-было не полетѣлъ за бортъ конторки, но онъ словно и не замѣтилъ этого толчка. Онъ даже и вниманія не обратилъ на носильщика, точно такъ же, какъ не обращалъ вниманія и на все остальное. Онъ стоялъ и весь былъ погруженъ въ созерцаніе той дали, откуда должно было прибыть

сосьете, совершающая свое артистическое турне. Такъ простоялъ онъ съ полчаса.

Но вотъ, вдали, на водномъ горизонтѣ, показалась чуть замѣтная струйка дыма. Струйка эта то столбомъ поднималась кверху, то пригибалась книзу и разстилалась пеленой по зеркалу воды. Никифоръ Иванычъ вздрогнулъ и еще пристальнѣе началъ всматриваться въ эту даль. Онъ никакъ не могъ разобрать откуда выходила эта струйка? Ужъ не курился ли гдѣ костеръ разложенный рыбаками? Предположеніе это оказалось тѣмъ болѣе правдоподобнымъ, что нигдѣ не видно было парохода.

Но онъ не довѣрялъ своимъ глазамъ. Онъ сбѣгалъ въ контору, помѣщавшуюся тутъ же и выпросилъ у знакомаго конторщика бинокль. Минуту спустя онъ снова стоялъ на прежнемъ мѣстѣ и, вооружившись биноклемъ, снова впился глазами въ ту сторону, гдѣ виднѣлся подозрительный дымокъ. Только одинъ Колумбъ развѣ могъ всматриваться съ такимъ болѣзненно-напряженнымъ вниманіемъ въ смутно показывавшіяся очертанія материка, съ какимъ всматривался теперь въ водный горизонтъ Никифоръ Ивановичъ. Но дыма теперь не было, точно такъ же, какъ не было и парохода. Гладкая поверхность рѣки горѣла какъ серебро и ничто не опятняло ее своимъ присутствіемъ.

— Чего это вы такъ разсматриваете? — спросилъ его подошедшій конторщикъ. Артистовъ что ли?

Никифоръ Иванычъ даже вздрогнулъ.

— Да... пробормоталъ онъ. Но... не видать что-то.

— А должны скоро быть.

— Почему вы знаете?

— Телеграмма была.

— Была развѣ?

— Да, полицмейстеру. Страхова телеграфировала, просила карету ей нанять. А вонъ и карета,—прибавилъ онъ, показывая на подъѣхавшій къ конторкѣ экипажъ. Ужъ я и билеты взялъ на всѣ представленія... Разбираютъ здорово, такъ и рвутъ!...

И конторщикъ ушелъ.

А Никифоръ Иванычъ подышалъ суетливо на стекла бинокля, еще разъ онъ увидалъ не струйку, а цѣлый столбъ дыма, чернаго какъ сажа и цѣлыми комками вылетавшаго, словно изъ спины какого-то громаднаго чудища, медленно плывшаго по водной поверхности. Этого дыма было такъ много и онъ вылеталъ съ такою яростью и гнѣвомъ и такъ затемнялъ собою прозрачный доселѣ воздухъ, что Никифоръ Ивановичъ пришелъ въ ужасъ и чуть было не крикнулъ: — пожаръ! пожаръ! — но какъ-то замеръ, почувствовавъ, что кто-то дотронулся до его плеча. Онъ оглянулся... Передъ нимъ стоялъ полицеймейстеръ.

— Поджидаете? — спросилъ онъ Никифора Ивановича.

Тотъ растерялся и не зналъ, что отвѣчать.

— Вонъ ѣдутъ! — продолжалъ полицеймейстеръ, указывая движеніемъ головы на мчавшійся пароходъ. Все вѣдь родные вамъ, Никифоръ Ивановичъ, добавилъ онъ, — по искусству-то...

— Да-съ, одна семья...

Но полицеймейстеръ уже не слушалъ его и, подозвавъ къ себѣ пальцемъ городового, спросилъ:

— А гдѣ же остальныя-то кареты? Я приказывалъ, что бы пять было.

— Такъ точно, вашскаблагородіе, отвѣтилъ городовой, вытянувшись въ струнку и приложивъ ко лбу руку.

— А тутъ одна только.

— А вонъ, васшкаблагородіе, съ горы спущаются остальныя то.

— А... ну, ладно, ступай.

Городовой сдѣлалъ налѣво кругомъ и отошелъ.

Отошелъ и Никифоръ Ивановичъ къ сторонкѣ, а затѣмъ сѣлъ на лавочку и молча опустилъ голову.

Пароходъ летѣлъ на всѣхъ парахъ, и быстро приближался къ конторкѣ.

На слѣдующій день въ мѣстной газетѣ было напечатано слѣдующее сообщеніе:

«Вчера, въ городскомъ театрѣ, состоялось первое представленіе сосьете артистовъ, совершающихъ свое артистическое турне по Волгѣ. Шла пьеса «Собака садовника». Публика восторженно принимала артистовъ, а г-жѣ Страховой былъ поднесенъ весьма цѣнный подарокъ. Театръ былъ переполненъ. Что же касается до спектакля въ городскомъ саду, гдѣ была объявлена драма Островскаго «Гроза», то таковой за неприбытіемъ публики не состоялся.

И. Саловъ.

М. Н. Ермоловой *).

О жрица чудная прекраснаго искусства,
Привѣтъ твоихъ поклонниковъ прими!
Въ немъ говоритъ лишь истинное чувство
Одной любви, восторженной любви.
На много лѣтъ во храмъ, намъ священномъ,
Какъ солнце, ты, прекрасная, сіяй,
И творчествомъ высокимъ, вдохновеннымъ,
Къ добру, къ любви и къ свѣту призывай!
Дай Богъ тебѣ твой трудъ нести съ терпѣньемъ,
Въ борьбѣ со зломъ дай Богъ тебѣ побѣдъ,
Дай Богъ тебѣ быть чуднымъ украшеньемъ
Театра русскаго на много, много лѣтъ!

М. Лавровъ.

---

*) Это стихотвореніе прочитано М. И. Лавровымъ на обѣдѣ, данномъ артистами въ честь М. Н. Ермоловой по поводу ея 25 лѣтняго служенія въ Императорскихъ московскихъ театрахъ.

Современное обозрѣніе.

Москва.

Малый театръ.

Чествованіе памяти И. А. Крылова. — Возобновленіе ком. Островскаго „Невольницы“. — „Стряпчій подъ столомъ“.

Басня есть поэзія разсудка.
В. Бѣлинскій.

9-го ноября 1894 года минуло 50 лѣтъ со дня смерти И. А. Крылова. Въ силу извѣстныхъ условій, московскіе Императорскіе театры чествовали этотъ день только 2-го февраля 1895 г. Была поставлена трехъ-

актная комедія Крылова «Модная лавка», «Басни Крылова»—сцена въ одномъ дѣйствіи неизвѣстнаго автора и апоѳеозъ, во время котораго г-жи Ѳедотова и Ермолова и г. Правдинъ подъ звуки рубинштейновской музыки читали басни.

Драматическія произведенія никогда не были жанромъ И. А. Крылова. Его оперы «Кофейница», «Бѣшеная семья» и «Илья Богатырь», трагедіи: «Клеопатра» и «Филомена», комедіи: «Проказники», «Сочинитель въ прихожей» и «Урокъ дочкамъ» — признаны и современниками и послѣдующими историками литературы произведеніями неудачными. Это произведенія болѣе карикатурныя, чѣмъ правдоподобныя. Лучшимъ изъ драматическихъ произведеній знаменитаго баснописца слѣдуетъ считать «Модную лавку», которая и была поставлена на сценѣ Большого театра.

Предъявлять къ комедіи Крылова требованія нашей драматической критики — немыслимо. Крыловъ никогда не былъ драматургомъ, а тѣмъ болѣе драматургомъ самостоятельнымъ, ищущимъ новыхъ путей въ этомъ родѣ искусства. «Модная лавка» была написана почти сто лѣтъ тому назадъ и естественно, что Иванъ Андреевичъ заплатилъ свою дань требованіямъ псевдо-классики. Здѣсь мѣ имѣемъ дѣло и съ триединствомъ, и съ наперсницами и съ deus ex machina, словомъ со всѣми аксесуарами, псевдо-классической драмы. И все-таки, несмотря на эти, въ настоящее время странныя свойства комедіи, несмотря на то предубѣжденіе, съ которымъ зритель смотритъ *комедіи* Крылова, нельзя не согласиться, что на этой комедіи лежитъ печать генія. Она еще теперь смотрится съ большимъ интересомъ, еще теперь вызываетъ дружный, здоровый смѣхъ публики, смѣхъ не водевильный, а «высокой комедіи»—какъ сказали бы полвѣка назадъ.

Въ комедіи есть, конечно, и тенденція: выставить въ смѣшномъ видѣ слѣпое поклоненіе французамъ въ ущербъ національнымъ русскимъ чувствамъ. Бога-

тые помѣщики Сумбуровы (г. Правдинъ и г-жа Никулина) пріѣзжаютъ въ столицу дѣлать приданое для дочери Сумбурова отъ перваго брака Лизы (г-жа Музиль 2), которую мачиха хочетъ выдать замужъ за своего протеже, побывавшаго за границей, то-есть образованнаго. Въ Лизу влюбленъ молодой офицеръ Лестовъ (г. Рыжовъ), который, естественно не желаетъ допустить этого брака. Ему помогаетъ умная и хитрая Маша (г-жа Щепкина 2), завѣдующая «Модной лавкой» г-жи Каррэ (г-жа Васильева). Необходимо дискредитировать жениха Лизы въ глазахъ отца-Сумбурова. Для этого является французъ Трише (г. Лазаревъ) и показываетъ Сумбурову вексель отъ будущаго зятя на сто тысячъ. Сумбуровъ негодуетъ, почти согласенъ выдать дочь за Лестова, но застаетъ послѣдняго на колѣняхъ передъ своей дочерью и объявляетъ, что никогда не согласится на этотъ бракъ.

Маша съ Лестовымъ придумываютъ хитрость. Они посылаютъ сказать Сумбуровой, что въ магазинѣ имѣется контрабандный товаръ, который можно купить по очень сходнымъ цѣнамъ. Сумбурова пріѣзжаетъ, но вслѣдъ за ней является мужъ, запретившій ей входъ въ эту модную, лавку, и Сумбурову прячутъ въ шкафъ.

По доносу Трише о контрабандѣ въ лавку является полиція дѣлать обыскъ, Сумбуровъ узнаетъ, что въ шкафу его жена и согласенъ отдать Лизу Лестову, если тотъ спасетъ его отъ позора. Доносчикъ Трише, оказавшійся бывшимъ камердинеромъ Лестова, заявляетъ, что доносъ его ложенъ, и все кончается къ общему благополучію. Лиза выходитъ за Лестова, Сумбуровы уѣзжаютъ въ деревню, а Маша получаетъ вольную и 3 тысячи на приданое.

Съ точки зрѣнія драматической критики, комедія построена ужасно. Сцены нанизаны одна на другую, въ нихъ нѣтъ никакой послѣдовательности, все творится по щучьему велѣнію, между тѣмъ мы съ удовольствіемъ просмотрѣли всю комедію, не смотря на то, что она

шла 2 1/2 часа. Намъ думается, что это слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что «Модная лавка» и по содержанію, и по изложенію, и по языку прежде всего русское произведеніе съ яркимъ національнымъ колоритомъ. А затѣмъ уже и массой остроумія и въ самомъ дѣлѣ веселыхъ сценъ, какими изобилуетъ эта комедія Крылова.

Вслѣдъ за комедіей Крылова были поставлены сцены «Басни Крылова». Сцена представляетъ: Лѣтній садъ, любимое мѣсто И. А. и всѣ исполнители говорятъ языкомъ его басенъ. Языкъ между басенъ очень живой и веселый. Намъ думается, что «сцены» много бы выиграли отъ того, если бы исполнители говорили *своимъ* языкомъ, пересыпая его цитатами изъ Крылова. Тогда авторъ доказалъ бы, что стихи великаго баснописца вошли въ плоть и кровь народа, стали его достояніемъ. Нельзя же забывать, что басня очень часто прямо высказываетъ свою мысль, не прибѣгая ни къ холодному резонерству, ни къ ходульной морали, а веселыми, простыми стихами. Такіе стихи становятся достояніемъ общества и было бы очень интересно убѣдиться въ этомъ со сцены.

Въ заключеніе г. Правдинъ прочелъ басню «Парнасъ», г-жа Ермолова—«Оселъ и Соловей» и г-жа Ѳедотова—«Квартетъ». Нечего и говорить, что басни были прочитаны мастерски. Мы только положительно отказываемся понять, зачѣмъ исполнителямъ понадобился аккомпаниментъ музыки? Когда г жа Ермолова читала басню «Оселъ и Соловей», музыка, правда, отвѣчала содержанію басни. Но вотъ г-жа Ѳедотова говоритъ изъ «Квартета»: «Ударили въ смычки—дерутъ, а толку нѣтъ», а оркестръ беретъ очень стройный и красивый аккордъ. Гдѣ здѣсь реальность? Мы уже не говоримъ, что басни Крылова представляютъ настоящія драматическія представленія и что незачѣмъ ихъ превращать въ мелодраму. Но ужъ если это необходимо (?!) такъ музыка должна же отвѣчать тексту.

На бюстъ И. А. Крылова подъ звуки «Слава» были

Е. К. Лешковская

въ роли Любочки («Перекати-поле», ком. П. П. Гнѣдича).

Фототипія К. А. Фишеръ въ Москвѣ.

возложены вѣнки отъ драматической и оперной труппъ Императорскихъ Московскихъ театровъ. Кромѣ г-жъ Ѳедотовой, Ермоловой, Медвѣдевой, Уманецъ-Райской, Яблочкиной 2-й, г. Ильинскаго и исполнителей комедій, мы не видали на сценѣ ни одного изъ премьеровъ нашей сцены. Неужели они не сочли нужнымъ?..

В. Маровъ.

Бенефисъ Н. И. Музиля 3 февраля совпалъ съ тридцатилѣтнимъ юбилеемъ его артистической дѣятельности. Москва привыкла давно уважать и любить талантливаго и симпатичнаго артиста и человѣка, Н. И. Музиля въ его бенефисъ достойно чествовали и товарищи артисты, и публика. Н. И. остался вѣренъ доброй традиціи и возобновилъ въ свой бенефисъ ком. Островскаго «Невольницы», давно уже не шедшую въ Москвѣ. Комедія эта, хотя и не принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ незабвеннаго драматурга, тѣмъ не менѣе и теперь смотрится съ интересомъ, особенно въ такомъ блестящемъ исполненіи, въ которомъ она идетъ на сценѣ Малаго театра. Роли Евлаліи, Марѳы, Мирона и Мулина виртуозно исполняются г-ми Ермоловой и Садовской и гг. Музилемъ и Южинымъ. Изъ второстепенныхъ и довольно блѣдно очерченныхъ у автора остальныхъ лицъ комедіи Софьи Сергѣевны, Коблова и Стырова г-жа Никулина и гг. Макшеевъ и Рыбаковъ сдѣлали все, что только возможно, дополняя своимъ исполненіемъ тотъ «концертный» ансамбль, съ которымъ идетъ пьеса. Въ заключеніе спектакля шла ком. Пальерона «Общество поощренія скуки», и къ сожалѣнію не въ переводѣ, а въ передѣлкѣ г. Крылова, отъ которой пьеса только проиграла. Въ этой комедіи принимали участіе и двѣ дочери юбиляра, объ исполненіи которыми ихъ ролей въ этой комедіи мы въ свое время говорили въ «Артистѣ».

На сценѣ Малаго театра возобновили старинный водевиль въ 2 д. «*Стрянчій подъ столомъ*». Возо-

бновленіе этого водевиля мало понятно. Зачѣмъ дирекціи вытаскивать изъ архивной пыли старые водевили, которые уже сослужили свою службу нашимъ дѣдушкамъ и бабушкамъ и вмѣстѣ съ ними сошли со сцены. И сюжетъ и куплеты, которые составляютъ главный интересъ водевиля, слишкомъ наивны и избиты, чтобы могли заинтересовать современную публику. Къ тому же для такихъ вещей на нашей образцовой сценѣ нѣтъ и вполнѣ подходящихъ исполнителей. Тотъ большой успѣхъ, который въ свое время имѣлъ этотъ водевиль — и тогда создавалъ ему покойный В. И. Живокини, этотъ самородокъ — гигантъ въ области комическаго жанра. Теперь эту роль исполняетъ г. Ѳедотовъ. Артистъ обладаетъ своими достоинствами, но для исполненія такой роли у него не хватаетъ темперамента, внутренняго комизма, безъ котораго слишкомъ рискованно браться за такія роли, рискуя нагнать на публику скуку.

Никитскій театръ.

Бенефисъ г-жи Лола. «Знаменіе времени». «Женская чепуха».

Въ свой бенефисъ г-жа Лола поставила драму Л. К. Блуменкранцъ «*Знаменіе времени*», напечатанную въ этой книжкѣ нашего журнала, что избавляетъ насъ отъ обязанности разсказывать сюжетъ пьесы. Въ публикѣ пьеса имѣла успѣхъ средній, изъ исполнителей надо указать на г-жу Тугаринову, очень тепло, искренно и просто исполнившую роль Глафиры Николаевны, и г-жу Лола, бойко и весело передавшую небольшую роль Сони.

Въ заключеніе спектакля шелъ въ 1-й разъ въ Москвѣ одинъ изъ лучшихъ водевилей, написанныхъ за послѣднее время — «Женская чепуха» И. Л. Щеглова. Исполненіемъ роли Людмилы — г-жа Лола еще разъ доказала, какая она умная, талантливая и опытная

артистка. Въ ея исполненіи выдѣлялись всѣ мельчайшіе блестки остроумія, такъ щедро разсыпанныя авторомъ по всей роли. Образъ Людмилы написанъ авторомъ ярко, смѣло, сильно, и г-жа Лола сумѣла вполнѣ олицетворить замыселъ автора. Водевиль имѣлъ большой успѣхъ, несмотря на то, что, благодаря г. Чарскому, очень вяло исполнявшему роль мужа, водевиль шелъ далеко не съ тѣмъ оживленіемъ и не въ томъ быстромъ темпѣ, которыхъ онъ требуетъ.

Х.

Театръ г. Корша.

Бенефисъ г-жи Яворской. Графиня ди Шалланъ (La signora di Challant), др. въ 5 д. и 6 картинахъ Джузеппе Джакозо, пер. съ итальянскаго Н. Н. Вильде.

Очевидный успѣхъ, какой имѣла на сценѣ театра г. Корша комедія «Романтики», вѣроятно побудилъ г-жу Яворскую выкопать изъ архивной пыли тоже въ своемъ родѣ «романтическую пьесу» и она остановилась на «Графинѣ ди-Шалланъ». Еще одно доказательство, что не всякое повтореніе бываетъ удачно. Если «Романтики» оставляютъ въ васъ въ самомъ дѣлѣ пріятное, нѣжное чувство, то драма Джакозо обдаетъ васъ такими мелодраматическими ужасами, отъ которыхъ нужно или бѣжать, или смѣяться. Человѣческія страсти и страданія, бьющія на плоскіе эффекты—вотъ profession de foi авторовъ подобныхъ мелодрамъ.

Біанка ди Шалланъ (г-жа Яворская) красавица; она увлекаетъ всѣхъ, кто попадается ей на жизненномъ пути. Ея любовникъ ди-Мазано (г. Трубецкой) надоѣлъ ей своей требовательностью и ревностью. Она рада отъ него отдѣлаться и готова подарить свою любовь красавцу-кавалеру ди-Гаяццо (г. Добровольскій).

Ея бывшій любовникъ возмущенъ и пишетъ письмо своему сопернику въ страшно оскорбительныхъ выраже-

ніяхъ по адресу Біанки. Біанка желаетъ отомстить и требутъ отъ Гаяццо смерти оскорбителя. Подъ вліяніемъ чарующихъ ласкъ, Гаяццо соглашается, но, придя въ себя, съ негодованіемъ отклоняетъ предложеніе любовницы. Біанкѣ нужна теперь смерть Гаяццо, она опутываетъ своими чарами ди-Мазано и беретъ съ него клятву убить Гаяццо. Всѣ дѣйствующія лица переѣзжаютъ въ Миланъ и встрѣчаются въ домѣ Иполиты Бенволіа (г-жа Романовская); Гаяццо встрѣчается съ Мазано и понимаетъ зачѣмъ тотъ пріѣхалъ. Онъ разоблачаетъ всѣ козни Біанки и они клянутся въ вѣчной дружбѣ. Все общество возмущено поведеніемъ Біанки и съ презрѣніемъ отвертывается отъ нея, когда она входитъ въ садъ. Ея неожиданнымъ защитникомъ является молодой офицеръ, почти мальчикъ, ди Кордона (г. Орленевъ), страстно въ нее влюбленный и ничего не требующій взамѣнъ. Онъ убиваетъ на улицѣ ди-Мазано и скрывается въ домѣ Біанки, въ которой совершается нравственный переломъ при видѣ такой безграничной любви. Является полиція и арестуетъ убійцу ди-Кордона и ее, Біанку, какъ соучастнику. Судъ приговариваетъ ихъ обоихъ къ смерти. Біанку готовъ спасти патеръ. Она не соглашается, такъ какъ не знаетъ сумѣютъ ли спасти ея вѣрнаго рыцаря. На эшафотѣ она узнаетъ про побѣгъ Кордона и умираетъ, убѣжденная, что и этотъ вдохновенный рыцарь любитъ жизнь больше чѣмъ ее. Построена пьеса по шаблону самыхъ ужасныхъ мелодрамъ. На сценѣ фигурируютъ даже эшафотъ, топоръ, палачъ и т п. аксессуары. До такихъ ужасовъ не дошелъ самъ Сарду въ своей *Tosca*. Тамъ по крайней мѣрѣ за сценой вбиваютъ гвозди въ голову. Конечно, Джакозо принадлежитъ къ типу мелодраматическихъ реалистовъ. Удивительный этотъ реализмъ! Золя нельзя смотрѣть со сцены потому, что онъ безпощадно раскрываетъ всѣ общественныя язвы, а это такъ гадко. Но смотрѣть со сцены самыя пошлыя и грубыя ласки любовниковъ, какъ въ началѣ второго акта графини

ди-Шалланъ—можно. Это такъ красиво, такъ изящно и, главное, такъ поучительно...

Но если къ пьесѣ нельзя отнестись со строго-критической точки зрѣнія, то роли, или лучше сказать роль Біанки, должна принадлежать къ излюбленнымъ ролямъ артистокъ, бьющихъ на дешевые эффекты. Вся она построена на этихъ эффектахъ и г-жа Яворская естественно ухватилась за нее съ радостью. Больно и странно. Еще не такъ давно на г-жу Яворскую столько людей возлагало столько надеждъ. Серьезная критика съ удовольствіемъ отмѣтила ея выходъ въ Маргаритѣ Готье въ самомъ началѣ ея артистической карьеры. Но погоня за аплодисментами, за дешевенькимъ успѣхомъ совершенно преобразили ее и превратили въ специфическую мелодраматическую актрису. Разбирать ея игру нѣтъ возможности... да и не стоитъ.

Другія роли въ пьесѣ очень незначительны. Лучше другихъ былъ г. Яковлевъ въ роли патера. Этотъ артистъ положительно на хорошей дорогѣ и если его только не поглотитъ специфическій «коршевскій» репертуаръ—онъ станетъ очень и очень хорошимъ актеромъ. Жаль было смотрѣть на несчастнаго г. Орленева въ роли ди-Кордона. Во всякомъ случаѣ эта вина не его, а дирекціи, заставляющей простака исполнять амплуа героя-любовника.

Недуренъ былъ и г. Добровольскій, особенно въ нѣкоторыхъ сценахъ второго акта. Поставлена пьеса въ декоративномъ и бутафорскомъ отношеніи вполнѣ удовлетворительно.

В. Маровъ.

Провинціальныя корреспонденціи.

Харьковъ (*отъ нашего корреспондента*). Оба харьковскіе театра къ концу сезона стали дѣлать очень хорошіе сборы. Въ драматическомъ и въ оперномъ театрахъ продолжается цѣлая серія бенефисовъ, назначаемыхъ по два раза въ недѣлю, причемъ оперный назначаетъ бенефисы въ тѣ же самые дни, когда есть бенефисъ и въ драмѣ. Такая странная конкуренція оканчивается тѣмъ, что оба театра въ бенефисные дни хотя и берутъ хорошіе сборы, но все таки не полные. Въ драматическомъ театрѣ на прошлой недѣлѣ состоялись бенефисы г. Вадимова и г-жи Вронской. Г-нъ Вадимовъ молодой актеръ, первый сезонъ появившійся передъ здѣшней публикой и уже пользующійся симпатіями въ качествѣ способнаго и трудолюбиваго исполнителя ролей простаковъ и характерныхъ, выбралъ для бенефиса новую комедію Вл. Ив. Немировича-Данченко „Золото“, которая прошла съ большимъ успѣхомъ, благодаря превосходной игрѣ г-жи Рыбчинской въ роли Валентины, г-на Ге въ роли Алексѣя, г-жи Немировой-Ральфъ въ роли Шелковкиной. Бенефиціантъ съ успѣхомъ выступилъ въ роли Игнатія. Вообще комедія разыграна была съ рѣдкимъ на провинціальной сценѣ ансамблемъ. Въ бенефисъ г-жи Вронской поставлена была въ 5-й разъ комедія Сарду „Madame Sans-Gêne“. Бенефиціанткѣ поднесли подарки, въ томъ числѣ цѣнную матерію на платье (?). Очень практично (!).—30 января состоялся спектакль въ пользу нуждающихся студентовъ университета, причемъ исполнителями мужскихъ ролей явились исключительно студенты, а женскихъ—артистки труппы г-жи Дюковой. Поставленъ былъ „Лѣсъ“, въ которомъ особенно хороши были студенты Бреннеръ (Несчастливцевъ), Хрисанфовъ (Счастливцевъ), Тимченко (Петръ) и г-жа Мондшейнъ (Аксюша). Комедія Островскаго подъ режиссерствомъ артиста г. Смирнова 1-го прошла очень стройно. Въ репертуаръ истекшей недѣли вошли „Воробушки“, „Бой бабочекъ“ и „Гамлетъ“. Въ оперномъ театрѣ возобновленъ былъ „Вильгельмъ Тель“, но особаго успѣха эта опера не имѣла, благодаря далеко не безъукоризненному исполненію. Достаточно сказать, что ее поютъ на четырехъ языкахъ — итальянскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и русскомъ. Такого разнообразія въ нашихъ театрахъ до сихъ поръ еще не бывало. Теноръ г. Ершовъ, пользующійся здѣсь очень большимъ успѣхомъ, поставилъ

въ свой бенефисъ „Фаустъ“ и взялъ полный сборъ. Кромѣ бенефиціанта, очень хороши были г-жа Лакруа (Маргарита), г. Антоновскій (Мефистофель) и г. Брыкинъ (Валентинъ). Въ репертуаръ истекшей недѣли вошли: „Пѣснь торжествующей любви“, „Самсонъ и Далила“ и „Русалка“.

Царицынъ (*отъ нашего корреспондента*). Долго служившій храмомъ Таліи и Мельпомены традиціонный лабазъ, наконецъ, снесенъ. На мѣстѣ его въ томъ же саду „Конкордія“ возведено новое, деревянное зданіе, внутри коего надъ сценой бьющая въ глаза надпись: „театръ Курочкиныхъ“. Театръ обновленъ товариществомъ подъ управленіемъ г. Лилина прошлымъ лѣтомъ. Съ 8 декабря начался обычный сезонъ любительскихъ спектаклей на клубной сценѣ. Поставлены слѣдующія піесы: 8 дек. „Чары любви“, 16—„Женихъ изъ пожевой линіи“, 27—„Правда хорошо, а счастье лучше“, 30—„Маленькая война“, ком. въ 3 дѣйст., 2 янв. „Въ царствѣ кулисъ“ и „Не пойманъ не воръ“, 4—„Отбитая аттака“ и „На той сторонѣ“. Валовой сборъ выразился въ 941 р. за отчисленіемъ расходовъ—374 р. поступили на благотворительное дѣло. На маслянницѣ ожидаются еще три спектакля. Относительно исполненія женскій персоналъ любителей далеко оставляетъ позади себѣ мужской. Твердое знаніе роли, вдумчивость въ характеръ воплощаемаго лица, вотъ отличительная черта любительницъ и обратно, серьезное отношеніе къ дѣлу замѣняется снисходительно-шутливыми нотками у любителей, а отсюда не твердое знаніе роли и халатность. Въ нынѣшнемъ сезонѣ особенно выдались исполненіемъ: г-жи Соловьева, Ильина, Герасимова, Галиновская и Полиновская.

ХРОНИКА.

Заграничная хроника.

Берлинъ. Комедія Гоголя „Ревизоръ“ въ текущемъ сезонѣ будетъ поставлена на сценѣ придворнаго театра. Эта комедія, замѣчаетъ Berliner Börsen-Courier, не предста-

вляетъ собой новинки для Берлина. Много лѣтъ тому назадъ „Ревизоръ“ шелъ на сценѣ пригороднаго театра, нынѣ театра Belle-Alliance, въ очень хорошемъ переводѣ Альберта-Линднера; затѣмъ на сценѣ театра Ostende въ переводѣ Ланге и наконецъ позднѣе на сценахъ многихъ берлинскихъ театровъ.

Нѣмецкія газеты сообщаютъ о блестящемъ концертѣ, данномъ Патти въ Берлинѣ 17 января. Мѣстная критика привѣтствуетъ пѣвицу самымъ восторженнымъ образомъ и удостовѣряетъ, что неподражаемый голосъ ея сохранилъ почти юношескую свѣжесть, звучность и полноту тембра. Какъ извѣстно, за послѣднее время Патти сдѣлалась поклонницей Вагнера, а потому, кромѣ блестящихъ колоратурныхъ номеровъ, вошедшихъ въ ея программу, ею исполнена была арія „Елизаветы“ изъ Тангейзера Вагнера, причемъ, по заявленію критики, пѣвица въ совершенствѣ постигла нѣмецкій духъ произведенія. Затѣмъ всѣ исполненные ею колоратурные номера, какъ, напримѣръ, аріи изъ „Севильскаго Цирюльника“ Россини, „Air de bijoux“ изъ „Фауста“ Гуно, арія „Церлины“ изъ „Донъ-Жуана“ Моцарта были переданы съ поразительнымъ блескомъ и чистотою.

По словамъ газетъ, въ Берлинѣ недавно поставлена пьеса г-жи Шабельской „Милыя деньги“, въ переводѣ на нѣмецкій языкъ. Авторъ проводитъ въ пьесѣ ту идею, что деньги, разъ женщина ими увлеклась, сушатъ ея сердце и онѣ становятся ей милѣе любви. Вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ и бѣдности семьи, которая рѣшительно погибаетъ, дочь рѣшается играть на биржѣ и такъ увлекается этимъ, что для нея волненія биржевой игры становятся милѣе волненій любовныхъ. Въ пьесѣ есть сцены, талантливо написанныя и производящія сильное впечатлѣніе. Пьеса имѣла большой успѣхъ и автора вызывали нѣсколько разъ послѣ послѣднихъ трехъ актовъ. Передаютъ, что дирекція новаго театра, гдѣ шла эта пьеса, исключила изъ пьесы все то, что могло показаться неблагопріятнымъ для евреевъ, какъ главныхъ дѣятелей на берлинской биржѣ.

Въ **Болоньѣ** въ театрѣ Brunetti съ успѣхомъ поютъ двѣ наши соотечественницы г-жа Н. Булычева въ „Фаустѣ“ и „Аидѣ“ и г-жа О. Ольгина въ Manon Lescaut Пуччини.

Вѣна. Ричардъ Нордманъ, еще полгода тому назадъ, никому неизвѣстный, робкій молодой человѣкъ, явился, какъ сообщаетъ корреспондентъ газеты „Жизнь и Искусство“, къ директору императорскаго драматическаго театра и предложилъ ему прочесть его первое произведеніе. Ему было отказано. Онъ рѣшилъ больше ни къ кому лично не ходить

и послалъ свою пьесу артисту-литератору Левинскому. Послѣдній былъ пораженъ силой таланта, свѣжестью поэтическаго чувства и чистотой языка. Скоро и печать заговорила о молодомъ поэтѣ, который не хотѣлъ открыть своего псевдонима. Общество было заинтриговано: кто бы это могъ быть? почему онъ, эта будущая звѣзда на горизонтѣ литературнаго міра, скрываетъ свое имя? Письменно велись всѣ переговоры, и чрезъ два мѣсяца его пьеса: „Падшіе ангелы“ имѣла колоссальный успѣхъ. Публика безъ конца вызывала автора, но его не знала и дирекція театра. Критика назвала его однимъ изъ великихъ поэтовъ нашей эпохи. Прошло полгода и этотъ анонимный, таинственный поэтъ, такъ упорно скрывающій свою голову отъ общественныхъ лавръ, выступилъ въ Раймундъ-театрѣ съ новой серьезной комедіей „Лишніе люди“ (Die Ueberzähligen). „Лишніе люди“—это безсильные, непризнанные, слабые—всѣ тѣ, которыхъ суровая жизнь лишила счастья, — и помочь имъ могутъ сильные, увѣренные, всюду торжествующіе. Авторъ проповѣдуетъ любовь къ ближнему и представляетъ въ яркихъ краскахъ злобу тѣхъ, талантъ которыхъ остался неоцѣненнымъ, заставляетъ зрителей слушать яростный крикъ растоптанныхъ и униженныхъ, видѣть отсутствіе любви къ дѣтямъ и братьямъ. Яркія, реальныя, слишкомъ реальныя—удручающія картины. И все разыгрывается въ одной тѣсной семьѣ, ни одинъ посторонній не вовлеченъ въ эту потрясающую драму. Фабула пьесы несложна, она принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ пьесъ, гдѣ герои дѣйствуютъ, не побуждаемые любовью къ женщинѣ, а гдѣ сама сложная, тяжелая, непривѣтливая жизнь увлекаетъ ихъ въ водоворотъ, и они борются, захлебываются, идутъ ко дну и истомленные выплываютъ на верхъ. Барахтаясь въ грязныхъ волнахъ, они, естественно, и не могутъ думать о любви. Авторъ понялъ все это, но драма тѣмъ не менѣе не лишена эффектныхъ, потрясающихъ картинъ, и публика находится въ напряженномъ ожиданіи съ момента поднятія занавѣса до конца. Лишніе люди борются, стараются найти въ жизни извѣстное назначеніе, и долгъ сильныхъ людей протянуть имъ руку помощи. Такова мораль драмы, и вѣнскіе критики привѣтствуютъ молодого таинственнаго поэта, вызывая его къ новому творчеству.

Извѣстный піанистъ д'Альберъ долженъ былъ отмѣнить свой концертъ вслѣдствіе плохого сбора. Публика не пошла въ его концертъ, хотя сборъ былъ назначенъ на памятникъ Бюлову. Но та же публика биткомъ наполняетъ залъ въ концертахъ какихъ-то виртоузовъ-дѣтей.

Въ **Каннѣ**, во Франціи, умеръ талантливый оперный ком-

позиторъ Веньяминъ Годаръ. Ученикъ Вебера, г. Годаръ былъ прекрасный скрипачъ и выступалъ уже передъ публикой еще съ девятилѣтняго возраста. Послѣ его смерти остались неизданными двѣ его оперы: „Гельефы“, опера въ 5 дѣйствіяхъ и „Маркитантка“, которую онъ окончилъ не задолго до смерти и предназначалъ для Комической Оперы. Кромѣ того, для фортепіано онъ написалъ также много очень красивыхъ салонныхъ пьесъ.

Лондонъ. Громаднымъ успѣхомъ пользуется оперетта „Сагуп“, разыгрываемая неграми изъ Луизіаны.

Журналъ „Monde artiste“ съ ужасомъ разсказываетъ о весьма курьезномъ поведеніи публики въ **мадридской** оперѣ. На дняхъ разыгрался настоящій скандалъ изъ-за отъѣзда Мазини. Когда абоненты узнали, что Мазини уѣзжаетъ, они устроили въ театрѣ страшный скандалъ дирекціи, такъ что пришлось остановить спектакль. Не смотря на шумъ, поднятый абонентами, Мазини уѣхалъ. На первомъ представленіи „Карменъ“ въ театрѣ господствовалъ такой безпорядокъ, что только явившіеся жандармы могли успокоить публику. Какая причина всѣхъ этихъ исторій? По словамъ вышесказаннаго журнала, никакой причины не имѣется: составъ труппы хорошій (Мазини, Кальве и др.), обстановка прекрасная и проч. Правда, дирекція позволяетъ себѣ нѣкоторыя „вольности“; такъ, напримѣръ, „Гамлетъ“ Тома идетъ „безъ послѣдняго акта“ и дирекція объясняетъ его отсутствіе длиннотами, утомляющими зрителя. „Карменъ“ также нѣсколько передѣлана, но что, главнымъ образомъ, возмущаетъ мадридскую публику—это то, что дирекція обѣщала поставить „Друга Фрица“ Масканьи и „Манонъ“ Массенэ и до сихъ поръ не исполнила своего обѣщанія.

Миланъ. На сценѣ театра La Scala, какъ сообщаютъ „Московскія Вѣдомости“, была поставлена съ большимъ успѣхомъ опера „Медичи“, Леонкавалло. Изъ исполнителей выдѣлялись баритонъ Кашманъ и пѣвица сопрано Адини.

7 февраля пойдетъ въ первый разъ въ Италіи опера французскаго композитора Паладиля „Отечество“ со слѣдующими артистами: гг. Апостолу, Кашманъ, Лорэнъ и Вислей. Въ срединѣ февраля ожидается постановка новой пьесы Масканьи „Ратклифъ“, главныя партіи котораго распредѣлены между теноромъ де-Негри, контральто Видаль и сопрано Стеле. Дирижировать оперой будетъ самъ композиторъ.

Въ театрѣ Dal Verme съ большимъ успѣхомъ прошли „Гугеноты“ для исполнителей главныхъ партій; компримаріи же, хоръ и оркестръ были неудовлетворительны, почему дирекція не можетъ похвастаться хорошими сборами и, вѣроятно, сезонъ будетъ недолговѣчнымъ.

Въ театрѣ Alhambra была поставлена новая опера Фронтини „Малія“, но, несмотря на музыкальныя достоинства, не имѣла успѣха, благодаря плохому составу артистовъ. Дирижировалъ этою оперой капельмейстеръ Эмануэль.

Миланскій театральный сезонъ теперь въ полномъ разгарѣ. Открыты всѣ театры, но вниманіемъ публики пользуются изъ оперныхъ только La Scala, Dal-Verme, Alhambra и изъ драматическихъ Internazionale, Filodrammatici и Manzoni. Въ Scal'ѣ послѣ провалившагося „Сигурда“ были поставлены „Искатели жемчуга“ и „Манонъ“ съ очень слабымъ матеріальнымъ успѣхомъ. Гораздо удачнѣе идетъ „Самсонъ и Далила“. Въ близкомъ будущемъ ожидается постановка двухъ новыхъ оперъ Масканьи: „Ратклифъ“ и „Сильвано“.

Въ Internazionale даетъ хорошіе сборы легкая комедія. Въ Filodrammatici знаменитый Эрнесто Росси во главѣ довольно слабой труппы давалъ шекспировскій репертуаръ.

Въ театрѣ Manzoni труппа Эрнеста Цаккони имѣетъ хорошій успѣхъ. Особенно привлекаетъ публику драма Л. Н. Толстого „Власть тьмы“, имѣвшая еще въ прошломъ году солидный успѣхъ. Драма переведена хорошо, въ исполненіи артистовъ, какъ сообщаетъ корреспондентъ газ. „Жизнь и Искусство“, видно пониманіе основныхъ мыслей этого произведенія; только костюмы и декораціи мало напоминаютъ одежду нашихъ крестьянъ и крестьянскую обстановку. Женщины всѣ одѣты въ сарафаны съ кокошниками на головѣ, въ корсетѣ и въ казанскихъ сафьянныхъ туфелькахъ. На мужчинахъ невозможныя блузы, перетянутыя широчайшимъ ремнемъ. Никита съ длинными бѣлокурыми, вьющимися на плечахъ, волосами, а дядя Акимъ—гримируется двойникомъ Толстого. Иконы помѣщаются въ заднемъ углу, а печка, на которую ведетъ приставленная лѣсенка, освѣщена красной лампочкой.

Чрезвычайно лестные отзывы читаемъ мы въ итальянскихъ музыкальныхъ журналахъ о молодомъ tenore russo M. Kitain, дебютировавшемъ въ Миланѣ. М. Китаинъ нашъ соотечественникъ, уже болѣе года работаетъ въ Миланѣ подъ руководствомъ одного изъ лучшихъ маэстро, и, судя по отзывамъ мѣстныхъ газетъ, обладаетъ очень симпатичнымъ голосомъ tenore lirico, и имѣлъ выдающійся успѣхъ въ операхъ „Amiko Fritz“ и „Фаустъ“.

Новая опера Бимбони „Сантуцца“ понравилась публикѣ въ Миланѣ. Эта опера составляетъ какъ бы окончаніе „Сельской чести“, изображая нравственныя мученія и смерть Сантуццы, главной виновницы убійства Туридду. Музыка новаго произведенія построена на воспоминаніяхъ мотивовъ

изъ „Сельской чести“ и представляетъ изъ себя сплошную мелодію.

Королевскій **мюнхенскій** театръ выпустилъ программу „вагнеровскаго сезона“ на 1895 годъ. Всѣ оперы Вагнера пойдутъ въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ; это дѣлается для того, чтобы дать ясное представленіе о ходѣ развитія таланта композитора. На сценѣ этого театра также пойдетъ комическая опера „Невѣста изъ Палермо“, которая была сочинена въ 1835—36 гг. и поставлена въ первый разъ въ Магдебургѣ 29-го марта 1836 г. Такимъ образомъ, мюнхенскимъ жителямъ предстоитъ познакомиться со всѣми произведеніями Рихарда Вагнера, кромѣ „Парсифаля“. „Циклъ Вагнера“, перенесенный изъ Байрейта въ Мюнхенъ, невольно вызываетъ борьбу двухъ этихъ городовъ.

Въ нѣмецкихъ газетахъ появился восторженный отзывъ объ оперѣ Рихарда Бертиха, дирижера придворнаго мюнхенскаго театра, „Сердце артиста“.

Въ театрѣ извѣстныхъ импрессаріо Аббэ и Грау въ **Нью-Іоркѣ** была поставлена въ одну изъ субботъ опера „Вильгельмъ Телль“. Антракты были настолько продолжительные, что въ половинѣ перваго былъ лишь оконченъ третій актъ оперы Россини. Утомленная публика съ нетерпѣніемъ ждала четвертаго акта, какъ вдругъ появляется режиссеръ, заявляющій, что представленіе не можетъ продолжаться, въ виду воскреснаго дня (какъ извѣстно, какъ въ Англіи, такъ и въ Америкѣ въ воскресные дни опера запрещена). Публика хладнокровно выслушала заявленіе режиссера и преспокойно разошлась по домамъ!...

Парижъ. По словамъ корреспондента „Новостей Дня“, 27 января въ „*Opéra*“ данъ былъ парадный спектакль, такъ называемая grande prémière. Шло первое представленіе новой оперы, сочиненія женщины-композитора Августы Олмэсъ. На этомъ представленіи присутствовалъ президентъ республики съ семействомъ. М-lle Олмэсъ не могла похвалиться успѣхомъ. Привыкшая къ горячимъ пріемамъ ея концертныхъ композицій и снискавшая себѣ немалую извѣстность этимъ путемъ, она должна была почувствовать себя крайне обиженной холоднымъ отношеніемъ публики къ ея оперному первенцу. Г. Форъ чаще и горячѣе всѣхъ аплодировалъ, а въ одномъ изъ антрактовъ пригласилъ композитора въ свою ложу и очень любезно поздравлялъ ее и расхваливалъ. Тѣмъ не менѣе, новая опера не лишена достоинствъ, и менѣе утонченной и требовательной публикѣ, чѣмъ та, которая собирается въ Парижѣ на первыя представленія, она, можетъ быть, и понравится. Сюжетъ до-

вольно поэтиченъ, музыка мѣстами отличается красотой и оригинальностью. Опера называется „Черногорія“ (Montagne Noire) и состоитъ изъ четырехъ актовъ, дѣйствіе происходитъ въ концѣ прошлаго столѣтія, во время войны черногорцевъ съ турками. Юнакъ Мирко увлекается одалиской Яминой, отбитой у турокъ, и ради нея покидаетъ свою невѣсту Елену. Всѣ четыре акта представляютъ, перипетіи душевной борьбы Мирко, который то возвращается къ чувству долга, то опять уступаетъ страсти. Ямина убѣждаетъ его бѣжать съ ней въ Турцію; онъ соглашается, но по пути его настигаютъ юнаки, и онъ рѣшается покинуть турчанку во имя вѣры и родины; но скоро онъ измѣняетъ данному слову и въ четвертомъ актѣ оказывается у ногъ Ямины, въ пограничномъ турецкомъ городѣ, въ ея домѣ. Юнаки овладѣваютъ городомъ, и товарищъ Мирко врывается и прерываетъ ихъ любовный дуэтъ. Онъ умоляетъ измѣнника оставить турчанку. Мирко отказывается. Тогда онъ закалываетъ Мирко и самъ убиваетъ себя, чтобы не пережить любимаго собрата по оружію, чѣмъ опера и кончается. Бѣдность темы выкупается посторонними эпизодами, которыми переполнены всѣ четыре акта, а также очень красивыми военными сценами. Либрето написано крайне неумѣло самой m-lle Олмэсъ.

Въ парижской Оперѣ въ текущемъ сезонѣ предполагаютъ дать одну изъ оперъ Гектора Берліоза. Вѣрнѣе что выборъ остановится на „Damnation de Faust“, которая пойдетъ въ недалекомъ будущемъ, несмотря на большіе расходы (около 400.000 фр. – 146.800 р.), необходимые для ея постановки.

Г-жа Марчелла Зембрихъ приглашена на весенній сезонъ въ парижскую итальянскую оперу, лѣтомъ же примадонна будетъ пѣть въ лондонскомъ театрѣ Ковентъ-Гарденъ.

Какъ сообщаетъ корреспондентъ „Новаго Времени“, на сценѣ Французской Комедіи поставлена новая пьеса Леметра „Le Pardon“. Она состоитъ изъ трехъ дѣйствій и изъ трехъ дѣйствующихъ лицъ: одного мужчины и двухъ дамъ. При поднятіи занавѣса мы находимся въ хорошо убранномъ, но неуютномъ салонѣ. Это салонъ соломеннаго вдовца Жоржа. Отворяется дверь, и на сцену входитъ изящная молодая женщина, влекущая за собою другую женщину, тоже молодую и изящную.— Входи, говоритъ тебѣ, здѣсь никого нѣтъ, Жоржъ ушелъ, — говоритъ первая. И другая, входя, начинаетъ волноваться подъ наплывомъ позорныхъ воспоминаній. „Онъ такъ ее любилъ, она такъ была съ нимъ счастлива, а она убѣжала съ другимъ. И вотъ теперь она, какъ нищая, приходитъ умолять

его взять ее назадъ. Проститъ ли онъ, можетъ быть онъ съ презрѣніемъ выгонитъ ее вонъ? — Успокойся, онъ проститъ, онъ по прежнему любитъ тебя, онъ страдаетъ оттого, что тебя нѣтъ съ нимъ. Впрочемъ, я все беру на себя. Но объясни мнѣ, какъ ты могла забыться до того, чтобы измѣнить такому хорошему человѣку какъ Жоржъ. Ты, стало быть, очень любила того, ты потеряла голову?— Нѣтъ, она того не очень любила, она не знаетъ, какъ это случилось. Жоржъ былъ вѣчно занятъ, оставлялъ ее одну, а тотъ ухаживалъ, увѣрялъ въ своей пламенной страсти. Но Тереза, т.-е. подруга, не понимаетъ ее: характеромъ она женщина спокойная, невозможнаго не желаетъ; мужъ ея тоже человѣкъ спокойный, и хотя онъ звѣздъ съ неба не хватаетъ, пороха не выдумываетъ, какъ Жоржъ, но жить съ нимъ можно, она никогда не испытывала ни малѣйшаго желанія измѣнить ему... Но Жоржъ идетъ. Тереза прячетъ Жанну въ сосѣднюю комнату, а сама остается, чтобы уговорить его и приготовить. Ей это не стоитъ большаго труда, потому что Жоржъ сгораетъ желаніемъ поскорѣе увидать свою милую грѣшницу, его безпокоитъ только одно, не покажется ли онъ другимъ смѣшнымъ въ качествѣ примирившагося съ своею судьбою рогоносца. Но Тереза успокоиваетъ его: объ его несчастіи, кромѣ нея, никто не знаетъ. И примиреніе происходитъ. Оставшіеся наединѣ супруги, пять минутъ спустя, говорятъ уже о посторонихъ предметахъ. Это примиреніе, однако, только призрачное. На самомъ дѣлѣ Жоржъ не можетъ забыть измѣну своей жены. Ежеминутно онъ мучаетъ ее ревностью къ прошлому, къ тому, что онъ будто бы простилъ, но нисколько не забылъ. Онъ вѣчно находится въ раздраженномъ состояніи; всѣ ея старанія возобновить былую жизнь остаются напрасными и неоцѣненными. Она убрала салонъ по своему, уютно и красиво. Онъ находитъ, что у нея вкусы кокотки. Онъ постоянно возвращается къ прошлому, ему хочется знать, почему это случилось, и какъ это случилось, чѣмъ тотъ, другой, показался ей лучше его, ему хочется даже знать, что они дѣлали, когда оставались наединѣ... Жоржъ вполнѣ натураленъ. При такомъ характерѣ дѣло не можетъ кончиться иначе, какъ полнымъ, и на этотъ разъ окончательнымъ разрывомъ между супругами, или же окончательнымъ подчиненіемъ провинившейся супруги своей участи. Но у Леметра это выходитъ иначе и мораль его совсѣмъ иная. О своей семейной неурядицѣ Жоржу очень пріятно вести разговоры съ Терезой, а ей пріятно эти разговоры выслушивать и давать ему совѣты. Для этого они даже назначаютъ другъ другу тайныя свиданія, которыя кончаются...

вы догадываетесь какъ. Надо сказать, что эта сцена паденія этихъ добродѣтельныхъ людей очень забавна, она, несомнѣнно, лучшая въ пьесѣ. Но едва Жоржъ побывалъ одинъ разъ на тайномъ свиданіи, какъ онъ уже начинаетъ жалѣть о своемъ поступкѣ. У него вдругъ просыпаются угрызенія совѣсти, что онъ обманываетъ своего друга, мужа Терезы, ему жалко свою собственную жену, которая знаетъ объ его связи съ Терезой и мучается отъ того. Однимъ словомъ, Жоржъ самымъ скандальнымъ образомъ начинаетъ отлынивать отъ свиданій съ Терезой. Про себя онъ даже считаетъ ее безнравственной женщиной. Развѣ порядочная женщина рѣшилась бы такъ во зло употребить свою роль примирительницы, чтобы соблазнить мужа своей подруги? А между тѣмъ Тереза, вкусившая сладость тайнаго плода, настаиваетъ на своей любви и защищаетъ ее. Тогда онъ начинаетъ ей отвѣчать на письма какъ совсѣмъ негалантный человѣкъ. Онъ теперь ее ужъ знать не хочетъ. Соблазнивши чужую жену, онъ отмстилъ за свои собственныя украшенія на лбу, и теперь съ легкимъ сердцемъ готовъ вернуться къ своей супругѣ. Но теперь та ужъ слышать объ этомъ не хочетъ: она рѣшила оставить его. Почему? Потому что она разочаровалась въ немъ. Когда она была виновата передъ нимъ, онъ рисовался ей на недосягаемой высотѣ, а ея собственная ошибка казалась ей чудовищной. Теперь же она сожалѣетъ, что изъ-за такого пустяка испортила столько крови. Но Жоржъ такъ раскаивается, а она все же его любитъ, и потому дѣло кончается тѣмъ, что они падаютъ другъ въ объятія, и занавѣсъ опускается при словахъ жены Жоржа: Богъ да смилуется надъ нами!...

Директоръ „Свободнаго театра“ Антуанъ поступилъ въ труппу „Gymnase“. Въ настоящее время въ парижскихъ театральныхъ кружкахъ ходятъ слухи, что „*Свободный театръ*“ возродится Говорятъ, что во главѣ дѣла будетъ нѣкій Ларошелль, при чемъ высшее наблюденіе за театромъ приметъ тотъ же Антуанъ.

На сценѣ парижскаго „Свободнаго театра“, возрождающагося подъ новой дирекціей, пойдетъ новая пьеса Эмиля Фабра, подъ названіемъ „Деньги“.

Въ Парижѣ откроется ещѣ одинъ новый театръ подъ названіемъ „*Новая эра*“. На сценѣ этого театра будутъ поставлены пьесы молодыхъ авторовъ. Для начала спектаклей пойдетъ пьеса Поля Нагуръ „Un avant propos“. Театръ „Новая Эра“ долженъ конкурировать съ театромъ „L'Oeuvre“, гдѣ также играютъ пьесы молодыхъ авторовъ.

Фридрихъ Февръ, по порученію французскаго правитель-

ства, какъ сообщаетъ le Nord, отправился недавно изъ Парижа для изученія драматическаго искусства и состоянія театральнаго дѣла въ различныхъ странахъ Америки. Съ этою цѣлью онъ намѣренъ посѣтить Нью-Іоркъ, Гавану, Портъ-о-Пренсъ, Санъ-Доминго и Каракасъ.

Сарра Бернаръ, какъ передаетъ „le Nord", пріобрѣла недавно замокъ за 6,000 фр. (около 2,200 р.) въ Бретани въ самой живописной мѣстности. Въ этомъ чудномъ уголкѣ знаменитая артистка намѣрена проводить часы досуга.

Извѣстный французскій водевилистъ и юмористъ Рауль Тоше покончилъ жизнь самоубійствомъ. За послѣднія недѣли Тоше часто видѣли въ судѣ, гдѣ онъ высиживалъ по цѣлымъ днямъ, чтобы добиться свиданія съ Каниве, бывшимъ другомъ его дома и замѣшаннымъ въ скандальномъ процессѣ. По настоянію жены, Тоше предлагалъ большую сумму денегъ за временное освобожденіе Каниве изъ тюрьмы. Но это ему не удалось. Зарабатывая ежегодно 50,000 франковъ, въ томъ числѣ 35,000 фр. авторскихъ правъ за свои пьесы и какъ хроникеръ „Caulois", писавшій подъ псевдонимомъ „Frimousse", онъ получилъ наслѣдство отъ отца въ 800,000 франковъ. Тоше, тѣмъ не менѣе, оказался окончательно разореннымъ и до такой степени запутался въ долгахъ, что за возобновленіе его векселей ему приходилось платить неслыханные проценты, говорятъ до 175 процентовъ. Такъ дѣло велось уже въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ. Биржевыя спекуляціи, которыми онъ пытался поправить свои финансы, оказались неудачными. Жена ничего о томъ не знала. Она уроженка Антильскихъ острововъ, вдова графа Пежера, имя котораго продолжала носить и въ началѣ замужества съ Тоше (который былъ значительно моложе ея), среди веселой компаніи, окружавшей ее. Они жили въ помѣстьѣ близъ Круасси, недалеко отъ Буживаля, проводя жизнь въ шумныхъ удовольствіяхъ, а Тоше игралъ въ клубахъ и спекулировалъ на биржѣ. Мало-по-малу онъ пустилъ въ залогъ всѣ свои дома и на цѣлые годы впередъ (вплоть до 1900 г.) заложилъ всѣ свои авторскія права. Несмотря на то, онъ не сокращалъ роскоши, заведенной въ его домѣ, во избѣжаніе ненавистныхъ сценъ со стороны вспыльчивой жены, говорятъ, что со времени арестованія Каниве, madame Тоше стала особенно нервной и возбужденной. Бурное объясненіе между супругами вызвало катастрофу. Тоше отправился въ Шантильи, помѣстился тамъ въ отелѣ, совершилъ прогулку въ великолѣпныхъ лѣсахъ герцога Омальскаго, выбралъ тамъ одно изъ самыхъ красивыхъ мѣстъ, вернулся въ отель, написалъ письма женѣ, своему 9-тилѣтнему

сыну и прокурору и затѣмъ совершилъ самоубійство у „Пруда королевы Blanche“. Семья нашла его трупъ въ указанномъ имъ мѣстѣ. Юмористъ самъ скололъ ледъ, чтобы трупъ его могъ прямо пойти ко дну.

Театры „Argentina“ въ **Римѣ** и „San Carlo“ въ **Неаполѣ** закрылись, вслѣдствіе банкротства импрессаріо г-жи Штольцманъ, которая, по слухамъ, бѣжала изъ Италіи, захвативъ съ собою субсидіи обоихъ театровъ, что составляетъ кругленькую сумму въ 200000 лиръ. Крахъ этихъ двухъ театровъ повлекъ за собой то, что масса артистовъ осталась безъ дѣла и безъ хлѣба.

Румынская королева, извѣстная въ литературѣ подъ псевдонимомъ Карменъ Сильвы, написала новую комедію „Радости жизни“.

Въ **Токіо** открыта музыкальная академія. По словамъ газетъ, японцы обнаруживаютъ большія музыкальныя способности. Въ Токіо уже давно организовано общество любителей музыки подъ названіемъ „Музыкальный клубъ въ Токіо“. Въ этомъ клубѣ весьма часто читаются публичныя лекціи о знаменитыхъ европейскихъ композиторахъ, при чемъ исполняются ихъ произведенія. Въ школѣ нѣкоего Шуманна молодежь знакомится съ элементарными началами музыки. Въ настоящее время, общимъ уваженіемъ и любовью пользуется англичанка Блоксманъ, имѣющая въ Токіо массу уроковъ.

Провинціальная хроника.

Благовѣщенскъ. Для театра выписанъ декораторъ г. Преловскій и музыканты для вновь сформированнаго оркестра подъ управленіемъ г. Латышева. Прибыли новые артисты: г-жа Ахматова (сопрано), г-жа Вольская (контральто), гг. Копыловъ (теноръ), Чернявскій (басъ), Ленинъ (баритонъ) и Стрѣльскій (комикъ). Всѣ артисты, за исключеніемъ г-жи Невѣровой, участвовавшей и въ прошлогодній сезонъ, играютъ и въ драмахъ и въ опереткахъ.

Варшава. Несмотря на то, что отказъ г. Сазонова отъ сформированія русской драматической труппы на время Великаго поста пришелъ въ Варшаву сравнительно поздно, русскіе драматическіе спектакли во всякомъ случаѣ будутъ устроены въ казенномъ варшавскомъ театрѣ въ теченіе приближающагося великопостнаго сезона. Передаютъ, что г-жа Савина взялась за организацію этихъ спектаклей.

29-го января въ **владикавказскомъ** общественномъ собраніи состоялся шестой семейный вечеръ мѣстнаго му-

зыкально-драматическаго кружка. Были поставлены двѣ одноактныя комедіи: „Восторженная натура“ Е. Н. А—вой и „Изъ-за мышенка“ А. Россо, а въ промежуткѣ между ними музыкальное отдѣленіе, состоявшее изъ четырехъ номеровъ. Нужно отдать полную справедливость,—обѣ комедіи были разыграны живо.

Въ №20 „Тиф. Листка“ напечатано письмо слѣдующаго содержанія: „Въ Владикавказѣ находится въ безвыходно бѣдственномъ положеніи *семья покойнаго актера Евгенія Полтавцева*, сорокъ лѣтъ работавшаго на пользу отечественной драматической сцены. Семья состоитъ изъ вдовы и трехъ малолѣтнихъ сиротъ. Бѣдная женщина ходитъ на поденную работу, еле поддерживая тяжелымъ трудомъ жизнь своихъ безпомощныхъ малютокъ. Я посѣтилъ вдову покойнаго талантливаго, маститаго артиста и на мой вопросъ она отвѣтила: „Живу, какъ видите! Голодъ, холодъ и нищета. Три года тому назадъ, когда скончался мой мужъ, я получила изъ общества для вспомоществованія сценическимъ дѣятелямъ нѣсколько рублей на похороны мужа, потомъ я обращалась неоднократно въ то же общество, прося хотя бы заимообразно хоть что нибудь для поддержанія дѣтей, но отвѣта ни разу не получала. Я все время перебиваюсь,—ужъ какъ живу - и сама не знаю. Четыре дня голодаю съ дѣтишками, а одинъ день поѣмъ и ихъ покормлю. Хожу поденно куда позовутъ и дѣлаю все, что заставятъ. Вотъ вамъ и вся моя жизнь!“ Позвольте чрезъ посредство вашей многоуважаемой газеты, всегда отзывчивой на людское горе, довести до свѣдѣнія тифлисскихъ добрыхъ людей объ ужасающей нуждѣ вдовы и сиротъ заслуженнаго труженика русскаго театра. Быть можетъ, кто нибудь откликнется на мой призывъ и утретъ слезы несчастной семьи, которой грозитъ неумолимый голодъ. Усердно прошу другія тифлисскія газеты не отказать въ добромъ дѣлѣ и сообщить своимъ читателямъ содержаніе этого письма“. Г-жа Полтавцева ходитъ на поденную работу за 40 к. въ день. Старшему сыну 11 лѣтъ, дѣвочкѣ 6 лѣтъ и младшей 2 года. Бѣднота вопіющая. Вотъ на что должно обратить вниманіе *театральное общество*. Адресъ *Полтавцевой*: Владикавказъ, Александровскій проспектъ, фотографія Рагозинскаго съ пер. Александрѣ Ѳедоровнѣ Полтавцевой.

Вильно. Въ виду громаднаго успѣха, который имѣло первое представленіе на нашей сценѣ новой комедіи Зудермана „Бой бабочекъ“, пьеса эта была повторена и имѣла и при повтореніи выдающійся успѣхъ. Г-жа Коммиссаржевская и въ этотъ разъ явилась идеальной исполни-

тельницей роли Рози. Изъ другихъ исполнителей заслуживаютъ полной похвалы и особаго вниманія гг. Стрѣльскій (Винкельманъ) и Бравичъ (Кесслеръ), и г-жи Алексѣева (Гергентхеймъ) и Тираспольская (Эльза). Довольно типична была и г-жа Лидова въ роли Лауры.

Вятка. Дѣла драматической труппы, играющей подъ управленіемъ М. Г. Лебедевой, крайне слабы, многіе амплуа въ труппѣ совсѣмъ не заняты, любовникъ г. Поль заболѣлъ, изъ актеровъ остались только гг. Черногорскій, Яковлевъ, Царевишниковъ, пришлось обставлять на половину любителями. Съ половины декабря сюда пріѣхалъ молодой артистъ московскаго театра г. Подаринъ, недурной бытовой резонеръ, но здѣсь играетъ рѣшительно все, что придется. Съ его пріѣздомъ сборы оживились.

Иркутскъ. Въ 6-мъ номерѣ „Театрала“ мы сообщали слухъ, циркулирующій въ театральныхъ сферахъ, что г-жа Ѳедотова отправляется съ товариществомъ провинціальныхъ артистовъ въ путешествіе по Сибири, при чемъ зиму будетъ держать *новый обширный театръ въ Иркутскѣ*, сооружаемый на пожертвованіе мѣстныхъ капиталистовъ. Теперь мы можемъ сообщить, что слухъ, что Г. Н. Ѳедотова будетъ зиму держать новый театръ въ Иркутскѣ, безусловно неосновательный, такъ какъ строющійся въ Иркутскѣ по плану профессора Шретера театръ будетъ готовъ не ранѣе, какъ черезъ два года. Изъ опубликованныхъ свѣдѣній о ходѣ работъ по сооруженію иркутскаго театра въ теченіе сентября мѣсяца видно, что по прекращенію по случаю наступившей заморозки работъ выкладка наружныхъ стѣнъ доведена лишь до перемычекъ второго этажа. Новый театръ будетъ неособенно обширенъ: онъ расчитанъ всего на 800 человѣкъ, но надо полагать, что онъ будетъ шедевромъ въ смыслѣ прочности, удобствъ и изящества. За это намъ ручается какъ имя профессора Шретера, такъ и то горячее участіе, которое принимаетъ въ сооруженіи этого театра г. начальникъ края А. Д. Горемыкинъ. Существовавшій раньше деревянный театръ сгорѣлъ въ 1891 году, и иркутская публика лишилась одного изъ своихъ и безъ того немногочисленныхъ развлеченій. Но въ прошломъ году актеръ Вольскій, прежде служившій на сценѣ иркутскаго театра, купилъ деревянный циркъ, наскоро передѣлалъ его въ театръ, собралъ изъ мѣстныхъ лицедѣевъ труппу, пригласилъ изъ Москвы двѣ-три силы и въ этомъ импровизированномъ театрѣ съ далеко неполной труппой сдѣлалъ блестящія, разумѣется въ матеріальномъ смыслѣ, дѣла. Стоустая молва гласитъ, что предпріимчивый импрессаріо нажилъ за этотъ сезонъ около 15 тысячъ

рублей. За исключеніемъ талантливой артистки г-жи Киселевой, да старыхъ любимцевъ иркутской публики гг. Минскаго и Кравченко, остальные члены труппы не отличались ни талантами, ни особенно старательнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Но соскучившаяся по театру публика прощала это г. Вольскому, прощала она ему и то, что въ труппѣ оставались незанятыми многія амплуа, такъ, напримѣръ, на роли драматическихъ любовниковъ г. Вольскій только къ концу сезона пріобрѣлъ актера, случайно заѣхавшаго въ Иркутскъ, г. Камскаго, еще очень молодого, но съ несомнѣнными проблесками дарованія. Если его не опьянитъ дешевенькій фиміамъ мѣстныхъ доморощенныхъ психопатокъ, если не засосетъ его провинціальная тина, изъ него можетъ выработаться недюжинный артистъ. Въ нынѣшнемъ сезонѣ г. Вольскій, оставивъ большинство прежнихъ артистовъ, пополнилъ свою труппу нѣсколькими новыми персонажами. Вотъ составъ его труппы: г-жа Киселева (героическія роли), Вейманъ (ingénue dramatique), Попова (лирическія партіи въ опереткѣ), Даманина (каскадныя партіи въ опереткѣ) и Никольская (комическая старуха), гг. Кравченко (бытовой любовникъ и 2-я роли въ опереткѣ), Камскій (jeune premier), Довѣринъ-Кравченко, служившій сезона два тому назадъ въ Москвѣ въ Пряшниковской оперѣ (1-я роли въ опереткѣ), Лавровъ (комикъ), Вольскій (характерныя роли), Львовъ (резонеръ) и Французовъ (2-я партіи въ опереткѣ). 8-го сентября была исполнена драма Бьернстерна-Бьернсона „Банкротство“ съ г-жею Вейманъ въ роли Зигны. Г-жѣ Вейманъ роли драматическаго характера не по силамъ. 11-го сентября шла пьеса Карпова „Рабочая слободка“. Пьеса была исполнена съ удовлетворительнымъ ансамблемъ. Пальма первенства на этотъ разъ принадлежала г. Кравченко. Въ свой бенефисъ А. А. Кравченко поставилъ „Жизнь“ Потапенко и довольно удачно справился съ ролью Бѣлозерова, хотя это и не его жанръ. Очень хороша была г-жа Киселева въ роли Ольги Павловны Бѣлозеровой. Вообще такой талантливой и умной артистки, какъ г-жа Киселева, иркутская публика еще никогда не видала. Слѣдующій бенефисъ принадлежалъ г-жѣ Вейманъ. Шла старая мелодрама „Двѣ сиротки“. Театръ былъ полонъ—обстоятельство неособенно лестно характеризующее вкусы нашей публики, порой отсутствующей на спектакляхъ, болѣе заслуживающихъ вниманія. 14-го ноября была поставлена музыкальная драма Леонкавалло „Паяцы“. Исполнявшій партію Каніо г. Довѣринъ-Кравченко обладаетъ хотя не совсѣмъ свѣжимъ, но довольно пріятнымъ голосомъ, своими голосовыми средствами

артистъ владѣетъ прекрасно. Въ исполненіе роли Каніо г. Довѣринъ-Кравченко вложилъ массу чувства. Вполнѣ достойной партнершей его оказалась г-жа Попова (Недда).

Казань. 31-го января состоялся бенефисъ М. М. Бородая. Спектакль состоялъ: 1) изъ драмы г. Ибсена „Праздникъ въ Сольгаугѣ", 2) концертнаго отдѣленія и 3) комедіи К. Гольдони „Трактирщица". Сборъ былъ полный.

Калуга. Дѣла играющаго здѣсь товарищества г-жи Киселевой крайне неважны, хотя на сборы и жаловаться нельзя, но расходы сильно превышаютъ доходы. 23-го января изъ состава труппы вышли: г-жа Калмыкова—каскадная и Голубковъ—теноръ. Спектакли опереточные прекратились, съ 25-го января театръ сданъ фокуснику Роберту Ленцу, а съ 1-го февраля до Масляной недѣли въ театрѣ будетъ давать представленія клоунъ Владиміръ Дуровъ со своей звѣриной труппой.

Каменская станица. На сценѣ Донецкаго общественнаго собранія съ 6-го декабря открылись драматическіе спектакли Товарищества артистовъ подъ режиссерствомъ артиста А. Б. Погонина. Въ составъ труппы входили: г-жи Погонина — драматическія роли, Карнѣева — комическая старуха, Левицкая—инженю, Горская—драматическая инженю, Кольцова—вторыя роли; гг. Погонинъ—комикъ, Николаевъ—комикъ-резонеръ, Досѣвичъ—драматическій любовникъ, Владиміровъ—простакъ, Бецкій—роли стариковъ. Любитель — мѣстный учитель г. Т., много способствовавшій своимъ участіемъ успѣху дѣлъ товарищества. Товарищество дало по 8-е января 11 спектаклей, при чемъ на каждую марку пришлось по 52 коп. 8-го января въ бенефисъ г. Погонина шла въ первый разъ новая пьеса „Добрый урокъ пошелъ въ прокъ", ком. въ 4-хъ дѣйствіяхъ и 5-ти картинахъ, соч. Погонина. 22-го января состоялся любительскій спектакль. Шелъ фарсъ „На паяхъ". Сбору было 162 рубля.

Карсъ. 23-го января на сценѣ карскаго общественнаго собранія состоялся любительскій спектакль, шла одноактная комедія „Искорка" и двухактная шутка „Вытурилъ". Обѣ пьесы были разыграны любителями очень хорошо. Въ матеріальномъ отношеніи успѣхъ оказался полнымъ. Громадный залъ Собранія былъ переполненъ публикой.

Керчь. Послѣдняя недѣля была обильна развлеченіями. 22 января состоялся спектакль артистическаго кружка. Шли пьесы: „На лонѣ природы", ком. въ 3 д. и сц.-мон. И. И. Мясницкаго „Она одна". Лучшими исполнителями явились г. Барабашевъ въ роли Бѣгичева и г-жа О. А. Масалова въ роли деревенской бабы, Василисы.

Кіевъ 23 и 24 янв. состоялось въ присутствіи автора представленіе оперы „Снѣгурочка“. Опера имѣла большой успѣхъ и блестящій пріемъ. Два первыхъ представленія „Снѣгурочки“ были рядомъ восторженныхъ овацій композитору; большинство отдѣльныхъ номеровъ оперы повторялись по требованію публики. Творцу „Снѣгурочки“ былъ поднесенъ серебряный вѣнокъ съ надписью: „Великому русскому художнику Н. А. Римскому-Корсакову — слава! Въ память перваго представленія „Снѣгурочки“ въ Кіевѣ 23-го января 1895 г. отъ кіевской оперной труппы“. Композиторъ самъ руководилъ двумя послѣдними репетиціями „Снѣгурочки“. Исполнителями отдѣльныхъ партій явились г-жа Каратаева (Снѣгурочка), г-жа Корецкая (Лель), г-жа Озерская (Весна), г. Виноградовъ (Мизгирь). Роль Берендея въ первомъ представленіи исполнялъ г. Морской. На 2-мъ и 3-мъ (26-го января) представленіи „Снѣгурочки“ партія Берендея была передана г. Борисенко. Бермяту исполнилъ г. Горяиновъ, Мороза—г. Островидовъ.

Второй ученическій вечеръ въ музыкальномъ училищѣ состоялся 21 января при переполненномъ залѣ слушателей.

Н. Н. Киселевичъ снялъ Кіевскій театръ Соловцова на время праздниковъ Пасхи.

Любительскій спектакль, данный 30 января въ театрѣ Соловцова въ пользу безплатной лѣчебницы графини С. С. Игнатьевой и пріюта для дѣтей павшихъ на войнѣ воиновъ, прошелъ при блестящей обстановкѣ. „Вечеръ въ Сорренто“ и „Денежные Тузы“ были разыграны любителями дружно.

Ковно. Съ 26 декабря по 16 января въ театрѣ дала 10 спектаклей русская оперная труппа подъ управленіемъ г. Шанпоньера и взяла валового сбора 1500 рублей. Драматическое Товарищество открыло свои спектакли 16 января и будетъ играть до конца сезона 21 января. Въ бенефисъ г-жи Дороганъ шла комедія Зудермана „Бой бабочекъ“.

Красноярскъ. Опереточная труппа г. Брагина сдѣлала хорошіе сборы и г. Брагинъ отложилъ предполагавшійся отъѣздъ труппы изъ Красноярска до 8 января.

Кронштадтъ. 25-го января, въ залѣ коммерческаго собранія подъ управленіемъ г-жи Квитковской данъ былъ любительскій спектакль въ пользу мѣстнаго отдѣла Краснаго Креста. Поставлены были:комедія въ 1 д. П. П. Гнѣдича „Ненастье“ и фарсъ въ 3 д. И. И. Мясницкаго „Какъ куръ во щи“. Обѣ пьесы были отлично срепетованы; прошли съ большимъ ансамблемъ и смотрѣлись публикой съ интересомъ. Въ комедіи „Ненастье“ въ роли Анны Александровны Приселковой выступила М. А. Терентьева, Л. П. Вани-

фантьева провела роль провинціальной кумушки Звягинцевой, П. М. Токмачева исполнила роль няни. Роль Приселкова игралъ В. И. Шаринъ, И. И. Аленинъ провелъ роль друга дома и г. Альвасовъ Пичугина. Во второй пьесѣ „Какъ куръ во щи“ Н. Ѳ. Квитковская очень бойко и весело сыграла роль Громовской. Остальныя женскія роли провели П. М. Токмачева, Е. П. Кршивицкая, Е. И. Расовская и М. Я. Шубинская, Г. М. Ольгинъ роль полковника, биржевого маклера К. Я. Баранцевъ, а В. И. Шаринъ, В. Н. Левендаль и Л. Н. Левендаль исполнили роли Демьянова, Громовскаго и Каратаева.

Курскъ. Въ зимнемъ городскомъ театрѣ въ нынѣшнемъ сезонѣ ставило спектакли исключительно одно Общество любителей музыкальнаго и драматическаго искусства подъ режиссерствомъ А. А. Линтварева, относившагося къ своему дѣлу чрезвычайно добросовѣстно. Пьесы всегда ставились хорошо, прекрасно были срепетованы, много способствовалъ успѣху постановки и большой знатокъ декоративнаго искусства Н. Г. Самойловъ, благодаря которому театръ сталъ неузнаваемъ во всѣхъ отношеніяхъ. Лучшими силами Общества были г-жи Е Н. Кудрявая, С. Е. Рациборъ, В. В. Пузанова, Л. П. Силецкая, Е. А. Антропова, О. С. Ольгина, А. С. Короткова, М. Н. Дрыжакова, В. Н. Ползикова и гг. Н. Н. Невѣровъ, И. В. Пузановъ, Н. Н. Четвертушкинъ, Н. К. Реймеръ, П. Г. Коноховъ, В. А. Буланинъ, І. А. Горновскій, М. Н. Грубинъ и др. Репертуаръ съ 29 января по 12 февраля: „Цѣпи“ и „Шашки“, „Степной богатырь“, „Какъ поживешь, такъ и прослывешь“, „Каширская старина“, „Преступница“, „Несчастье особаго рода“. Послѣдній спектакль прощальный бенефисъ А. А. Линтварева „Лѣсъ“.

Либава. По отзывамъ „Либ. Таг.“, „Ревизоръ“ Гоголя собралъ въ городскомъ театрѣ полный залъ зрителей.

Ливны. Здѣшній театръ нѣсколько тѣсноватъ, но довольно удовлетворительный. Восемь-десять рядовъ стульевъ, да около десятка ложъ, небольшая сценка съ довольно сносными декораціями, «галерка», затѣмъ нѣчто въ родѣ фойэ, приличный буфетъ. По словамъ „Орлов. Вѣстн.“ существуетъ здѣсь и „музыкально-драматическій кружокъ“, дающій время отъ времени спектакли. 17 января шелъ водевиль „Отбитая атака“, г. Константинова. Г. Бохововъ талантливо сыгралъ въ этомъ водевилѣ роль деньщика, г-жѣ Езерской роль жены офицера удалась. Въ концертномъ отдѣленіи этого вечера большое наслажденіе доставила публикѣ своей игрой на скрипкѣ г-жа Буцкая. Недурно выполнилъ нѣсколько номеровъ на віолончели и г. Дурново.

Новочеркасскъ. 17-го января на сценѣ Новочеркасскаго театра состоялся спектакль съ участіемъ г-жи Синельниковой, гг. Рощина-Инсарова и Синельникова (комедія „Надо разводиться“ и водевиль „На тотъ свѣтъ“). Театръ былъ полонъ. Товарищество г. Скуратова дѣлаетъ хорошіе сборы: „Риголетто“ 420 р., „За честь семьи“ 485 р., „Травіата“ 539 р., „Севильскій цирюльникъ“, бенефисъ г-жи Марра, 637 р., „Жизнь за Царя“ 467 р. Приглашена на гастроли П. А. Стрепетова. Изъ выдающихся новинокъ для Новочеркасска была постановка въ бенефисъ помощника режиссера г. Муровского „Маккавеи“ оперы Рубинштейна.

Въ **Одессу** прибудетъ изъ Бреславля драматическая труппа подъ управленіемъ г. Жоржа Егера, которая дастъ 6 спектаклей съ 19 по 24 февраля. Пойдутъ пьесы: „Madame Sans Gêne“ Сарду, „Родина“, „Честь“ и „Гибель Содома“ Зудермана, „Молодость“ Гальбе и пр.

Въ Русскомъ театрѣ съ 25 февраля начнутся представленія французской опереточной труппы Декроза. Всего дано будетъ 30 представленій. Предполагается поставить нѣсколько новыхъ оперетокъ.—Одесскій Артистическій кружокъ дѣятельно продолжаетъ свои спектакли въ Городской аудиторіи. 9 декабря шла др. „Каширская старина“, 16—„Коварство и любовь“, 21—„Разбойники“, 3 января—„Евгеній Онѣгинъ“ (драматическое представленіе (!) въ 3 д. передѣланное изъ Пушкина кн. К....), 13—„Маіорша“, 27—„Горе отъ ума“ и 5 февраля—„Игра въ любовь“. Спектакли эти пользуются заслуженнымъ успѣхомъ. Исправляемъ опечатку, вкравшуюся въ сообщеніе, напечатанномъ въ №№ 2 и 5 „Театрала“. Роль городничаго въ „Ревизорѣ“ и Франца Мора въ „Разбойникахъ“ исполнялъ не г. Горинъ, а г. Гриневъ.

Пенза. Съ начала сезона играло драматическое Товарищество подъ режиссерствомъ г. Похилевича, а съ 24 ноября г. Похилевичъ взялъ труппу на жалованье. Сборы очень хорошіе. Пензенцы уже много лѣтъ не посѣщали такъ охотно театра, какъ въ нынѣшнемъ сезонѣ. Главныя силы труппы: г-жа Башинская—драматическая, Стрѣшнева—инженю-комикъ, Виноградская—инженю-драматикъ, г. Похилевичъ—простакъ и Зандеръ-Печоринъ—характерныя роли. Репертуаръ состоялъ преимущественно изъ современной комедіи, а по праздничнымъ днямъ ставились обстановочныя пьесы. Наибольшіе сборы дали пьесы: „Плоды просвѣщенія“ (шли 3 раза), „Мадамъ Санъ-Женъ“ (2 раза), „Лѣсной бродяга“ и „Стенли въ Африкѣ“. На будущій годъ владѣлецъ зимняго театра г. Вышеславцевъ опять его сдалъ г. Похилевичу. Труппа будетъ смѣшанная—драма и оперета.

27-го января выступилъ артистъ г. Адельгеймъ въ роли короля Лира. Публика видимо недовѣрчиво отнеслась къ первому спектаклю, почему сборъ былъ на первый разъ неполный. Съ первыхъ шаговъ г. Адельгеймъ сразу приковалъ все вниманіе публики типичностью, вѣрностью тона и прекрасной мимикою; спектакль прошелъ, если слабо по сбору, то — шумно по исполненію и публика вышла изъ театра вполнѣ удовлетворенная. Въ слѣдующіе спектакли поставлены были: „Разбойники“ и „Отелло“ и въ роляхъ Франца-Моора и Отелло г. Адельгеймъ показалъ себѣ вполнѣ артистомъ.

Пермь. 21-го января Пермскій музыкальный кружокъ далъ въ залѣ Дворянскаго собранія свой обычный вечеръ, состоявшій изъ двухъ отдѣленій. Въ первомъ отдѣленіи участвовали г. Вульфинъ (1-я скрипка) и г-жа Кестеръ (фортепіано), баритонъ г. Луканинъ пропѣлъ арію Ленскаго изъ оперы „Евгеній Онѣгинъ“. Для второго отдѣленія былъ поставленъ 4-й актъ „Фауста“. Въ роли Маргариты выступила г-жа Якубовская, Зибеля — г-жа Кашперова, Валентина — г. Луканинъ, Фауста — г. Плюснинъ и Мефистофеля — г. Серебренниковъ. Исполненіе было очень хорошее. Хоры шли прекрасно. Оркестръ подъ управленіемъ г. Якубовскаго оказался вполнѣ на высотѣ своей задачи.

Рига. Бенефисъ В. Е. Илькова собралъ въ театръ весьма многочисленную публику. Шла пьеса г. Зудермана: „Бой бабочекъ“ и прошла очень стройно. Бенефиціантъ игралъ роль Винкельмана, Тинскій — Макса Винкельмана. Хороши были также г-жа Бѣльская (г-жа Гергентхеймъ), роль Рози, г-жа Свободина исполняла очень хорошо; г-жа Павлова — Эльза играла оживленно, роль учителя Косинскаго очень удалась г. Митрофанову.

Ростовъ-на-Дону. Лѣтній театръ на будущій лѣтній сезонъ держитъ Е. М. Любовъ. Будетъ играть русская оперная труппа, въ составъ которой г. Любовымъ уже приглашены г-жи: Азерская, Маршадъ, гг. Горяиновъ, Образцовъ, Свѣтловъ и Арутновичъ.

Въ **Рыбинскѣ** гастролировалъ Г. В. Тартаковъ (баритонъ), выступившій въ оперѣ „Паяцы“ и опереттѣ „Корневильскіе колокола“. 25-го января состоялся въ театрѣ русскій концертъ А. П. Карагеоргіевича съ его капеллою. Недавно гастролировалъ г. Клементьевъ. 12 января былъ данъ спектакль въ пользу недостаточныхъ рыбинцевъ-студентовъ. Сборъ достигъ 300 рублей.

Симферополь. Г-жа Горева закончила свои гастроли въ Симферополѣ. Всѣхъ спектаклей съ ея участіемъ было девять, изъ которыхъ только три дали относительное хорошіе сборы.

Смоленскъ. Оба лѣтніе театры сняты на лѣтній сезонъ теперешнимъ гродненскимъ антрепренеромъ г. Борисовымъ. Будетъ играть опереточная труппа, въ составъ которой уже приглашены гг. Эспе — баритонъ и Голубковъ и Лоренцъ—тенора. Ведутся переговоры съ каскадной пѣвицей г-жей Калмыковой и дирижоромъ г. Энка. Начало сезона съ 1 мая. Съ Пасхи до 1-го мая труппа Борисова будетъ играть въ Могилевѣ губернскомъ.

Старый Осколъ. Съ 1 декабря здѣсь открылись спектакли драматическаго Товарищества подъ режиссерствомъ актера А. Д. Гончарова. Въ составъ труппы входятъ: г-жи Милославская, Романовичъ, Солнцева, Ѳедорова; гг. Гончаровъ, Кадниковъ, Карминъ, Ѳедоровъ.

Таганрогъ. Оперная труппа г. Любимова, игравшая въ зимнемъ театрѣ, взяла за 11 спектаклей валового сбора 7200 рублей.

Ташкентъ. Драматическая труппа подъ управленіемъ г. Кручинина дѣлаетъ прекрасныя дѣла. Кручининъ строитъ новый лѣтній театръ, постройка котораго окончательно будетъ готова къ 1 мая. Въ новомъ театрѣ будетъ играть опереточная труппа, которая въ настоящее время формируется въ Москвѣ уполномоченнымъ г. Кручинина. Въ теченіе декабря и января мѣсяцевъ сего года были поставлены труппою г. Кручинина слѣдующія пьесы: „На родинѣ“, „Татьяна Рѣпина“, „Вторая молодость“, „На паяхъ“, „Мачиха-лиходѣйка“, „Самородокъ“, „Горькая судьбина“, „На всѣ четыре стороны“, „Нина“, „Въ горахъ Кавказа“, „Заяцъ“, „Станціонный смотритель“ и др. Изъ перечисленнаго выше репертуара почти всѣ пьесы прошли съ большимъ успѣхомъ какъ по ансамблю, такъ и по исполненію отдѣльныхъ ролей. Театръ всегда полонъ. 20-го января на сценѣ Общественнаго Собранія шла опера (3 акта) „Демонъ“, главную партію исполнялъ г. Румянцевъ (баритонъ), съ участіемъ любителей музыкальнаго общества г-жи Коробцевой (Тамара), г-жи Зильбертъ (ангелъ). Опера прошла прекрасно, при полномъ сборѣ. Для пріѣзжающихъ артистовъ въ Ташкентѣ есть двѣ сцены: 1) городской театръ (свободные дни отъ спектаклей Кручинина) и 2) общественное собраніе.

Торжокъ. На сценѣ мѣстнаго театра, въ домѣ Ѳедюхина, 22-го января московскими любителями, во главѣ съ О. М. Шавровой, была поставлена драма Ибсена „Нора“, прошедшая съ большимъ успѣхомъ.

Ярославль. 29 января состоялся спектакль въ народномъ театрѣ при фабрикѣ товарищества большой мануфактуры. Кружкомъ любителей, при участіи нѣкоторыхъ ар-

тистовъ городского театра, были исполнены „Каширская старина“ и водевиль „Дочь русскаго актера“. Обѣ пьесы прошли съ ансамблемъ. 5 февраля, въ городскомъ театрѣ извѣстный московскій артистъ-любитель К. С. Станиславскій, пользующійся такою заслуженною славою, выступилъ въ драмѣ „Уріэль Акоста“, въ которой исполнилъ заглавную роль.

Ѳеодосія. За отсутствіемъ труппы обыватели пробавляются любительскими спектаклями. Въ этихъ спектакляхъ принимаютъ участіе гостящая въ Ѳеодосіи драм. артистка М. Л. Лаппо-Данилевская и мѣстный артистъ-антрепренеръ г. Козловъ. 22 января была сыграна ком. въ 4 дѣйств. „На порогѣ великихъ событій“.

Петербургъ.

Въ **Александрійскомъ театрѣ** состоялся бенефисъ г-жи Савиной. Шла новая пьеса Ибсена „Праздникъ въ Сольгаугѣ“, изъ скандинавской жизни XIV вѣка.

Въ театральныхъ кружкахъ ходятъ упорные слухи, что начальникъ репертуара Александринскаго театра, г. Крыловъ, въ этомъ году оставляетъ свое мѣсто.

Михайловскій театръ. Г. Марке поставилъ въ свой бенефисъ „Les Fourchambault“ Эмиля Ожье.

Г-жа Брендо возобновила въ свой бенефисъ драму Альфонса Додэ и Адольфа Бело „Sapho“.

Въ бенефисъ г. Павлова **въ театрѣ Неметти** были поставлены двѣ новыя пьесы: „Пылкія сердца“, сочиненіе неизвѣстнаго автора, и „Ножъ моей жены“, комедія передѣланная съ французскаго г-жей Н. Лухмановой.

Маститая артистка Е. Г. Медвѣдева, пользующаяся большой популярностью въ провинціи и сумѣвшая, благодаря своему комическому дарованію, завоевать симпатіи петербургской публики, поставила 3-го февраля двѣ пьесы: „Золотую рыбку“ И. Салова и И. Ге, въ которой она такъ превосходно играетъ роль Ульяны, и „Меблированныя комнаты Королева“.

На пепелищѣ прежняго Товарищества русскихъ оперныхъ артистовъ возродилась въ **Панаевскомъ** театрѣ—„Русская опера“. Начались спектакли съ „Аиды“. Въ операхъ участвовали новые исполнители Радамеса пѣлъ г. Коломенко, а Амонасро—г. Алексѣевъ.

Четвертый „русскій симфоническій концертъ“ совпалъ съ десятилѣтнимъ юбилеемъ дѣятельности г. Бѣляева. Исполнены были „въ первый разъ“: четыре №№ изъ „Ночи

на Рождество“, новой оперы г. Римскаго-Корсакова, подъ управленіемъ автора, и фантазія „Изъ мрака къ свѣту“ г. Глазунова подъ его же управленіемъ. Исполнены были еще первая симфонія Бородина и два хора Мусоргскаго: „Пораженіе Сенахерима“ и изъ „Эдипа“.

Въ четвертомъ симфоническомъ собраніи **русскаго муз. общества**, 28-го января выступилъ новый дирижеръ г. Виноградскій. Онъ имѣлъ изъ ряду вонъ выдающійся успѣхъ. Симфонія Мендельсона (Reformations-Symphonie) была прекрасно сыграна и имѣла успѣхъ. Менѣе благопріятное впечатлѣніе произвела симфоническая поэма французскаго композитора Франка. Поэма написана по балладѣ Бюргера „Проклятый охотникъ“. Во второмъ отдѣленіи г. Виноградскій съ большимъ мастерствомъ и увлеченіемъ исполнилъ одну часть изъ 2-й оркестровой сюиты Ц. Кюи. Часть эта называется „Quasi-Ballata“ и отличается настроеніемъ и красивой музыкой. Пьеса имѣла большой успѣхъ, и авторъ былъ вызванъ два раза. „Алжирская сюита“ Сенъ Санса въ русскомъ музыкальномъ обществѣ исполнялась въ первый разъ. Піанистка г-жа Штоссъ-Петрова сыграла (также въ 1-й разъ) концертъ г. Римскаго-Корсакова.

Въ шестомъ квартетномъ собраніи (31-го января) повторено было тріо г. Аренскаго для фортепіано, скрипки и віолончели, при чемъ авторъ исполнялъ фортепіанную партію. До тріо исполненъ былъ г. Ауэръ — первая скрипка, г. Крюгеръ — вторая скрипка, г. Гильдебрандтъ — альтъ и г. Вержбиловичъ—віолончель - бетховенскій квартетъ Cis-moll ор. 131 № 14, а закончилось собраніе гайдневскимъ квартетомъ C-dur № 32.

Москва.

Въ **Большомъ театрѣ** будутъ съ поста разучивать оперу „Дубровскій“, г. Направника; опера пойдетъ въ будущемъ сезонѣ, въ юбилейный бенефисъ г. Корсова, подъ личнымъ управленіемъ композитора.

Авторъ „Мелузины“ кн. И. Ю. Трубецкой пожертвовалъ въ пользу предположенной въ память Императора Александра III-го актерской богадѣльни причитающееся ему авторское вознагражденіе за его оперу, сколько бы разъ опера ни шла.

Третье представленіе „Тушинцевъ“ дало совершенно полный сборъ и сопровождалось новыми овваціями по адресу автора.

Справочный отдѣлъ.

Адресы сценическихъ дѣятелей.

☞ Адресы гг. артистовъ и др. сценическихъ дѣятелей **безплатно**, печатаются въ каждой книжкѣ нашего журнала, по частямъ, въ алфавитномъ порядкѣ.

Редакція покорнѣйше проситъ означенныхъ лицъ, въ ихъ собственномъ интересѣ, сообщать *своевременно* свои адреса и свѣдѣнія о заключеніи ангажемента.

(Продолженіе—см. „Театралъ“—№ 7).

Полубинскій, Александръ Николаевичъ, суфлеръ. Сезонъ 189$^3/_4$ г. служилъ въ Севастополѣ и Рыбинскѣ. Зима—Екатеринбургъ.

Поляковъ,—второй любовникъ и jeune com Зима—Вологда.

Поль,—драм. любовникъ. Зима—Вятка.

Понизовская,—ingenue. Зима—Уральскъ, Оренб. губ.

Понятовская, Софья Осиповна.—грандъ-кокетъ. Зима—Оренбургъ.

Попова,—лирич. сопр. Зима—Иркутскъ.

Попова.—комич. старуха. Зима—Кострома.

Поповъ,—помощ. режиссера. Зима—Уральскъ, Оренб. губ.

Поповъ. Зима—Казань.

Потаповъ,—простакъ. Зима—Каспійскій край.

Потоцкая,—роли субретокъ. Зима—Вологда.

Потѣхина,—драм. роли. Зима—Кострома.

Потѣхинъ,—характ. роли и режиссеръ. Зима—Кострома.

Похилевичъ,—руковод. товарищества и простакъ. Зима—Пенза.

Правдина-Гофманъ,—2-я ingenue. Зима—Вятка

Правдинъ, Александръ Николаевичъ, — драматическій любовникъ. Зима—Кременчугъ.

Прибикъ,—капельмейстеръ. Зима—Одесса.

Де-Пробиди,—басъ. Зима—Одессъ.

Прозорова, В. Д ,—grande-coquette. Зима—Бердянскъ.

Прокопенко, А. П. Зима—Екатеринославль.

Прокофьева,—ком. ст. Зима—Симбирскъ.

Пронскій, Сергѣй Филипповичъ,—драматическій любовникъ и характерныя роли. Постоянный адресъ для корреспонденціи: Рыбинскъ, театръ.

Пронскій, А. П. Зима—Екатеринославль

Прончатовъ,—grande-dame. Зима—Псковъ.

Пузинскій, К. З. Зима—Астрахань.

Путяга,—2-я роли. Зима—Смоленскъ.

Пѣвцовъ,—2-я роли. Зима—Симбирскъ.

Разсатовъ,—др. рез. Зима — Владиміръ губ.

Разсказова,—ком. ст. Зима—Орелъ.

Радлова,—mezzo-soprano.—Миланъ, via I. Radegonda. № 8.

Разсудовъ, Михаилъ Ивановичъ,—комикъ-резонеръ, простакъ, характерный комикъ, чтецъ и разсказчикъ. Постоянный адресъ для корреспонденціи: агентство Е. П. Разсохиной, въ Москвѣ. Сезонъ 189$^3/_4$ служилъ въ Казани, въ товариществѣ. Послѣдніе сезоны: въ Гуляй-Полѣ (свой театръ), въ Полтавѣ (въ товариществѣ), въ трупнѣ Кропивницкаго (игралъ и режиссировалъ русскія піесы). Зима — Харьковъ.

Раковскій, Николай Александровичъ,—комикъ и характерныя роли. Зима—Москва, театръ „Скоморохъ“.

Распопова, Н. Е.—mezzo-soprano.—Миланъ, 6, via S. Damiano.

Ратовъ, Сергѣй Михайловичъ,—1-й комикъ. Постоянный адресъ: Агентство Разсохиной. Зима — Елисаветградъ.

Рахмановъ, П. П.,—артистъ Императорскихъ театровъ. Зима—Тифлисъ.

Райкевичъ, В.—драм. теноръ. Миланъ, 2, via Capellari.

Райскій, Л. Б., исполняющій роли 2-хъ простаковъ-комиковъ и молодыхъ людей. Постоянный адресъ: Кременчугъ, Полтавской губ., драматическій театръ Н. Т. Филипповскаго.

Рихтеръ, Сусанна Васильевна, — комическая старуха. Постоянный адресъ: Театральное агентство Д. А. Бѣльскаго.

Розеноеръ. А. И.—теноръ.—Миланъ. via S. Antonio. 15.

Розенъ, Вячеславъ Евгеньевичъ, баронъ. Зима — Москва, театръ „Скоморохъ".

Рокре,—быт. и гер. Зима—Орелъ.

Романова, Елена Михайловна, — ingénue dramatique. Постоянный адресъ: Контора Бѣльскаго.

Россовъ, Н. П. Постоянный адресъ: Москва, Донская ул., д. Простякова, П. Ф. Кузисъ для передачи.

Ростовцева,—др. роли. Зима — Симбирскъ.

Рощина-Мельникова, Серафима Венедиктовна,—драматическая героиня. Постоян. адресъ: Агентство Разсохиной.

Рощинъ-Инсаровъ. Зима—Ростовъ-на-Дону.

Рубинштейнъ, И. Я.—теноръ.—Миланъ, 21, via Visconti.

Руднева, Марія Михайловна, — первыя драматическія роли. Постоянный адресъ: Петербургъ, уг. Моховой и Пантелеймоновской ул., домъ Васильева, кв. 7, Сухоцкой, пер. Рудневой.

Рутенко, Михаилъ Григорьевичъ,—суфлеръ въ драмѣ и опереткѣ, а также 2-я роли. Постоянный адресъ: Саратовъ, Городской театръ.

Рыбчинская, Н. Д. Зима—Харьковъ.

Рѣзуновъ, Михаилъ Михайловичъ, — оперный драматическій теноръ; служилъ: Курскъ, Орелъ, Тула, Калуга, Кіевъ, Саратовъ, Самара, Оренбургъ, Симбирскъ, Казань, Нижній. Постоянный адресъ для корреспонденцій: Театральное агентство Е. Н. Разсохиной въ Москвѣ. Зима—Оренбургъ.

Рѣпникова, - вод. Зима—Новчеркасскъ.

Рядновъ, Евгеній Карловичъ,—драматическій теноръ на первыя роли—главнаго амплуа. Постоянный адресъ: одно изъ театральныхъ агентствъ въ Москвѣ или Кіевѣ.

Саблина-Дольская, — др. роли. Зима - Самара.

Сабуровъ, Симонъ Ѳедоровичъ,—фатъ-любовникъ, 250 р., два полубенефиса. Зима — Орелъ.

Савина,—др. роли. Зима—Могилевъ губ.

Савинъ,—характ. роли. Зима—Могилевъ губ.

Савинъ, Николай Константиновичъ, — баритонъ (оперы и оперетки) Постоянный адресъ: контора Д. А. Бѣльскаго.

Савицкій, Станиславъ Яковлевичъ,—балетмейстеръ и первый танцоръ.—Петербургъ, театръ В. А. Линской-Неметти.

Самаринъ,—др. резонеръ. Зима - Тамбовъ.

Самарова, Анастасія Васильевна,—лирическая пѣвица. Служила послѣдніе сезоны: въ Могилевѣ-губернск., въ Екатеринославѣ. Постоянный адресъ для корреспонденціи: контора Бѣльскаго, въ Москвѣ. Зима—Рыбинскъ.

Самарова,—ком. старуха. Зима—Полтава.

Самойловъ,—драматическій любовн. Зима—Казань.

Сандровичъ,—grande-dame. Зима—Кострома.

Сарматовъ, Г. Ф.,—драмат. любовн. Зима—Астрахань, лѣто—Тамбовъ.

Свободина-Барышева, М. И. Зима—Казань.

Свободина, Елена Александровна, — ingénue comique et dramatique. Зима—Кременчугъ.

Свѣтлова, Ольга Марковна, — драматическая инженю, играетъ и сильно-драматическія роли. Постоянный адресъ: Агентство Разсохиной, зима—Симбирскъ.

Свирскій,—помощ. режиссера. Зима—Вологда.

Свѣтловская,—водев. Зима—Тамбовъ.

Свѣтловская,—опереточная артистка. Зима—Калуга.

Свѣтловъ,—баритонъ. Зима—Кіевъ.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

КНИЖНАГО МАГАЗИНА ЖУРНАЛА

„Театралъ“.

Книжный магазинъ: а) высылаетъ иногороднимъ **всѣ книги** (по всѣмъ отраслямъ), существующія въ продажѣ и публикованныя въ другихъ каталогахъ, а также ноты и фотографіи артистовъ;

б) принимаетъ подписку на всѣ газеты и журналы

в) принимаетъ на комиссію посторонніе изданія.

Требованія исполняются немедленно, въ день полученія заказа.

NB. Книги могутъ быть выписаны изъ магазина безъ предварительной высылки денегъ съ наложеннымъ платежомъ, но при выпискѣ на сумму болѣе 10 руб. слѣдуетъ предварительно высылать $^1/_3$ суммы.

Авдѣевой. *Поваренная книга. С.-ПБ. 1894 г. Цѣна 1 р.

Андреевъ. *Русскій столъ. С.-ПБ. 1894 г. Цѣна 75 к.

Балконскій. *Разсказы. Москва. 1880 г. Цѣна 75 к.

Бородинъ. *Весна. Сборн. для дѣтск. чтенія. Москва. 1892 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Blin Emil. *Фотоминіатюры. Москва. 1894 г. Цѣна 50 к.

Боллъ. *Солнце. Москва. 1894 г. Цѣна 20 к.

Боллъ. *Луна. Москва. 1894 г. Цѣна 20 к.

Брайцевъ. *Богачи. Москва. 1889 г. Цѣна 50 к.

Buttner. *Тисненіе по кожѣ. Москва. 1893 г. Цѣна 60 к.

Bouffier. *Руководство рисованія пастелью. Москва. 1892 г. Цѣна 50 к.

Bouffier. *Лѣпное искусство. Москва. 1893 г. Цѣна 1 р. 20 к.

Гейне. *Пѣсни. С.-ПБ. 1893 г. Цѣна 1 р. 50 к.

***Гюго Викторъ** и его время. Москва. 1890 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Гюи-де-Мопассанъ. *Сочин., избранныя Л. Н. Толстымъ. Москва. 1893 и 1894 г. Цѣна за 2 т. 4 р. 25 к.

Дабо. *Чудесное въ наукѣ. Москва. 1892 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Де-Фо. *Робинзонъ Крузо. Москва. 1888 и 1889 г. Цѣна 4 р.

Donjean. *Оформъ. Москва. 1893 г. Цѣна 75 к.

Drouin. *Электрич. аппараты. Москва. 1891 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Елпатьевскій. *Очерки Сибири. Москва. 1893 г. Цѣна 1 р.

Желанскій. *Скамья и каѳедра. Москва. 1893 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Жираръ *Культура картофеля. Москва. 1893 г. Цѣна 20 к.

Жоржъ-Зандъ. *Замокъ Вильпре. Москва. 1892 г. Цѣна 1 р. 75 к.

Забранскій. *Выжиганіе по дереву. Москва. 1892 г. Цѣна 75 к.

Ларіоновъ, М. *Страсть къ почестямъ, ком. въ 2 д. Москва. 1885 г. Ц. 60 коп.

Монгомери. *Синяя вуаль. Москва. 1890 г. Цѣна 1 р. 75 к.

Мондъ. *Пѣснь торжествующей любви. Либретто. Москва. 1894. Ц. 30 к.

Морлей. *Вольтеръ. Москва. 1889 г. Цѣна 2 р.

Николаевъ. *Стихотворенія. Москва. 1892 г. Цѣна 40 к.

Руссо. *Письма двухъ любовниковъ. Москва. 1892 г. Ц. 2 р.

Свифтъ. *Гулливеръ. Москва. 1889 г. Цѣна 4 р. 40 к.

Свѣтловъ, В.* Золоченая богема. Романъ изъ петербургской жизни. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Совѣтовъ. *Итальянс.-русскій словарь. Москва. 1894 г. Цѣна 2 р.

Тиндаль. *Теплота. Москва. 1888 г. Цѣна 3 р. 75 к.

Ѳедоровъ. *Стихотворенія. Москва. 1894 г. Цѣна 1 р.

Ѳедотовъ. *Полн. собраніе драматическ. соч. Москва. 1890 г. 4 тома по 1 р. 25 к.

Этингеръ. *Кольцо Нострадамуса. С.-ПБ. 1893 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Гг. подписчики при выпискѣ книгъ, отмѣченныхъ въ этомъ каталогѣ знакомъ *, **—за пересылку не платятъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

II годъ. **на 1895 годъ** II годъ.

НА КІЕВСКУЮ

ежедневную, литературную, политическую и художественную

ГАЗЕТУ

„ЖИЗНЬ И ИСКУССТВО"

съ пояснительными къ тексту рисунками.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ пересылкой и доставкой: на годъ 8 р., на полгода 5 р., на 3 мѣсяца 3 р., на 1 мѣсяцъ 1 р.

Безъ доставки: на годъ 6 р., на полгода 3 р. 75 к., на 3 мѣсяца 2 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ 75 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ 4 руб., къ 1 мая—2 руб. и къ 1 іюля—2 руб., а для служащихъ въ администр. судебн. обществ. и частн. учрежденіяхъ по 1 руб. въ первые восемь мѣсяцевъ.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ газеты: Кіевъ, Прорѣзная ул., № 8 А.

Издатели: И. П. Мануковъ и М. Е. Краинскій.
3—3. Редакторъ М. Е. Краинскій.

СЫЗРАНСКІЙ
„Листокъ Объявленій“
въ 1895 году
будетъ выходить два раза въ недѣлю по вторникамъ и пятницамъ.

Подписная цѣна:

На годъ съ доставкой на домъ 1 руб. Съ пересылкой въ другіе города—1 руб. 50 коп.

На меньшіе сроки подписка не принимается.

Объявленія принимаются отъ 1 до 5 разъ по 10 коп. за каждый разъ за строку петита, болѣе же 5-ти разъ по 5 коп. Большимъ и годовымъ объявленіямъ дѣлается 50% уступки. 3—2

XXIX годъ. XXIX годъ.

УРАЛЬСКІЯ
„ВОЙСКОВЫЯ ВѢДОМОСТИ“
въ 1895 году.

Подписная цѣна на годъ прежняя:

Въ г. Уральскѣ, безъ доставки на домъ—2 руб. 50 коп., на полгода—1 руб., 50 коп., съ доставкою и пересылкою внутри войска—3 руб., на полгода—2 руб., съ пересылкою въ города внѣ войска—3 руб. 80 коп., на полгода—2 руб. 40 коп. За границу на годъ—5 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ г. Уральскѣ исключительно въ редакціи. 3—3

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА **1895** ГОДЪ

на ежемѣсячный, политическій, литературный и историческій

ЖУРНАЛЪ

„Русская Бесѣда".

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: 1) Статьи политическія по выдающимся событіямъ въ Россіи и заграницей 2) Статьи литературнаго, экономическаго, историческаго и духовнаго содержанія. 3) Церковный отдѣлъ. 4) Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки, монографіи, воспоминанія, путешествія, жизнеописанія замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и разныя другія статьи научнаго и описательнаго характера. 5) Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и народныя пѣсни. 6) Правительственныя распоряженія и отчеты о засѣданіяхъ различныхъ обществъ. 7) Внутренняя и внѣшняя хроника разныхъ событій, извѣстія и письма внутреннія и заграничныя. 8) Выдержки изъ газетныхъ статей и журнальныхъ обозрѣній. 9) Библіографія и критика. 10) Мелкія извѣстія и послѣднія новости. 11) Рисунки, соотвѣтствующіе содержанію статей. 12) Справочный отдѣлъ и Объявленія.

Приложеніемъ къ „**Русской Бесѣдѣ**" будетъ выходить **„БЛАГОВѢСТЪ"**, въ которомъ будутъ помѣщаемы статьи богословскаго, церковно-общественнаго и церковно-историческаго содержанія.

Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россіи и заграницу на годъ **6** руб., на полгода **3** руб.

Цѣна отдѣльныхъ выпусковъ: 60 к. съ пересылкой.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи „РУССКОЙ БЕСѢДЫ". С.-Петербургъ, Троицкая ул., д. 18, а также въ книжныхъ магазинахъ: „Новаго Времени" въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ; Н. П. Карбасникова въ Варшавѣ и Москвѣ; Л. Идзиковскаго и Н. Я. Оглоблина въ Кіевѣ; Лихтмахера въ Вильнѣ; П. И. Макушина въ Томскѣ, и во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ Редакціи: **С.-Петербургъ, Гороховая ул., № 15.**

Издатели: А. В. Васильева.
Е. А. Евдокимовъ.
В. С. Дригомірецкій.

3—3

Годъ XVII. Годъ XVII.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1895 ГОДЪ

НА

ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ПОЛИТИЧСКУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ

ГАЗЕТУ

„Екатеринбургская Недѣля".

(50 №№ въ годъ)

ВЫХОДИТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

Подписная цѣна:

На годъ. . . . 6 р. | На полгода 3 р. 50 к.

Лица, подписавшіяся не менѣе какъ на годъ, со дня подписки по 1-е января 1895 года получаютъ газету безплатно. Учителя и учительницы городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ, а также воспитанники учебныхъ заведеній могутъ получать газету по уменьшенной цѣнѣ, именно за годъ 4 руб., за полгода 2 р. 50 к.

Подписка принимается:

въ конторѣ редакціи, въ г. Екатеринбургѣ (Вознесенскій проспектъ, д. № 44).

Редакторъ П. Н. Галинъ.

3—3 Редакторъ-издатель А. М. Симоновъ.

Годъ II. Открыта подписка на 1895 г. **Цѣна 6 р.**

ХОЗЯИНЪ,

жур. сельскаго хозяйства и экономіи,

выходитъ еженедѣльно по пятницамъ,

безъ предварительной цензуры

ТЕТРАДЯМИ ВЪ 20 И БОЛѢЕ СТРАНИЦЪ ТЕКСТА.

Годовые подписч. получ. 8 худож. испол.

акварелей

Сельско-хозяйственнаго альбома.

Въ журналѣ помѣщаются портреты, рисунки, чертежи и планы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: Цѣна за годъ **6** р., за полгода **3** р.; разсрочка по рублю въ теченіе первыхъ 6 мѣсяцевъ года.

Новые подписчики, высылающіе 6 руб., получаютъ текущіе №№ журнала въ 1894 годъ даромъ со дня полученія редакціею подписныхъ денегъ.

Выпускъ 1894 г. сельско-хозяйственнаго альбома—„*Кормовыя растенія*“—высылается новымъ подписчикамъ на 1895 годъ за 2 рубля безъ пересылки.

Оставшіеся экземпляры журнала за 1893 годъ продаются по 6 рублей безъ пересылки.

Ред. и контора:—С.-Петербургъ, Невскій, 12.

Московское отдѣленіе конторы при книжномъ магазинѣ журнала „**Театралъ**“, Страстной бульваръ, д. Адельгеймъ.

Ред. А. П. Мертваго. **Изд. И. А. Машковцевъ.**

Перекати поле, ком. въ 4 д. *П. П. Гнѣдича.* Ц. 1 р.

Въ слѣдующій разъ, сцена для ingénue comique *Грене д'Анкура,* перев. съ франц. Ѳ. А. Куманина. Ц. 30 к.

Честь, ком. въ 4 д. *Зудермана,* перев. съ нѣмецк. *Н. К.* Ц. 50 к. Цѣна комплекта по числу ролей (16 экз.)—2 р. 50 к.

Родина, драма въ 4 д. *Зудермана,* переводъ съ нѣмецкаго Ѳ. А. Куманина. Ц. 50 к. Цѣна комплекта по числу ролей (10 экз.)—2 р. 50 к.

Яблочко отъ яблони (Папенькина дочка) (Lolo's Vater), ком. въ 3 д. *Л 'Арронжа,* приспособленный для русской сцены переводъ съ нѣмецкаго Ѳ. А. Куманина. Ц. 50 к. Цѣна комплекта по числу ролей (8 экз.)—2 руб.

Страшная месть, фарсъ въ 4 д. *И. И. Мясницкаго.* Ц. 50 к. Цѣна комплекта по числу ролей (14 экз.)—3 р.

Жорженькя, ком. въ 2 д. *Чека.* Ц. 50 к. Цѣна комплекта по числу ролей (8 экз.)—2 р.

Волшебный вальсъ, шутка въ 1 д. съ пѣніемъ *А. Шмидтофа* (съ приложеніемъ клавираусцуга). Ц. 60 к. Цѣна комплекта по числу ролей (4 экз.) 1 р. 50 к.

Ложные итоги, ком. въ 4 д. *В. М. Михеева.* Ц. 50 к. Цѣна комплекта по числу ролей (12 экз.)—2 р. 50 к.

Христіанскій взглядъ на неравенство состояній людей на землѣ, Д. Склабовскаго. Цѣна 50 к.

Выписывающіе изъ книжнаго магазина журнала „Театралъ“ (Москва, Страстной бульваръ, д. Адельгеймъ) *за пересылку не платятъ.*

Отъ редакціи.

Доставляемыя въ редакцію сочиненія должны быть снабжены адресомъ автора. — Драматическія произведенія должны быть доставлены въ подлинныхъ экземплярахъ, разрѣшенныхъ къ представленію драматическою цензурой. — Сочиненія, присланныя въ редакцію безъ обозначенія условій гонорара, считаются безплатными. — Сочиненія, принятыя для напечатанія въ журналѣ, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращенію и исправленію — Сочиненія, признанныя редакціей неудобными къ помѣщенію въ журналѣ, возвращаются авторамъ безъ объясненія причинъ.—Обратная пересылка такихъ произведеній ихъ авторамъ производится на счетъ авторовъ —Сочиненія, признанныя редакціей неудобными для напечатанія въ журналѣ, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ и затѣмъ уничтожаются; мелкія же статьи, объемомъ менѣе печатнаго листа журнала, храненію не подлежатъ.

Редакція отвѣчаетъ только на тѣ письма, къ которымъ приложены почтовыя марки.

За перемѣну адреса уплачивается 25 коп. Билеты на полученіе журнала высылаются только тѣмъ иногороднимъ подписчикамъ, которые приложатъ при высылкѣ подписки—19 коп. почтовыми марками.

Жалобы на неполученіе какой-либо книги журнала обращаются исключительно въ редакцію, съ указ нѣмъ нумера, напечатаннаго на адресѣ подписчика, и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала не была получена.—Жалобы должны быть сообщаемы въ редакцію не позже полученія слѣдующей книги.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка по 30 к. съ годового экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставленнымъ ими подпискамъ не допускается.

ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРАЛЪ“
(5-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

(Въ 1891 — 94 гг. журналъ выходилъ ежемѣсячно подъ названіемъ „Театральная Библіотека“).

ВЫХОДИТЪ 50 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ.

Въ каждой книжкѣ помѣщается одна пьеса преимущественно современнаго репертуара **одновременно** съ ея постановкой на столичной сценѣ. Къ каждой книжкѣ прилагаются

ПОРТРЕТЫ АРТИСТОВЪ И ДРАМАТУРГОВЪ,

исполненные фототипіей и автотипіей.

Гг. подписчики въ теченіе года получаютъ **50** драматическихъ произведеній и **50** портретовъ артистовъ и драматурговъ.

Сверхъ того, въ программу журнала входятъ: а) **Статьи по общимъ вопросамъ театра**. б) **Режиссерскій отдѣлъ**: статьи по гриму, костюмамъ, постановкамъ пьесъ (съ рисунками) и проч. в) **Очерки и разсказы**, преимущественно изъ театральнаго быта. г) Современное обозрѣніе—критическія статьи о новостяхъ драмы и оперы. д) Корреспонденціи. е) Хроника. ж) Библіографія и з) Справочный отдѣлъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ „ТЕАТРАЛЪ“:

	На годъ.	На полгода:	На 4 мѣс.
Безъ доставки. . . .	6 р.	3 р.	2 р.
Съ доставкой	7 р.	4 р.	3 р.

Подписка на 4 мѣс. принимается только съ 1 января, 1 мая и 1 сентября.

Подписка на истекшіе сроки не принимается.

Допускается разсрочка: при подпискѣ—2 р., а затѣмъ послѣ каждыхъ четырехъ книжекъ **по 1 р.** до полной уплаты всей подписной суммы.

Отдѣльные нумера „Театрала“ по 50 к.

При единовременномъ пріобрѣтеніи не менѣе 10 экз. разныхъ №№ дѣлается скидка 20% (каждая книжка по 40 кол.), не менѣе 10 экз. одного № — 40% (каждая книжка по 30 коп.). Цѣна тома (5—12 книжекъ)—2 р.

Цѣна отд. № „Театральной Библіотеки“—1 р., томъ (4 книжки)—3 р.

Книги прежнихъ лѣтъ продаются только отдѣльными книжками или томами.

Выписывающіе изъ редакціи за пересылку не платятъ.

Экземпляры 1-го тома и книжекъ №№ 1 и 3 „Театральной Библіотеки“ всѣ распроданы.

Объявленія принимаются съ платою за каждый разъ 10 р. за цѣлую страницу, 6 р. за половину и 3 р. за четверть страницы.

Редакція, контора и книжный магазинъ журнала **„Театралъ“** въ Москвѣ, **на Страстномъ бульварѣ, въ д. Адельгеймъ.**

Подписка принимается и отдѣльные нумера продаются въ конторѣ журнала **„Театралъ“ (Москва, Страстной б., д. Адельгеймъ)**, въ отдѣленіи конторы **въ Кіевѣ, въ книжномъ магазинѣ г. Идзиковскаго**, въ книжныхъ магазинахъ **„Новаго Времени“, Карбасникова** и Т-ва Вольфъ и въ конторѣ Н. Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи) и кромѣ того въ книжной лавкѣ Московскаго Большого театра и во всѣхъ книжныхъ, музыкальныхъ и эстампныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ; въ Казани у г. Дубровина; въ Костромѣ у г. Бекенева; въ Варшавѣ у г. Карбасникова; въ Орлѣ и Курскѣ у г. Кашкина.

Редакторъ-издатель О. А. КУМАНИНЪ.